

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

ЛОНДОН

— РОМАН —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

Затаите дыхание!

Это напряженное, лихое приключение,
страстная история о любви и войне
от начала времен до наших дней.

The Times (London)

АЗБУКА

The Big Book

Эдвард Резерфорд

Лондон

«Азбука-Аттикус»

1997

Резерфорд Э.

Лондон / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус», 1997 — (The Big Book)

Лондиниум. Лондон. Сердце Британской империи. Город прекрасных архитектурных памятников. Город великих ученых, писателей и художников. Город, выживший, несмотря на страшную эпидемию чумы и чудовищный пожар, которые практически уничтожили средневековый Лондон. Это захватывающий рассказ о людях, живших в городе от времен древних кельтских племен до наших дней. Увлекательная история многих поколений семей, чьи судьбы переплелись в этом городе: легионеров Юлия Цезаря, торговавших на остров два тысячелетия назад, рыцарей-крестоносцев, отправлявшихся отвоевывать Святую землю, свидетелей бурной семейной жизни Генриха VIII, участников постройки театра «Глобус», где играли пьесы Шекспира, свидетелей индустриальной революции нашего времени. Это роман для всех тех, кто побывал в Лондоне и полюбил этот город. Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

© Резерфорд Э., 1997

© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Предисловие	10
Река	12
54 год до н. э	14
Лондиниум	41
251 год н. э	41
Распятие	68
604 год	68
Завоеватель	107
1066 год	107
Тауэр	130
1078 год	130
1081 год	143
1087 год	163
1097 год	173
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Эдвард Резерфорд Лондон

*Эта книга посвящена кураторам и персоналу Музея Лондона, где
оживает история*

Edward Rutherford
LONDON
Copyright © 1997 by Edward Rutherford
All rights reserved

© Е. Копосова, перевод, 2015

© Ю. Каташинская, карты, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Эдвард Резерфорд родился в Англии в Солсбери, знаменитом своим кафедральным собором. Закончив Кембридж и Стэнфордский университет в Калифорнии, Резерфорд в течение нескольких лет увлекался политологией и издательским делом. В 1983 году он возвращается в отчий дом и решает посвятить себя писательской карьере. Его роман «Сарум» о людях, живших на протяжении 10 тысяч лет на территории около Стоунхенджа, стал международным бестселлером. Резерфорд написал еще семь исторических романов, действие которых происходит в России, Ирландии, Англии, Франции и США. Его книги переведены на 20 языков мира.

Увлекает и развлекает... Реальные люди сосуществуют и прекрасно себя чувствуют на страницах вместе с вымышленными персонажами.
Miami Herald

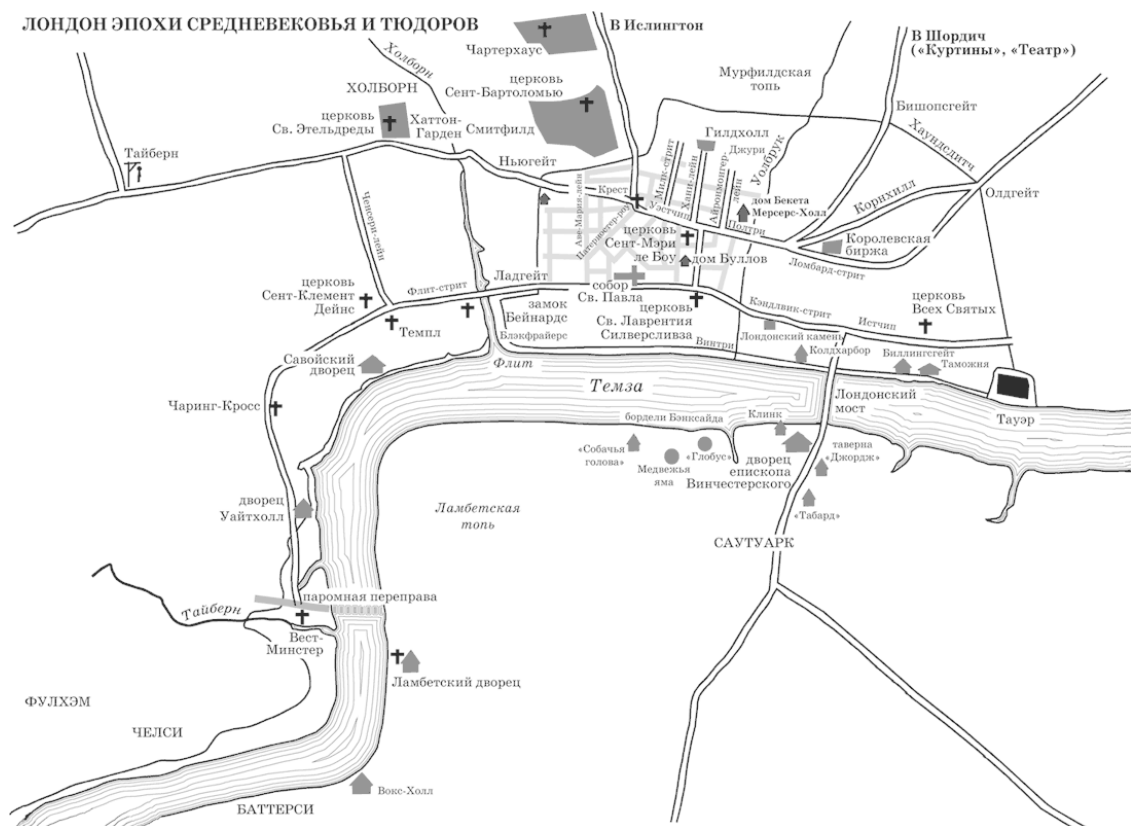
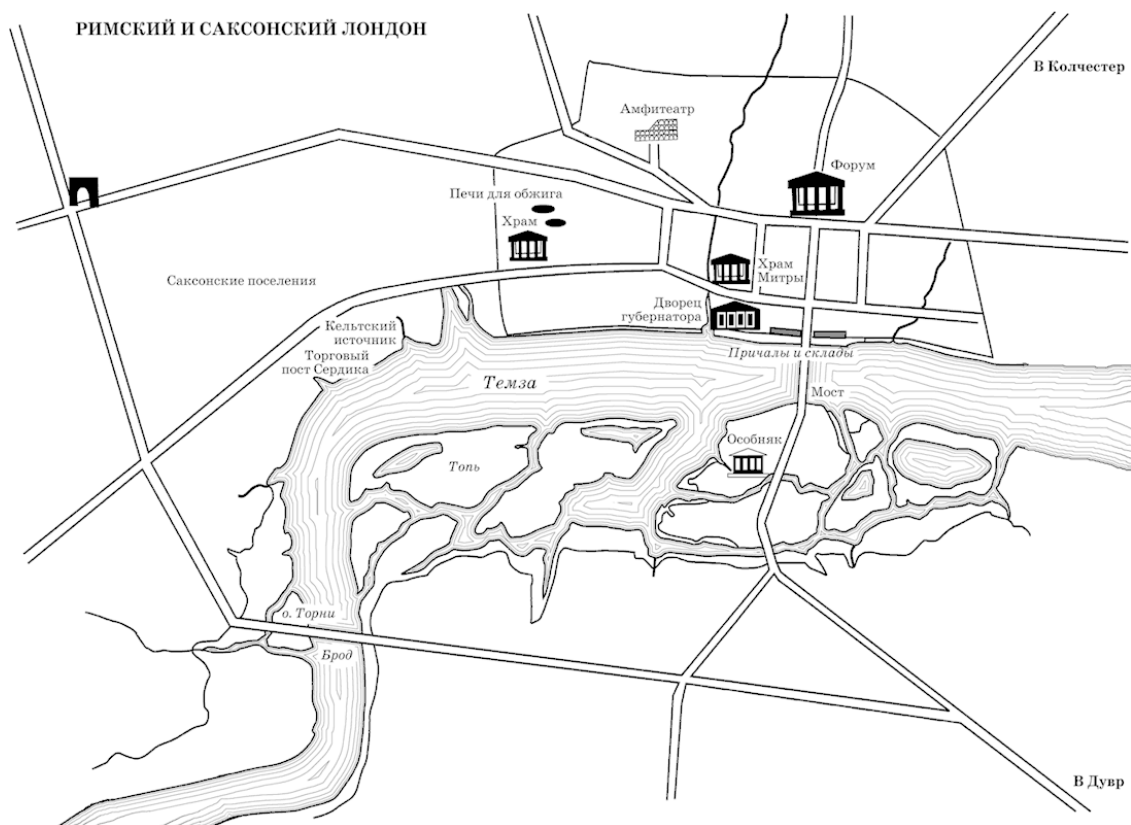
Лишь немногие романы рассказывают так подробно и понятно об истории современного человека.
Daily Telegraph (London)

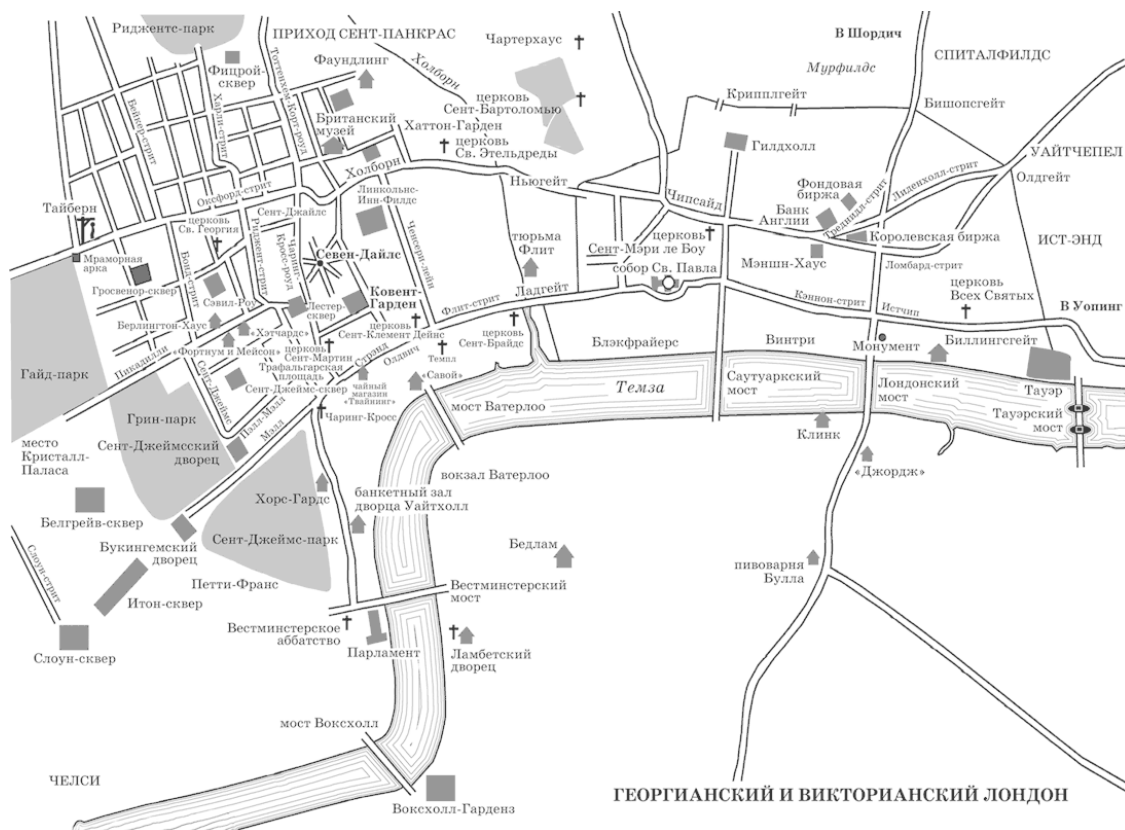
Роман «Лондон» может заставить вас полюбить историю.
The Times

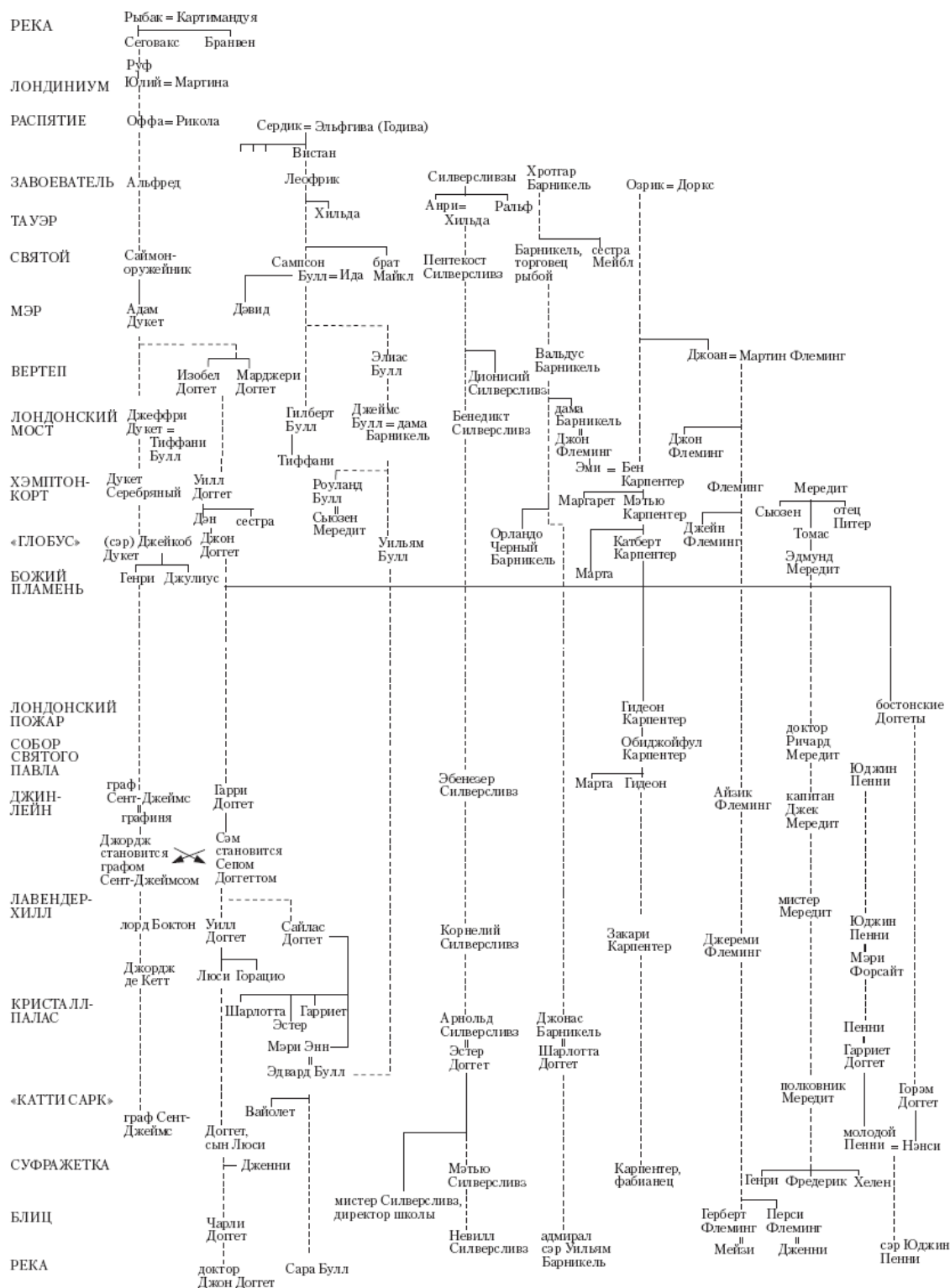
Незабываемые моменты английской истории сплетены воедино в этом великолепном романе.
New York Times

* * *

Предисловие

«Лондон» – это прежде всего роман. Все семьи, судьбы которых прослеживаются по ходу повествования, – от Дукетов до Пенни – являются вымышленными, как и их роли в описанных исторических событиях.

Рассказывая об этих никогда не существовавших семьях в ретроспективе столетий, я попытался поместить их в гущу людей и фактов либо реальных, либо возможных. В отношении исторических деталей мне иногда приходилось прибегать к домыслам. Так, нам никогда, вероятно, доподлинно не узнать, где именно Юлий Цезарь пересек Темзу; однако автору представляется самым логичным место, где ныне находится Вестминстер. Таким же образом, хотя нам известны политические условия, в которых епископом Меллитом был основан в шестьсот четвертом году собор Святого Павла, я счел себя вправе додумать на собственный лад тогдашнюю ситуацию в саксонском Лунденвике. Для эпохи позднейшей, где речь идет о тысяча восьмьсот тридцатом годе, я придумал и ввел избирательный округ Сент-Панкрас, чтобы дать моим героям возможность опротестовать состоявшиеся в том году выборы.

В общем и целом, начиная с Нормандского завоевания, о Лондоне и его отдельных обитателях накоплено так много сведений, что автор не испытывал нехватки в подробностях и только время от времени чуть адаптировал сложные события к ткани повествования.

Названия основных лондонских зданий и церквей почти всегда сохранялись. Также наименования многих улиц восходят еще к саксонским временам. А там, где они изменились, сей факт объясняется по ходу рассказа; если же это грозило путаницей, я просто указывал самое ходовое современное.

В романе допущены следующие вольности: торговый пост Сердика Сакса произвольно помещен на место нынешнего отеля «Савой»; дом под знаком Быка ниже церкви Сент-Мэри ле Боу лишь предположительно соседствует или пребывает на месте таверны Уильямсона; церковь Святого Лаврентия Силверсливза могла быть любая из нескольких окрестных церквушек, сгинувших после Великого пожара; «Собачьей головой» мог являться любой из многих публичных домов района Бэнксайд.

Однако я позволил себе перенести современную Мраморную арку в эпоху, когда ее сегодняшнее место было перекрестком римских дорог. Нет ничего невозможного в ее существовании уже тогда, но ее остатки еще предстоит обнаружить!

Что до вымышленных семейств, то в истории Лондона оставили след многие Доггеты и Дукеты. Подлинные носители этих имен, в частности знаменитый Доггет, устроитель регаты на приз Плаща и Значка на Темзе, упоминаются лишь иногда и очевидно отличаются от выдуманных. Родословные древа последних и наследственные физические особенности являются, конечно, плодом авторского воображения и созданы по требованию сюжета.

Булл – распространенная английская фамилия; Карпентер – типичная профессиональная, как Бейкер, Пейнтер, Тейлор и десятки других.¹ Читатели моего романа «Сарум» могут признать в Карпентерах родство с Мейсонами – «каменщиками». Еще одна часто встречаемая фамилия – Флеминг – имеет, предположительно, фламандское происхождение. Мередит – фамилия уэльская, а Пенни – возможно, хотя и не обязательно, – гугенотская. Редкая же фамилия Барникель, которая тоже фигурирует в «Саруме», восходит, скорее всего, к викин-

¹ Плотник, пекарь, маляр и портной соответственно. – Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.

гам, а ее происхождение связано с прекрасной легендой. Эту фамилию использовал Диккенс (Барнакли²), но в довольно уничижительном ключе. Надеюсь, я обошелся с ней немного лучше.

Однако фамилия Силверсливз,³ как и носящее ее носатое семейство, является целиком вымышленной. В Средние века в ходу было много таких восхитительных говорящих фамилий, которые, увы, большей частью остались в прошлом. Силверсливзы отдадут дань этой старой традиции.

Писатель, задумавший роман о Лондоне, сталкивается с колоссальной трудностью: обилием интереснейшего материала. У каждого лондонца есть в городе любимый уголок. Вновь и вновь возникает соблазн отвлечься и углубиться в ту или иную область, имеющую второстепенное значение. В Лондоне едва ли найдется приход, не способный обогатить сведениями такую книгу. Тот факт, что «Лондон» в значительной степени представляет собой историю всей Англии, побудил меня предпочесть одни районы другим, и остается только надеяться, что выбор не слишком разочарует многочисленных поклонников, кто знает и любит этот прекрасный из городов.

² Знатная и большая семья в романе «Крошка Доррит».

³ *Силверсливз* (Silversleeves) – «серебряные рукава»; в переносном смысле обозначает страдающего хроническим насморком человека, который утирается рукавом, оставляя на нем следы. Но главный герой, беря ее, не понял насмешку и расценил как признание его достатка.

Река

В начале времен здесь часто разливалось море.

Четыре миллиона лет назад материка располагались совершенно иначе. Остров являлся частью малого мыса на северо-восточной окраине огромной, бесформенной территории. Мыс, одиноко вдававшийся в великий Мировой океан, был пустынен, никто, кроме Бога, не созерцал его. Ни твари земной, крадущейся по суше, ни птицы в небесах, ни даже рыбешки в пучине.

В ту далекую эпоху отступившее море оставило после себя на юго-востоке мыса бесплодную местность – черную сланцевую плиту. Безмолвная и голая, лежала она подобно тверди неизвестной планеты, и серый камень перемежался лишь с мелкими заводами. Еще более древние силы, скрывавшиеся в недрах земли под сланцевой толщей, вознесли на две тысячи футов отлогий гребень, пересекавший ландшафт на манер исполинского волнолома.

Таким это место сохранялось долго – серым и погруженным в немоту, исполненным неизвестности того же сорта, что свойственна бескрайней тьме перед рождением.

За восемь последовавших геологических периодов, когда смещались материки, сформировалась большая часть горных хребтов и возникла жизнь, ничто не потревожило территорию, на которой вздымался сланцевый гребень. Моря наступали и уходили. Одни были теплыми, другие холодными. Каждое задерживалось на многие миллионы лет. И все оставляли по себе наслоения в сотни футов, из-за которых гребень, хотя и был высок, обрел покров, сгладился и схоронился в глубине, явив в итоге лишь слабый намек на свое существование.

Когда на Земле расцвела жизнь, растения заселили ее поверхность, а воды ее наполнились существами, планета принялась наращивать слои, образованные этим новым, органическим бытием. Огромное море, ушедшее примерно в эпоху исчезновения динозавров, оставило столько спрессованного неразложившегося мусора из планктона и рыбы, что мелом можно было покрыть значительную часть Южной Англии и Северной Франции, а толщина слоя составила бы около трехсот футов.

И вот над местностью, где был похоронен древний гребень, явился новый ландшафт.

Он имел совершенно иную форму. По мере того как приходили и уходили моря, а грандиозные системы подземных рек обретали на этом участке мыса выход, меловое покрытие преобразовалось в широкую и неглубокую низину миль двадцати в поперечнике с хребтами на юге и севере, которые расходились к востоку, образуя огромную букву «V». Эти разливы стали причиной новых наносов из гравия и песка, а один, представлявший собой тропическое море, оставил в центре впадины толстый слой отложений, который со временем приобретет известность как лондонская глина. Колебания уровня воды привели к тому, что позднейшие слои образовали в большой букве «V» дополнительные, несколько меньшие кряжи.

Такой была местность, предназначенная Лондону, примерно миллион лет назад.

Человека пока не было. Хотя его предок уже передвигался на двух ногах, но череп оставался сродни обезьяньему. И прежде чем появились люди, надлежало состояться еще некоторым великим событиям.

Речь идет о ледниковых периодах.

Суша менялась не в силу наступления ледников, а как раз наоборот, с потеплением. Всякий раз, когда лед начинал таять, переполненные им реки вскипали и колоссальные замороженные массы, подобные неспешным геологическим бульдозерам, бороздили низины, сминали холмы и вымывали гравий, наполняя своими водами образовавшиеся речные русла.

На момент этих преобразований маленький северо-восточный мыс огромного Евразийского континента скрывался подо льдом лишь отчасти. В своем наибольшем выступе ледяная стена заканчивалась на северном краю протяженной меловой буквы «V». Однако оледенение, достигшее этих пределов около полумиллиона лет назад, принесло один важный результат.

Большая вода текла в то время из центра мыса на восток и чуть забирала к северной части «V». Когда наступающий лед начал перекрывать ей ток, она – упрямая, холодная и полноводная – нашла себе другой выход, прорвавшись приблизительно в сорока милях к западу, где пролегал сланцевый гребень, сквозь слабый участок в меловом хребте, благодаря чему возникла теснина, известная ныне как Горинг-Гэп, после чего вода устремилась и растеклась на восток, к центру «V» – идеальному своему вместилищу.

Так родилась река.

В какой-то период наступления и отхода льдов появился Человек. Точное время сего события неизвестно. Река уже протекала сквозь Горинг-Гэп, но даже неандерталец еще не сформировался. Человек же современного вида развился не раньше последнего ледникового периода – чуть больше ста тысяч лет назад. Тогда-то по мере таяния ледовой стены он перебрался в низину.

Затем, немногим меньше десяти тысяч лет назад, нахлынули воды с подтаявшей арктической ледяной шапки, которые затопили равнину на восточной стороне мыса. Прорезав в меловых хребтах огромную букву «J», они подмыли само его основание, создав узкий канал, выходявший на запад в Атлантику.

Итак, небольшой мыс превратился в остров, подобный некой северной версии Ноева ковчега после Потопа. Свободный, но вечно привязанный к побережью великого материка, частью которого он некогда являлся. На западе раскинулся Атлантический океан, на севере – холодное Северное море; по южному краю, откуда на соседний континент взирали высокие меловые скалы, возник Английский канал. Так, в окружении этих суровых морей, родился остров Британия.⁴

Огромная меловая буква «V» теперь выходила не на восточную равнину, а в открытое море. Ее длинный раструб превратился в устье реки. На восточном краю сего эстуария меловые хребты поворачивали на север, оставляя с восточного фланга большую полосу низинных лесов и топей. По южной стороне примерно на семьдесят миль выступил продолговатый полуостров с высокими меловыми гребнями и плодородными долинами, образовавший юго-восточную оконечность острова.

Устье имело одну особенность. Морской прилив не только перекрывал реке выход, но и обращал ее вспять, гнал к сужавшейся воронке эстуария и дальше вверх, на приличное расстояние, переполняя канал; с отливом эти воды стремительно оттекали назад. По этой причине в низовьях реки возникало мощное приливное течение, а уровень воды колебался в пределах добрых десяти футов. Такое положение дел сохранялось на много миль вверх по реке.

В момент отделения острова здесь уже жил Человек; другие люди на протяжении последовавших тысячелетий тоже пересекали узкие, но опасные моря. Тогда-то и началась собственно человеческая история.

⁴ Римское название сначала всех Британских островов; затем название только одного из них – Великобритании. Это название произошло от бриттов – основного населения страны.

54 год до н. э

На исходе холодной и звездной весенней ночи за пятьдесят четыре года до Рождества Христова на берегу реки остановилась полукругом и затихла в ожидании рассвета толпа из двухсот человек.

Зловещие новости пришли десять дней назад.

У края воды выделялась группа поменьше – пять фигур. Безмолвных и неподвижных, в одеждах длинных и серых, их можно было принять за каменные столбы. То были друиды, и они собирались провести обряд в надежде, что тот спасет остров и весь их мир.

Среди встретившихся на побережье оказались трое, каждый из которых, какие бы ни питал надежды и страхи в связи с нависшей угрозой, хранил свой личный и ужасный секрет.

Один из них был мальчик, вторая – женщина, третий – глубокий старец.

На протяженных речных берегах имелось много священных мест, однако дух великой реки нигде не присутствовал столь явственно, как здесь.

Здесь она встречалась с морем. Ниже поток, неуклонно расширяясь и рисуя огромные петли, пересекал открытую болотистую местность, пока миль через десять не вливался в продолговатую воронку устья, выходящую на восток, откуда вторгался в холодное Северное море. Вверх по течению река волшебным образом вилась между приятными лесами и пышными, ровными лугами. Но здесь, меж двух великих речных изгибов, на две с половиной мили простиралась самая благодатная полоса воды – в участке, где река утекала на восток единым величественным росчерком.

Здесь бывали приливы. На их пике, когда наступавшее море обращало течение, река разливалась на тысячу ярдов, в иное же время – всего на триста. В середине, на полпути по южному берегу, в болотистой местности, в поток вдавалась одинокая отмель, имевшая вид косы при отливе и превращавшаяся в остров на высоте прилива. Люди стояли точно на ее оконечности. Напротив, на северном берегу, раскинулась ныне пустынная местность, именовавшаяся Лондиносом.

Лондинос. Даже сейчас, при свете зари, очертания древнего места отчетливо различались через водную гладь: два низких и плоских холма, бок о бок возвышавшихся над береговой линией примерно на восемьдесят футов. Меж холмов струился скромный ручей. Слева, на западной стороне, поток покрупнее нисходил в широкую бухту, нарушавшую северный берег.

К востоку от холмов когда-то существовало небольшое городище, земляная стена которого, теперь опустевшая, могла служить сторожевым постом для обнаружения кораблей, идущих из устья. На западном холме друиды иногда приносили в жертву волов.

Сейчас там ничего не осталось. Брошенное поселение. Священное место. Люди осели на юге и севере. Народы, которыми правил великий вождь Кассивелаун, заняли обширные восточные территории выше устья. Племя кантиев, обосновавшееся на длинном полуострове к югу от оной, успело наречь эту область Кентом. Река выступала границей, а Лондинос являлся своего рода нейтральной территорией.

Происхождение названия было покрыто мраком. Одни говорили, что некогда здесь жил человек по имени Лондинос; другие предполагали, что оно относилось к небольшому земляному укреплению на восточном холме. Но точно не знал никто. Так или иначе, в какой-то момент последнего тысячелетия оно появилось.

Холодный ветер с устья продувал реку. Слабо и остро пахло илом и водорослями. Небо посветлело, и яркие утренние звезды начали меркнуть.

Мальчик содрогнулся. Он выстоял час и замерз. На нем, как и на большинстве собравшихся, была простая шерстяная туника до колен, перехваченная кожаным поясом. Рядом стояли его мать с младенцем и сестренка, малютка Бранвен, которую он держал за руку, ибо в подобных случаях задача присматривать за ней возлагалась на него.

Он был смышленный, отважный паренек – темноволосый и голубоглазый, как большинство кельтов. Звали его Сеговакс, ему было девять лет. Но если присмотреться, в его наружности открывались две необычные черты. Со лба свисала белая прядь, как будто кто-то мазнул ее краской. Такие наследственные метки имелись у представителей ряда семейств, населявших окрестные прибрежные деревушки. «Тебе не о чем беспокоиться, – заверила его мать. – Многие женщины считают это знаком везения».

Вторая особенность была куда причудливее. Если мальчик разводил пальцы, между ними на уровне первых суставов виднелась тонкая кожица, напоминавшая утиную перепонку. Эта черта тоже была наследственной, хотя проявлялась не во всех поколениях. Могло сложиться впечатление, что некий доисторический ген рыбовидного пращура Человека упорно отказывался полностью изменить водоплавающую сущность и продолжал обнаруживаться в этой мелочи. Действительно, огромные глаза и гибкое маленькое тело делали мальчика отчасти похожим на головастика или иное дитя воды, приспособившееся к выживанию за трудноопределимые эоны.

Таким же был и дед. «Но ему в младенчестве вырезали лишнюю кожу», – поведал жене отец Сеговакса. Та, однако, не вынесла мысли о ноже, и все оставили как было. Мальчика это не волновало.

Сеговакс покосился на свою семью: маленькую Бранвен с нежным нравом и приступами буйства, которых никто не мог обуздать; ребенка на руках у матери, только начавшего ходить и лепетать первые слова; саму мать, бледную и в последнее время необычно отрешенную. Как же он их любил! Но вот он взглянул мимо друидов и чуть улыбнулся. У самой воды виднелся скромный плот, рядом с которым стояли двое мужчин. И один из них – его отец.

У них, отца и сына, было много общего. Белая прядка, одинаковые большие глаза. Отцовское лицо избороздили морщины, похожие на чешую и придававшие ему сходство с неким серьезным рыбоподобным созданием. Был он так предан своей маленькой семье, столько знал о реке и так умело управлялся с сетями, что местные звали его просто Рыбаком. И Сеговакс понимал, что пусть другие мужчины были физически крепче, чем этот молчаливый малый с сутулой спиной и длинными руками, но на свете не найдется человека добрее. Отец был полон спокойной решимости. «Рыбак, быть может, на вид и невзрачен, – судили селяне, – но он никогда не сдастся». Сеговакс знал, что мать обожала отца. Он тоже.

Именно поэтому днем раньше он составил дерзкий план, который, если удастся его выполнить, по иронии судьбы мог стоить ему жизни.

Свечение над восточным горизонтом стало подрагивать. Через несколько минут взойдет солнце, и свет, излившийся с востока, затанцует на воде. Пятеро друидов, обратившись лицом к соплеменникам, негромко затянули песнь, а люди внимали.

Из толпы по сигналу выступил кражистый человек. Богатый зеленый плащ с золотым шитьем и горделивая осанка выдавали знатное происхождение. В руках он держал плоский прямоугольный металлический предмет. Его гладкая поверхность поблескивала в прибывавшем свете. Мужчина передал его высокому белобородому друиду в центре.

Жрец повернулся к светившемуся горизонту, и старческая фигура взошла на плот. В тот же миг ожидавшие мужчины – отец Сеговакса и его напарник – ступили туда же позади него и, отталкиваясь длинными шестами, погнали плот на середину широкого разлива.

Оставшиеся четверо друидов продолжали петь, и заунывный звук таинственно нарастал, растекаясь над гладью, покуда деревянное сооружение уплывало вдаль. На сотню ярдов. На двести.

Явилось солнце – огромной багровой дугой над водой. Оно росло, его круг заливал реку золотым светом. Четверо друидов, ставших силуэтами на его фоне, внезапно превратились в великанов, едва их длинные тени простерлись к замершей в ожидании толпе.

Старший друид пребывал посреди реки; двое мужчин, вооруженных шестами, удерживали плот на месте вопреки течению. Холмы на северном берегу купались в красноватом солнечном свете. И вот, как некое древнее седобородое морское божество, восставшее из вод, высокий друид на плоту на середине реки поднял над головой металлический предмет так, чтобы ловить и отражать лучи.

Это был щит, изготовленный из бронзы. Хотя в основном оружие на острове изготавливалось из железа, бронза, более древняя и легкая в обработке, применялась для ритуальных изделий вроде этого, требовавших тонкого мастерства. Сей щит и был произведением искусства, посланным с доверенным лицом самим великим вождем Кассивелауном. Хитроумный узор вкупе с изнанкой, выложенной самоцветами, являли образчик филигранной кельтской работы по металлу, которой славилась эта земля. Это был лучший дар из всех, что могли преподнести богам островитяне.

Друид единым махом послал щит высоко над водой. Сверкнув, тот описал дугу и упал на яркую солнечную дорожку. Толпа издала вздох, когда река безмолвно приняла подношение и продолжила свой бег.

Но пока старый друид смотрел, случилось нечто странное. Вместо того чтобы пойти ко дну, бронзовый щит завис в чистой воде, едва погрузившись ниже поверхности. Его металлический лик блистал на свету. Сначала старец удивился, а потом смекнул, что причина чрезвычайна проста. Металл сильно истончили ковкой, а основа была из светлого дерева. Щит, покрытый лишь пленкой воды, обречен оставаться на плаву, покуда не разбухнет древесина.

И было кое-что еще. Пока подкрадывался рассвет, течение повернулось вспять. Теперь оно устремилось не вниз по реке, а вверх, от эстуария – к участку в нескольких милях от Лондиноса. И потому щит, захваченный холодной полупрозрачной волной, неспешно плыл к верховью, как будто осторожно утягиваемый вглубь острова некой незримой рукой.

Старик смотрел и гадал о смысле знамения. Доброе оно или злое, с учетом грозящей опасности?

Угроза исходила от Рима. Она звалась Юлием Цезарем.

За тысячи лет, прошедшие с великого отступления льдов, остров Британия стал домом для нескольких народностей. То были охотники, простые земледельцы, создатели каменных храмов, таких же, как Стоунхендж, а в последние столетия племена, принадлежавшие к великой кельтской культуре Северо-Западной Европы. Островитяне процветали, гордые стихами и песнями бардов, сказаниями и танцами, металлическими изделиями поразительной красоты. Они обитали в прочных деревянных хижинах округлой формы, окруженных частоколом или кольцами высоких земляных стен. Выращивали ячмень и овес, держали скот, пили эль и крепкую медовуху. Их остров, скрытый мягкими северными туманами, оставался сам по себе.

Да, за сотни лет на этих берегах не раз высаживались торговцы из солнечного Средиземноморья, предлагавшие предметы роскоши в обмен на меха, рабов и знаменитых островных охотничьих собак. Последние поколения стали свидетелями оживленной торговли, которая наладилась в гавани на южном побережье, где от заброшенного древнего храма – Стоунхенджа – нисходила еще одна река. Но невзирая на то что британским вождям нравилось от случая к случаю приобретать вино, шелка и римское золото, места, откуда текли эти богатства, оставались далекими и представлялись лишь смутно.

Но вот античный мир породил величайшего авантюриста, какого знала история.

Юлий Цезарь возжелал править Римом. Для этого он нуждался в завоеваниях. Лишь недавно он вторгся на север, дошел до самого Английского канала и основал новую, огромную римскую провинцию – Галлию. Затем полководец обратил взор к туманному северному острову.

И в прошлом году явился. В сопровождении скромного отряда, состоявшего в основном из пехоты, Цезарь лично высадился под белыми скалами юго-восточного побережья Британии. Вожди бриттов были предупреждены, но все равно пришли в трепет при виде вымученных римских войск. Однако кельтские стражи проявили отвагу. Внезапными конными атаками с применением колесниц им удалось несколько раз заставить римлян врасплох. Одновременно буря повредила флот кесаря. После серии столкновений и маневров в прибрежном районе Цезарь отступил, и вожди ликовали. Боги даровали им победу. Когда пленные предупредили их, что то была лишь разведка, большинство бриттов не поверили.

Затем, однако, начали просачиваться новости. Строился новый флот. Поговаривали, что собиралось войско численностью не меньше пяти легионов и двух тысяч всадников. Десять дней назад в Лондиносе остановился гонец. Его донесение вождям было коротким и четким: «Цезарь идет».

Жертва была принесена. Толпа расходилась. Из четверых друидов двое возвращались на юг, а двое – на север от реки. Что же до старика, совершившего жертвоприношение, то отец Сеговакса должен был доставить его вверх по течению к дому, отстоявшему на две мили.

Безмолвно простившийся с собранием жрец изготовился шагнуть в лодку, но вдруг повернулся и задержался взглядом на женщине. Это длилось всего мгновение. Затем он подал знак смиренному рыболову и продолжил движение.

Мгновение, но достаточно долгое. Картимандую затрясло. Говорили, что старику было ведомо все. Это могло быть правдой. Она не знала. Держа ребенка, женщина подтолкнула Сеговакса и Бранвен вперед и направилась к пасшимся на привязи лошадям. Правильно ли она поступала? Картимандуя убеждала себя, что да. Разве она не защищала их всех? Не совершала должного? При этом ее не покидало острейшее, мучительное чувство вины. Возможно ли, чтобы старый друид, которого вез ее муж, догадался о переговорах?

Близ лошадей она выждала еще несколько минут, пока не прибыли представители великого вождя. Нужный ей человек был среди них. При виде Картимандуи он отвернулся и помедлил.

Юный Сеговакс взирал на знатного господина с интересом, так как именно тот выступил, чтобы вручить друиду щит. Вельможа был статным, с густой черной бородой, тяжелым взглядом острых синих глаз и аурой грубой властности. Под зеленым плащом виднелась туника, отороченная лисьим мехом. С шеи свисал увесистый торк – золотая кельтская гривна, указывавшая на его высокий ранг.

Мальчик видел его не впервые. За последний месяц могущественный военачальник приезжал дважды и всякий раз останавливался в селении напротив Лондиноса.

– Будьте наготове, – велел он людям, осмотрев их оружие. – Великий вождь Кассивелаун ожидает сосредоточения наших сил в этом месте. Я займусь оборонительными укреплениями.

Мать Сеговакса оставила сына с малышом и Бранвен. Она устремила к военачальнику, желая с ним поговорить.

Тот задумчиво наблюдал за ее приближением. Привычно оценил чадородные возможности. Картимандуя, безусловно, как он отметил при первой встрече, являла собой поразительное создание. Густые волосы цвета воронова крыла ниспадали на плечи. Изящное, тонкое тело, однако с тяжелыми грудями. Не грудь, а мечта любого мужчины. Он обратил внимание, как

женщина чуть вильнула телом, приблизившись. Он заметил это еще при знакомстве. Всегда ли она так делала или удостаивала только его?

– Ну? – произнес он угрюмо.

– Договор остается в силе?

Он взглянул на детей, затем на челн, в котором муж женщины перевозил престарелого друида. Тот уже был далеко. Муж ничего не знал. Вельможа вновь уставился на Картимандую, поедая ее глазами.

– Я уже говорил, что да.

Теперь он представил ее в будущем. Бледное лицо с узкими скулами осунется, влекущие очи потускнеют. Страсть претворится в одержимость, а то и в ожесточение. Но хороша, весьма хороша – еще на несколько лет.

– Когда? – Она, казалось, чуть успокоилась, но не вполне.

Он пожал плечами:

– Кто может знать? Скоро.

– Он не должен догадаться.

– Когда приказы отдаю я, им повинуются.

– Да.

Она кивнула, но стояла в неуверенности. Смахивает на дикое животное, подумал он. Он подал знак, что разговор завершен. Через несколько мгновений он уже ехал прочь.

Картимандуя вернулась к детям, не ведающим ее ужасной тайны. Но скоро они узнают. В голове мелькнула пугающая мысль: будут ли они по-прежнему любить ее после этого?

Челн двигался вверх по течению, а друид пристально всматривался в воду. Приняла река щит или тот остался качаться в потоке? Старик глянул и на своего скромного перевозчика. Он помнил отца этого малого – с перепончатыми руками, как у мальчишки. И у его родителя до того.

Друид вздохнул. Местные жители неспроста прозвали его отцом реки. Он был очень стар, почти семидесяти лет, но все еще при силах, все еще внушительного вида. Росту в нем было около шести футов – исполин по сравнению с большинством мужчин. Пышная белая борода достигала пояса, седая же голова оставалась непокрытой, если не брать в расчет золотого обруча на лбу. Серые глаза отличались зоркостью. Именно он из года в год приносил в жертву волов на восточном холме-близнеце Лондиноса; он возносил молитвы в священных рощах среди окрестных дубрав.

Никто не знал, когда на европейском северо-западе зародился друидизм, но в Британии он вошел в невиданную силу, так как в последние годы многие его адепты пересекли море, дабы найти убежище на туманном острове. Бытовало мнение, что британские друиды хранили чистоту традиции, опиравшейся на древнее знание. В глубине острова существовали странные каменные круги – святилища столь древние, что никто не мог поручиться даже за их рукотворное происхождение. Молва гласила, что в них друиды встречались давным-давно. Но вдоль реки они обычно имели пристанище в небольших деревянных храмах или священных рощах.

И все же этому дряхлому друиду приписывали особый дар, в котором отказывали прочим жрецам, ибо боги наградили его ясновидением.

Эта удивительная способность проявилась на тридцать третьем году жизни. Сам он не знал, чем был сей дар – благом или проклятием. Ясновидению недоставало полноты. Иногда оно ограничивалось смутными предчувствиями, а иногда позволяло увидеть будущие события с ужасающей четкостью. А порой он, как обычные люди, оставался слеп. С годами он научился воспринимать это состояние ни как плохое, ни как доброе, но просто как свойство своей натуры.

Его дом находился неподалеку. Через две с половиной мили вверх по течению река делала один из многих величественных изгибов, в данном случае – на юг под прямым углом с последующим поворотом снова к востоку. За изгибом раздвоенный поток образовал прямоугольный островок, отколовшийся от северного берега. Это было тихое место, поросшее дубом, ясенем и хвойными деревьями. Здесь, в одинокой скромной хижине, друид отбывал свое добровольное отшельничество последние тридцать лет жизни.

Старик часто путешествовал по окрестным деревням вдоль реки, неизменно встречая почет и хлебосольное гостеприимство. Иногда он вдруг обязывал селянина – как вышло и с отцом Сеговакса – взять себя на много миль вверх по реке в какое-нибудь священное место. Однако обычно столбик дыма указывал, что хозяин пребывает на островке, и окружающие воспринимали его безмолвное присутствие как знак безопасности территории, усматривая в нем нечто вроде священного камня, который, сколько ни покрывался лишайниками, бывал неподвластен времени.

Старик заметил щит в тот самый миг, когда челн уже входил в поворот и показался остров. Как и раньше, тот слабо отсвечивал под водной поверхностью, медленно двигаясь против течения к далекому сердцу реки. Друид уставился на него. Река не вполне отвергла подношение. Но не вполне и приняла. Жрец покачал головой. Знак совпадал с предчувствием, посетившим его месяц назад.

Ясновидение подсказало ему и другие вещи. Он не знал, к чему изготовился юный Сеговакс, однако воспринял жестокие терзания Картимандуи. Сейчас он предвидел и судьбу, уготовленную безмолвному Рыбаку. Только видение касалось события намного более грандиозного и ужасного, которого он по-прежнему не понимал целиком. По дороге к дому старик глубоко погрузился в раздумья. Возможно ли, чтобы божества древнего острова Британия были уничтожены? Или случится нечто еще, чего он не мог понять? Это было чрезвычайно странно.

Сеговакс прождал всю весну. Каждый день он караулил гонцов на взмыленных конях, а каждую ночь глазел на звезды и гадал: где же они? Возможно, пересекают море? Но никто не приехал. Время от времени их достигали слухи о подготовке, но признаков вторжения не наблюдалось. Остров словно впал в оцепенение.

Деревня, где жила семья, была прелестным уголком. Полдюжины округлых хижин с соломенными крышами и земляными полами окружала плетеная изгородь; здесь же располагались два загон для скота и несколько амбарных строений на сваях. Деревушка разместилась не на косе, где проводили обряды друиды, но ярдах в пятидесяти сзади. Во время прилива, когда коса превращалась в остров, он оказывался отрезанным от суши, но никто не горевал. На самом деле именно водная преграда привлекла сюда поселенцев много поколений назад. Сама же почва, по большей части щебенчатая подобно окружающим холмам, была прочна и суха. Весной, когда теплело, болотистые земли вдоль южного берега подсыхали, и там паслись лошади и скот. Сеговакс с сестренкой и другими детьми играли в этих лугах, поросших лютиками, первоцветом и примулой. Но главным достоинством мыса являлась рыбная ловля.

Река была широкая, мелкая и чистая. В ее искристых глубинах водилось много разной рыбы. Вовсю расплодились форель и лосось. Забрасывать сети с косы – сущее удовольствие. Или же мальчишки отваживались двинуться через топи в основании косы к местам, где исправно ловился угорь.

«Те, кто здесь живет, – внушал отец, – никогда не узнают голода. Река всегда прокормит». Порой Сеговакс, расставив с ним сети, садился рядом на берегу и смотрел на далекие холмы-близнецы. Отец же, взирая на вечную смену приливов и отливов и наблюдая за тем, как изо дня в день вода устремляется против течения, задерживаясь на пике и вновь опадая, изливаясь в море, довольно замечал: «Смотри! Река дышит».

Сеговакс любил оставаться с отцом. Он был жаден до знаний, а тот лишь радовался, имея возможность учить. К пяти годам мальчик знал все о том, как ставить силки в окрестных лесах. К семи умел перекрыть крышу хижины болотным камышом. Не хуже, чем расставлять сети, он мог застывать на мелководье и ловко пронзать рыбину заостренным шестом. А еще помнил десятки сказаний о бесчисленных кельтских богах и мог перечислить предков не только своей семьи, но и великих островных вождей на многие поколения. Недавно Сеговакс начал овладевать важнейшими знаниями в хитросплетении браков, наследований и присяганий на верность, которые связывали племя с племенем, вождя с вождем, селение и семью узами дружбы или вражды по всему кельтскому острову. «Ибо все это вещи, в которых обязан разбираться мужчина», – пояснял отец.

В последние два года он вырабатывал у сына еще один навык. Для этого сделал Сеговаксу копье. Не просто заостренный шест для рыбалки, а настоящее копье с легким древком и металлическим наконечником. «Если хочешь стать воином и охотником, – изрек он с улыбкой, – тебе придется сначала освоить это». И напоследок предупредил: «Но будь с ним поаккуратнее».

С тех пор едва ли выдавался день, когда мальчик не выходил со своим копьем и не метал его в мишень. Вскоре он уже мог попасть в любое дерево в пределах досягаемости. Затем в ход пошли мишени потруднее. Он целился в зайцев – обычно безуспешно. Однажды его застукали с малюткой Бранвен, которая послушно удерживала мишень на палочке, а Сеговакс бросал копье. Даже его добрый отец рассвирепел из-за этой выходки.

Родитель был безгранично мудр. Но Сеговакс, когда подрос, уловил в нем кое-что еще. Отец – сутулый, узколицый, с неряшливой каштановой бородой – жилист, но все-таки не так физически крепок, как остальные мужчины. Однако в любом совместном труде он неизменно настаивал, что будет работать ровно столько, сколько другие. После таких многочасовых подвигов отец выглядел бледным и измученным, и Сеговакс перехватывал тревожные взгляды матери. В других же случаях, когда народ, ословелый от эля и меда, рассаживался летними вечерами вокруг костра, именно его отец голосом тихим, но удивительно глубоким для такого тщедушного тела, запевал, порой подыгрывая себе на простой кельтской арфе. В такие минуты усталость улетучивалась и на отцовском лице появлялась волшебная просветленность.

А потому Сеговакс, как и его мать, не только любил отца и восхищался им, но и понимал, что обязан его защищать.

Отец, по мнению мальчика, подвел его лишь в одном.

– Когда ты возьмешь меня к устью, вниз по реке? – спрашивал Сеговакс каждые несколько месяцев.

И тот неизменно отвечал:

– Со временем. Когда будет дел поменьше.

Сеговакс ни разу не видел моря, а потому, бывало, дулся и жаловался:

– Ты вечно обещаешь – и без толку...

Эти светлые дни омрачались лишь приступами хандры у матери. Переменчивость нрава была свойственна ей всегда, а потому ни Сеговакс, ни его сестра особо не волновались. Однако мальчику чудилось, что в последнее время перемены ее настроения объяснялись чем-то куда более серьезным. Иногда она бранила их с Бранвен без всякой на то причины, затем вдруг подхватывала малышку, сжимала в объятиях и так же поспешно отсылала прочь. Однажды, надавав им шлепков за какое-то прегрешение, она разразилась слезами. И всякий раз, когда поблизости находился отец, мальчик видел, как мать следила за каждым его движением с лицом бледным и едва ли не озлобленным.

Весна обернулась летом, однако известий о новых перемещениях Цезаря не поступало. Если за морем еще и сбивались легионы, никто не прибыл по реке в деревню, чтобы поведать об этом. И все же, когда мальчик спрашивал, придут ли римляне в селение, коль скоро

решатся выступить, отец всегда негромко отвечал: «Да». И добавлял со вздохом: «Помоему, иначе никак».

Причина была очень проста: брод. Он проходил близ острова, где обитали друиды. В отлив вода там не поднималась выше груди, и желающие легко добирались до южного берега.

– Конечно, – продолжал отец, – вверх по течению есть и другие броды.

Но первое мелкое место, начиная от устья, находилось именно здесь. И с незапамятных времен путешественники устремлялись в эти славные пределы, когда сходили с древних троп, тянувшихся вдоль великих меловых хребтов. Надумай римлянин Цезарь высадиться на юге и вторгнуться, минуя устье, в обширные земли Кассивелауна, кратчайший путь вывел бы его к этому броду.

«Скоро, – сказал себе мальчик, – он будет здесь».

Так, в ожидании, прошел месяц. Затем еще один.

В начале лета произошел случай, после которого мать, по мнению Сеговакса, стала вести себя куда чуднее.

Началось все вполне невинно, с детской ссоры. Он отправился с малюткой Бранвен на прогулку. Рука об руку они пересекли луга на южном побережье и поднялись по склонам к кромке лесов. Там они какое-то время играли. После мальчик, как всегда, стал упражняться в метании копья. А потом и сестра попросила попробовать.

Копье было невелико, а ранее Сеговакс обещал. Однако в этот раз он отказал, хотя не мог впоследствии вспомнить из-за чего: то ли решил, что все же она слишком мала, то ли хотел подразнить.

– Ты обещал! – возмутилась Бранвен.

– Может быть. Но я передумал.

– Так нельзя!

– А вот и можно.

Но то была крошка Бранвен – миниатюрная, гибкая и сильная; голубоглазая Бранвен, осмеливавшаяся взбираться на деревья, которые он не решался покорять; Бранвен, чьи гневные вспышки не всегда могли обуздать даже родители.

– Нет! – Она топнула. Лицо начало багроветь. – Это нечестно! Ты обещал. Давай сюда!

И она потянулась к копью, намереваясь сцапать его, но Сеговакс предусмотрительно сменил руки.

– Бранвен, нет. Ты моя младшая сестра и должна слушаться.

– Нет, не должна!

Она проорала это во всю мощь своих легких, с лицом уже глинистого оттенка и со слезами на глазах. Дернулась снова к копью, затем размахнулась и что было сил ударила брата кулачком по ноге:

– Ненавижу тебя!

Сестра буквально задыхалась от ярости.

– Ничего подобного.

– Да, ненавижу! – завопила Бранвен.

Она попыталась пнуть его, но он придержал ее. Сестра врезала ему по руке, а затем, не успев он ее перехватить, побежала по склону и скрылась среди деревьев.

Какое-то время он ждал, зная свою сестренку. Уселась небось на бревнышке, не сомневаясь, что он пойдет искать. И вот он отыщет ее, а она упрется, откажется сдвинуться с места и вынудит в конце концов умолять. И все же он поднялся к лесу.

– Бранвен! – позвал Сеговакс. – Я тебя люблю!

Но ответа не было. Он долго бродил вокруг. Девочка не могла заблудиться, поскольку, где бы ни находилась, ей некуда было деться, помимо склона холма, по которому Бранвен спу-

стилась бы к прибрежным лугам и топям. Значит, нарочно спряталась. Он звал снова и снова – тщетно. Вывод напрашивался единственный: мальчик наконец догадался, что она задумала. Тихонечко обошла, побежала домой и сказала родителям, что он ушел, бросив ее одну, и теперь ему крепко достанется. Однажды она уже проделала над ним такую штуку.

– Бранвен! – окликнул он снова. – Я тебя люблю. – Под нос же буркнул: – Ну погоди, змеюжина мелкая, я тебе это припомню.

И Сеговакс пошел домой, где тоже, к своему изумлению, сестры не обнаружил.

Отец лишь вздохнул и отправился на поиски, бросив: «Спряталась где-нибудь, чтобы позлить его». Но мать отреагировала странно. Побелела как мел. Челюсть отвисла в ужасе. Голосом, севшим от страха, она прикрикнула на обоих:

– Живо! Найдите ее. Пока не поздно.

Не забыть Сеговаксу и взгляда, которым она его наградила. В нем была чуть ли не ненависть.

Его презирали в стае – последним ел, с ним почти не считались. Даже нынче, в летнюю пору, когда собратья кормились столь славно, что зачастую не утруждались долгим преследованием, он оставался тощим и шелудивым. Когда он снялся с гряды, чтобы порыскать в низовье, никто из стаи не воспрепятствовал, лишь равнодушно и пренебрежительно наблюдали за его уходом. И вот этим погожим днем к людским поселениям бесшумно направилась сквозь лес поджарая серая тень. Там, было дело, она лакомила домашней птицей.

Однако при виде белокурой девчушки зверь притормозил.

Волки не имели обыкновения нападать на людей, ибо боялись. И вожак свирепо расправится с недоумком, посмевающим атаковать человека в одиночку, без дозволения и помощи стаи. С другой стороны, это убийство не обязательно выйдет наружу. Такой соблазнительный кус, опять же не придется делиться. Она сидела на бревне, повернувшись спиной. Напевала под нос и лениво стучала по дереву пятками. Волк подобрался ближе. Она не услышала.

Смертельно бледная Картимандуя бегом взбиралась по холму. Женщина отправила мужа другой тропой. Сеговакс, теперь перепуганный, уже почти скрылся из виду. Она тяжело дышала, но это смятение не шло ни в какое сравнение со страхом от мысли, которая затмила собой все прочие.

Если пропала девочка – пропало все.

Страсть Картимандуи пугала. Иногда она представляла красивой; чаще – напоминала непреходящее томление, а порой становилась всепоглощающей и жуткой, гнавшей вперед, и с этим ничего нельзя было сделать. Так и сейчас. Картимандуя спешила по склону, подставив солнцу щеку, и ей казалось, что страсть ее к мужу не имеет границ. Она вождедела его. Стремилась защитить его. Нуждалась в нем. Ей было трудно представить свою жизнь без него. А самое семейство, ребенок – как им прожить без отца? К тому же она рассчитывала завести новых. Этого ей тоже очень хотелось.

У нее не было иллюзий. Женщин в прибрежных селениях было куда больше, чем мужчин. Погибни он в схватке, ее шансы найти другого призрачны. Ее подгоняла страсть; ею правили материнский инстинкт и стремление сберечь семью. В этом – ее долг. А потому она пришла к решению тайному и ужасному, которое промучило ее всю весну назойливым и укоризненным призраком.

Правильно ли она поступила? Картимандуя убеждала себя, что да. Это была выгодная сделка. Девочка будет счастлива; быть может, ей суждено уйти. Так нужно. Все делалось из лучших побуждений.

За исключением того, что каждый день она ловила себя на желании закричать.

Теперь же – в том заключался страшный секрет, неведомый ни детям, ни мужу, – если с малышкой Бранвен стряслась беда, мужчина, скорее всего, умрет.

Бранвен слышала волка, когда тот был уже в двадцати футах. Она повернулась, увидела и закричала. Волк следил за ней, готовый прыгнуть. Однако помедлил, ибо случилось нечто удивительное.

Девочка перетрусилась, но, поскольку была смышленной, знала, что если побежит, то мигом угодит в волчьи зубы. Как же ей поступить? Выход только один. Как все деревенские дети, малышка пасла коров. Размахивая руками, человек в состоянии развернуть даже бегущий скот. Возможно, всего лишь возможно, что она испугает дикую тварь. Если не показывать страха.

Вот было бы у нее оружие, хотя бы палка! Но увы! Ее единственным оружием, каким, кстати, она частенько и вполне успешно пользовалась дома, был неистовый нрав. Надо притвориться злой. А еще лучше – разозлиться по-настоящему, тогда и перестанет бояться.

Так и случилось, что волк вдруг очутился перед крохотной девочкой, лицо которой покраснело и исказилось яростью; сама же она размахивала ручонками и выкрикивала непристойности, хотя и непонятные волку, однако вполне очевидные. Еще удивительнее: девочка не бросилась наутек – она наступала. Хищник неуверенно попятился на пару шагов.

– Уходи! Убирайся! – неистово завопила кроха. – Глупая зверюжина! Уматывай! – И, скорчившись, как делала это, когда закатывала истерику дома, буквально взвыла: – Проваливай!

Волк отступил еще, поводя ушами. Однако замер, пристально наблюдая за ней.

Бранвен била в ладоши, орала, топала. Она преуспела и ввергла себя в подлинное бешенство, хотя в глубине души тщательно просчитывала поединок двух волей. Посмеет ли она наброситься на волка и обратить его в бегство? Или тот прыгнет на нее? Если он бросится – ей крышка.

Хищник уловил ее колебания и приободрился. Загорчав, сделал два шага вперед, изготовился прыгнуть. Девчушка, поняв, что игра проиграна, в испуге на него завопила, но больше не двигалась с места. Зверь припал к земле.

И в этот момент он увидел позади маленькой фигурки другую, несколько крупнее. Волк напрягся. Охотники? Он зыркнул по сторонам. Нет. Только один. Еще одно человеческое дитя. Не желая расстаться с легкой добычей, он снова напрягся перед прыжком. Людское отродье имело при себе лишь палку. Волк кинулся вперед.

Жгучая боль в плече застала его врасплох. Мальчик метнул заостренную палку так быстро, что проворное животное не успело этого отследить. Боль была острой. Волк остановился. Затем, сбитый с толку, обнаружил, что не может идти. Потом рухнул на землю.

Сеговакс не хотел рассказывать взрослым о волке.

– Если прознают, мне еще больше достанется, – объяснил он.

Но девочка была вне себя от волнения.

– Ты убил его! – вскричала она восторженно. – Копьем!

И он понял, что спорить бессмысленно.

– Ну, пойдем, коли так, – сказал он со вздохом.

И они стали спускаться с холма.

Реакция матери обескуражила. Сперва, когда отец расцеловал обоих и потрепал по спине сына, она промолчала, смотря через реку, как будто и не было никакого воссоединения их маленькой семьи. Но как только отец удалился снимать с волка шкуру, она повернулась и вперилась в Сеговакса ужасным, затравленным взглядом.

– Твоя сестра чуть не погибла. Это тебе ясно?

Мальчик потерянно уставился в землю. Он знал, что ему попадет.

– Ты мог убить ее! Позволил уйти одной... Ты понимаешь, что натворил?

– Да, матушка.

Конечно, он понимал. Но вместо того чтобы бранить его, Картимандуя издала тихий вздох отчаяния. Сеговакс никогда не слышал ничего подобного и потрясенно взглянул на нее. Она же словно забыла о нем – лишь трясла головой и прижимала к себе дочурку.

– Нет, не понимаешь. Ты ничего не понимаешь.

Затем развернулась с воплем, почти подобным животному вою, и устремилась к деревне. Дети не знали, что и подумать.

Ужасная сделка была заключена весной, когда вельможа впервые прибыл от великого вождя Кассивелауна с намерением спланировать речные укрепления. Возможно, ей не пришла бы в голову эта мысль, когда бы не его случайная реплика, брошенная жителям хутора по ходу проверки оружия мужчин.

– Если римляне придут искать сюда брод, вас отправят вверх по реке.

Темнобородый воин не жаловал женщин близ поля боя. По его мнению, они лишь путались под ногами и отвлекали своих мужей.

Но этих слов хватило, чтобы Картимандуя призадумалась, а после ее осенило. Тем же вечером она дерзнула приблизиться к нему, когда он в одиночестве отдыхал у огня.

– Скажи мне, господин, дадут ли нам охрану, если отошлют? – спросила она.

Тот пожал плечами:

– Наверное. А в чем дело?

– Вся округа доверяет моему мужу, – заявила она. – Я думаю, что лучшего сопровождающего не найти.

Вельможа вскинул на нее глаза:

– Ты думаешь?

– Да, – тихо подтвердила Картимандуя.

Ей было видно, как он усмехнулся. Облеченный властью человек, который видит насквозь и знает цену словам.

– И что же меня в этом убедит? – спросил он осторожно, взирая на нее средь темневших вод.

Она пристально посмотрела на него. Ей было известно, чего она стоила.

– Что пожелаешь, – ответила она.

Некоторое время воин молчал. Как большинство военачальников, он не держал счета женщинам, которые предлагали ему себя. Одних брал, других нет. Но выбор его стал неожиданным.

– Днем я заметил при тебе белокурую кроху. Твоя?

Картимандуя кивнула.

И в считанные секунды она отдала малютку Бранвен.

Все делалось из лучших побуждений. Она повторяла это себе тысячу раз. Конечно, Бранвен будет принадлежать военачальнику. Формально ее дочь станет рабыней. Он сможет продать ее и сделать с ней вообще что угодно. Но жребий девочки мог оказаться не так уж плох. Она будет при дворе великого Кассивелауна; военачальник может дать ей волю, если пожелает; она даже имеет шанс вступить в удачный брак. Такое случалось. Все лучше, чем прозябать в скучной деревне, – так оправдывалась Картимандуя. Если девочка научится обуздывать дикий нрав, то появятся прекрасные возможности.

А муж, в свою очередь, не станет сражаться с ужасными римлянами и отправится с ней в целостности и сохранности.

– Вы все уйдете в верховье, – заявил военачальник без обиняков. – Девочку доставишь мне в конце лета.

До той поры ей только и оставалось скрывать этот уговор от мужа. А после, хотя она и знала, что тот ни за что не согласится, будет слишком поздно, ибо дело уже сделано. В мире кельтов клятва есть клятва.

Поэтому неудивительно, что с того дня, как девочку едва не убил волк, Картимандуя не отпускала ее ни на шаг.

Известий о Юлии Цезаре так и не было.

– Он, может статься, и не придет, – осторожно заметил отец Сеговакса.

Для Сеговакса же летние дни наполнились блаженством. Хотя мать по-прежнему находилась в странном, мрачном расположении духа и не спускала глаз с бедняжки Бранвен, отец, похоже, проводил с ним время с превеликим удовольствием. Он обработал для мальчика коготь с лапы убитого волка, и Сеговакс носил его на шее как амулет. Отец же, казалось, что ни день был счастлив научить его чему-то новому, будь то охота, резьба по дереву или предсказание погоды. А в середине лета, к его изумлению и восторгу, объявил:

– Завтра возьму тебя в море.

Селяне пользовались несколькими видами лодок. Обычно отец довольствовался простеньким челном, выдолбленным из дубового ствола, – ставил сети вдоль берега или пересекал реку. Имелись, разумеется, и плоты. Минувшим летом деревенские мальчишки следили свой, пришвартовали у берега и использовали как платформу, с которой ныряли в искристые воды реки. Еще были маленькие кораклы,⁵ а иногда Сеговакс видел торговцев, прибывавших из верховья в длинных лодках с высокими плоскими бортами. В их изготовлении островитяне-кельты тоже славились мастерством. Но для путешествий вроде намеченного деревня располагала более удобным судном. И за ним присматривал отец. Если у мальчика сохранялись сомнения насчет того, что долгожданный поход действительно состоится, они в итоге развеялись отцовскими словами:

– Испробуем на реке, возьмем плетеную лодку.

Плетеная лодка! То была мелкая плоскодонка со шпангоутами из светлой древесины. Но этот тонко сработанный остов – единственная твердая составляющая корпуса. Каркас обтягивало не дерево, а плотно переплетенные ивовые прутья; поверх же них для пущей изоляции была натянута кожа. Заморские торговцы издавна восхищались плетеными изделиями британских кельтов – малой толикой славы островитян.

Лодка, хотя и была всего двадцать футов в длину, имела еще одно достоинство. В центре была установлена короткая мачта, укрепленная опорами и с тонким кожаным парусом. Изготавливали ее из обычного древесного ствола – небольшого, свежесрубленного, тщательно отобранного так, чтобы не был слишком тяжелым, с естественной развилкой наверху, служившей основанием для фалов. Существовал еще древний обычай сохранять там пару-другую побегов с листьями, благодаря чему плетеная лодчонка уподоблялась живому дереву или кусту, плывущему по водам.

Конечно, суденышко было простенькое, но и замечательно удобное. Достаточно легкое, чтобы нести; упругое, но прочное; вполне устойчивое, невзирая на малую осадку, чтобы при надобности выйти в море. По реке его гнали весла и течение, но маленький парус мог быть полезным подспорьем: его, с учетом легкости, хватало преодолеть струение вод при каком-никаком попутном ветре. В качестве якоря применялся тяжелый камень, помещенный в деревянную клетку, похожую на корзину для рыбы.

⁵ *Коракл* – рыбацья лодка (сплетена из ивняка и обтянута кожей или брезентом).

Сеговакс с отцом тщательно проверили маленькое судно, воздвигли и укрепили мачту, после чего на протяжении нескольких часов испытывали лодку на реке. В итоге мужчина улыбнулся:

– Она безупречна.

На следующий день прилив пришел незадолго перед рассветом, и с первым проблеском зари отец и сын столкнули лодку с косы и поймали течение, способное часами нести их вниз по реке. Удачей стал и приятный западный бриз, так что они подняли легкий кожаный парус: можно было сидеть, орудуя широким веслом и созерцая проплывавшие берега.

Уносимый потоком, Сеговакс обернулся взглянуть на мать, стоявшую на оконечности косы и с бледным лицом наблюдавшую за их отбытием. Он помахал, но та не ответила.

За Лондиносом река расширялась не сразу, и прежде, как было известно мальчику, им предстояло миновать один из самых потрясающих отрезков на ее долгом извилистом русле.

Дело было в том, что в своем грандиозном странствии из островных глубин река много раз изгибалась и непосредственно за Лондиносом образовывала огромные, тесно лепившиеся друг к дружке петли, которые смахивали на удвоенную букву «S». Примерно в миле от восточного холма Лондиноса брала начало внушительная кривая. Она уходила на север до того, как совершить идеальный круговой поворот направо и чуть не удвоиться по ходу на юг. В основании сего южного изгиба, еще в каких-то трех милях от восточного холма по прямой, река протекала близ возвышенности на южном берегу, что вздымалась величественным откосом. Здесь река опять описывала ровную дугу, устремляясь на север, после чего, милей дальше, еще раз возвращалась назад.

Пока они плутали по петлям, отец лукаво поглядывал на Сеговакса и то и дело спрашивал: «Ну а где же у нас Лондинос теперь?» Тот иногда оказывался слева, в другой раз – справа, а то и позади. Однажды, когда мальчик сбился, отец расхохотался.

– Видишь ли, – объяснил он, – хоть мы и удаляемся от Лондиноса, сейчас он находится впереди!

Эта особенность давно была известна всем, кто ходил по реке.

День выдался ясный. По мере спуска по течению Сеговакс оценил чистоту вод – настолько прозрачных, что видно было дно: временами песчаное, а то еще илистое или каменистое. В разгар утра они перекусили овсяными лепешками, которыми снабдила их Картимандуя, и напились из горстей сладчайшей забортной воды.

Когда же река постепенно расширилась, мальчик впервые получил представление об огромном меловом «V», внутри которого проживал.

В самом Лондиносе меловые хребты не представляли со всей наглядностью. Конечно, за деревней имелись отроги. Они возносились скоплениями невысоких кряжей миль на пять, после чего вытягивались в длинную высотную линию с широким обзором. Но этот гребень, сформировавшийся в основном из глины, залегал в самом изгибе губы великих меловых холмов, простираясь на юг, и скрывал их от мира реки. Мальчик знал и о склонах на северном берегу – пологих, изборожденных ручьями, поросших лесом, которые служили фоном для холмов-близнецов. За ними он видел вздымавшиеся уступы и кряжи в семьдесят футов высотой, уходившие вдаль на несколько миль. Но Сеговакс не имел понятия о грандиозных меловых стенах, тянувшихся на северо-восток и хоронившихся за этими внутренними грядами глины и песка.

Однако теперь, в двенадцати милях от Лондиноса вниз по течению, ему начал являться весьма отличный пейзаж. По левую сторону, где до северного края большого мелового «V» уже набралось миль тридцать, берега были низкими и топкими. Дальше, как сообщил отец, простирались бескрайние леса и болота, тянувшиеся на сотню и больше миль огромной выпираю-

щей дугой, образуя восточное побережье острова – дикое, с выходом в необозримое и холодное Северное море.

– Это обширные, необжитые земли, – сказал он сыну. – Бесконечные отмели. Ветры, разрезающие пополам, если приходят с моря. Там живет вождь Кассивелаун. – Отец покачал головой и обронил: – Дикие, независимые племена. Только такой могучий человек и может ими править.

Однако какой возникал контраст, если взглянуть направо, на южный берег! На этом участке река приближалась к великому меловому хребту на южной стороне буквы «V». Мальчик открыл, что плывет уже не мимо пологих склонов, но минует крутой, высокий берег, по которому дальше на высоте сотен футов тянулся к востоку, сколько хватало глаз, величественный горный тракт.

– Это Кент, земля кантиев, – воодушевленно изрек отец. – Вдоль этих меловых кряжей можно шагать дни напролет, пока не дойдешь до великих белых скал в оконечности острова. – И он подробно расписал продолговатый юго-восточный полуостров, а также вид через море, который в погожие дни открывался на новую римскую провинцию – Галлию. – В долинах меж гряд есть зажиточные хозяйства, – сообщил он.

– Такие же дикари, как племена на севере устья? – спросил Сеговакс.

– Нет, – улыбнулся отец. – Потому и богаче.

Какое-то время они плыли в молчании: мальчик сгорал от любопытства, Рыбак погрузился в созерцательное раздумье.

– Однажды, – произнес он наконец, – дед рассказал мне нечто странное. Когда он был мал, ходила песня о том, что давным-давно там стоял огромный лес. – Отец указал на восток, в сторону моря. – Но потом его скрыло великое наводнение.

Помолчав, оба обдумали эту мысль.

– А что еще он тебе говорил?

– Что в эпоху, когда сюда впервые пришли люди, весь этот край, – и теперь он указал на север, – покрывал лед. Все застыло с начала времен. И лед был подобен стене.

– И что же случилось со льдом?

– Полагаю, его растопило солнце.

Сеговакс посмотрел на север. Зеленый край было трудно представить замерзшим и мрачным.

– А снова замерзнуть может?

– Ну а сам как считаешь?

– По-моему, нет, – уверенно ответил Сеговакс. – Солнце всегда восходит.

Он продолжал глазеть на пейзаж, покуда лодка влеклась рекой, которая медленно ширилась. Мужчина с любовью смотрел на сына и молча молился богам о том, чтобы тот, когда его самого не станет, жил дальше и произвел на свет потомство.

В середине дня они добрались до эстуария. Лодка только что выполнила большой поворот. Река была уже в милю шириной. И вот оно, перед ними.

– Ты хотел увидеть море, – негромко произнес отец.

– О да!

Это было все, что сумел выдохнуть мальчик.

До чего же длинным было устье! Слева начинался неспешный изгиб низкой береговой линии, еще сильнее расширявшей границы воды; справа до самого горизонта тянулись высокие меловые гребни Кента. А между ними простиралось открытое море.

Оно было не так спокойно, как ожидал Сеговакс. Ему казалось, что море каким-то образом стечется к горизонту, однако наоборот: воды, ничем не сдерживаемые, как будто взбухали, словно весь океан не желал оставаться на месте и в нетерпении надвигался, стремясь нанести

реке ответный визит. Мальчик таращился на море, пожирая глазами изменчивые волны попеременно с пятнами более темной воды. Он вдыхал насыщенный соленый воздух. И ощутил несказанное возбуждение. Впереди притаилось великое приключение. Устье было вратами, а сам Лондинос, как он теперь понимал, являлся не просто прелестным местечком на побережье, но отправной точкой странствия, которое вывело его в сей чудесный, открытый мир. Сеговакс смотрел восхищенно, не отрываясь.

– Вон там, справа, – подал голос отец, – находится большая река.

И он указал на участок в нескольких милях по высокому побережью, где за мысом в разлом мелового хребта вторглась в реку великий поток – кентский Медуэй.

Весь следующий час они спускались по устью. Течение замедлилось, поднялись волны. Плетеную лодку качало, волны плескали через борта. Теперь вода выглядела темнее и зеленее. Дна больше не было видно; когда же Сеговакс зачерпнул ее и попробовал, та оказалась соленой. Отец улыбнулся.

– Скоро отлив, – заметил он.

Мальчик, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что от качания лодки его мутит. Он нахмурился, но отец отозвался смешком:

– Тошнит? Дальше будет хуже. – Рыбак махнул на море, и Сеговакс с сомнением уставился на отдаленные волны. – Но ты все равно туда хочешь? – осведомился отец, прочтя его мысли.

– Наверное, да. В другой раз.

– Река безопаснее, – объяснил отец. – В море тонут. Оно жестоко.

Юный Сеговакс кивнул. Внезапно ему стало очень плохо. Но мальчик втайне поклялся, что когда-нибудь, как бы его ни тошнило, он испытает это грандиозное приключение.

– Пора возвращаться, – сказал отец. – Нам везет. Ветер меняется.

Так оно и было. С милой любезностью ветер утих, а затем сместился на юго-восток. Маленький парус встрепенулся, когда Рыбак развернул судно и пустился в обратный путь.

Юный Сеговакс вздохнул. Ему казалось, что столь чудного дня у него еще не было – в плетеной лодке на пару с отцом, близ моря. Вода постепенно успокаивалась. Солнце припекало. Мальчику захотелось спать.

Сеговакс мигом проснулся от отцовского тычка. Они двигались очень медленно. Хотя с момента, когда он смежил веки, прошел добрый час, путешественники еще только вступали в колено реки, оставляя позади просторы устья. Проснувшись, однако, он чуть не вскрикнул от удивления, а отец пробормотал:

– Взгляни-ка, живо! – И он ткнул во что-то, до чего было меньше полумили.

От северного берега к ним неспешно приближался большой плот. Через поток его направляло около двадцати мужчин, вооруженных длинными шестами. За первым, как рассмотрел Сеговакс, спускали второй. Но примечательны были не здоровенные плоты, а груз: на каждом стояло по великолепной колеснице.

Кельтская колесница – грозное оружие. Влекомая быстрыми лошадьми, она была легка, устойчива, о двух колесах, могла перевозить воина в полном боевом снаряжении и пару помощников. Высокоманевренные, эти колесницы врывались в сечу и покидали ее, тогда как седоки рассылали копья или стрелы направо и налево. Иногда воины крепили к колесам косильные лезвия, рассекавшие всех, кто осмеливался подступить. Колесница, стоявшая на плоту, была прекрасна. Она сверкала на солнце, выкрашенная в черный и красный цвета. Сеговакс завороченно смотрел на нее, пока отец разворачивал лодку, дабы сопроводить это чудо к южному берегу.

Мальчик и без того был захвачен плотом и его блистательным грузом, но возбуждение перешло всякие границы, когда близ берега отец неожиданно воскликнул:

– Сеговакс, клянусь богами! Видишь здоровяка на черном коне? – А когда сын кивнул, то объяснил: – Это же сам Кассивелаун!

Следующие два часа оказались незабываемы. Сеговакса оставили ждать у лодки, отец же беседовал с мужчинами и помогал вытаскивать плоты на берег.

И откуда мальчик ждал, через реку переправили не меньше двадцати колесниц, а также пятьдесят лошадей. Последние великолепием не уступали колесницам. Одни, самые крупные, были для всадников. Другие – помельче, но резвые – предназначались для колесниц. Все отличались породистостью. Прибыло и множество воинов с возами, груженными оружием. Некоторые воины щеголяли яркими плащами и украшениями из блестящего золота. Сердце мальчика наполнилось гордостью при виде благородного парада его отважных соотечественников-кельтов. Но краше других был миг, когда великий вождь – гигант в красном плаще и с длинными висячими усами – лично призвал его отца и говорил с ним. Сеговакс видел, как отец преклонил колени и обменялся с вождем словами; усмотрел, как тот расплылся в сердечной улыбке, положил руку отцу на плечо и вручил ему маленькую брошь. Его отца – скромного крестьянина, но отважного мужчину – признал величайший на острове вождь! Сеговакса бросило в жар от восторга.

Уже далеко за полдень отец вернулся. Он улыбался, но выглядел озабоченным.

– Пора отправляться, – сказал он.

Сеговакс кивнул, но со вздохом. Он мог остаться здесь навеки.

Вскоре, благодаря отцу на веслах, они прилично продвинулись вверх по реке. Глянув назад, Сеговакс увидел, как на берег втащили последний плот.

– С кем собираются драться? – спросил он.

Отец удивленно взглянул на него.

– Неужто не понимаешь, малыш? – отозвался он тихо. – Они держат путь на побережье. – И он налег на весла. – Римляне идут.

Бранвен с любопытством смотрела на мать. Когда Сеговакс с отцом уходили, она спала, и день обещал быть спокойным и довольно скучным. Картимандуя целое утро плела корзину в компании еще нескольких женщин: они расположились перед хижиной и тихо переговаривались, пока дети играли. Так прошел бы весь день, не появившись друид.

Он прибыл совершенно неожиданно – приплыл в челне. Появление старика всегда оставалось неисповедимо. Спокойно и властно, в духе своего древнего ордена, он истребовал у селян петуха и трех цыплят для жертвоприношения, после чего велел сопроводить его через реку в священные места. А потому селяне, не ведавшие, что побудило старца в сей ясный день покинуть вдруг остров – инстинкт или прозрение, – покорно последовали за ним через широкий поток на плотах и кораклах.

Они не сразу направились к холмам-близнецам Лондиноса: сперва углубились в просторную бухту, где с западного склона возвышенности струился ручей. Сойдя на ее левом берегу, они прошли вверх по течению где-то на пятьдесят ярдов. Там не было ничего, кроме трех неровных камней, примерно по колено, которые высились вокруг ямы.

То был священный колодец. Никто не знал, когда и зачем его вырыли. Он подпитывался не рекой, а малым родником. Считалось, что в этом заброшенном колодце обитает некая милостивая водная богиня.

Друид взял цыпленка и пробормотал молитву; люди же наблюдали. Он умело перерезал птице горло и бросил в колодец, откуда вскоре донесся далекий всплеск.

Потом они вернулись к лодкам, пересекли бухту и взойшли по склону западного холма. Возле самой вершины со стороны реки располагалась покрытая дерном проплешина. Отсюда открывался красивый вид на воду. По центру в траве виднелся кружок, вырезанный неглубоко,

на несколько дюймов. Здесь совершались ритуальные заклания. На этой площадке друид принес в жертву петуха с оставшимися цыплятами и sprysнул их кровью траву внутри круга, приговаривая:

– Мы пролили кровь во имя вас, боги реки, земли и неба. Защитите же нас в час нашей нужды.

Затем он забрал петуха и цыплят, отпустил жителей по домам и направился к соседнему холму пообщаться с богами наедине.

Для селян тем дело и кончилось. Надобность в них отпала. Спускаясь к своим лодкам и плотам, они радовались исполненному долгу – сделали все, что могли.

Кроме Картимандуи.

Бранвен продолжала следить за матерью. Та вела себя странно, и девочка понимала это.

Иначе с чего той было вдруг попросить у мужчин, собравшихся погрузиться в лодки, оставить для нее коракл, после чего она сорвалась с места и снова пошла на холм, с ребенком и Бранвен? Зачем, когда прочие селяне уже достигли южного берега, они обыскивали оба холма в поисках друида, который загадочно исчез? И почему мать была такой бледной и возбужденной?

Знала бы крошка! Причина поведения Картимандуи была чрезвычайно проста. Если друид столь резко и неожиданно потребовал жертв, это могло означать только одно. Общаясь с богами и обладая особым даром, жрец угадал приближение опасности. А потому пробил и ее час, ужасный. Римляне наступали. И прежняя дилемма вновь встала перед ней во всем своем неумолимом кошмаре.

Вдруг она ошиблась? Но что было делать? Не зная, о чем спросить и что сказать, она вернулась на поиски друида. Тот обязательно наставит ее, пока не будет слишком поздно.

Однако где же он? Удерживая младенца и волоча за руку Бранвен, она пересекла западный холм, спустилась, преодолела по камушкам разделявший холмы ручей и поднялась по склону восточного, рассчитывая обнаружить там старика. Но того и след простыл, и она уж почти сдалась, когда различила струйку дыма на дальней стороне. Женщина поспешила туда.

Место, именовавшееся Лондиносом, имело еще одну любопытную особенность. С того бока, что выходил на низовья реки, восточный холм снижался неровно. Тянулся уступ, который только потом загибался и спускался к воде. Оттого на юго-восточной стороне холма имела своего рода открытая, природная сцена, поросшая травой. Уступ же и собственно холм образовывали зрительный зал. Склоны вокруг этой просторной площадки изобиловали травами, росло и несколько деревьев. Сама же площадка была покрыта лишь дерном и скудным кустарником. Именно здесь, близ берега, жрец разжег небольшой костер.

Картимандуя наблюдала сверху, но не решалась сойти. По двум причинам.

Во-первых, с ее места было видно, чем занимался друид. Он извлекал из забитых птиц кости и клал в огонь. Это означало, что он пророчествовал – секретнейший ритуал кельтских посвященных, который не следовало нарушать дерзким вторжением. Вторая причина касалась собственно места.

Дело было в вóронах.

С незапамятных времен их колония разместилась на склонах, окружавших сей участок побережья.

Конечно, Картимандуя знала, что при должном обращении вóроны – вестники не зла, но добра. Сказывали, что их могущественные духи могли защитить кельтские племена. Наверное, именно поэтому старец выбрал это место для предсказаний. И все же Картимандуя не могла взирать на них без содрогания. Большие черные птицы с мощными клювами всегда пугали ее. Сколь мрачны и неуклюжи были они, все вспархивавшие и прыгавшие по дерну с жутким нутряным карканьем! Если она рискнет спуститься, какая-нибудь того и гляди подступится, ухватит злобно за руку или ногу, продырявит плоть!

Но тут друид поднял взгляд и увидел ее. Секунду смотрел, будучи откровенно раздражен, затем безмолвно подозвал жестом.

– Жди здесь, – велела женщина Бранвен, передавая ей младенца. – Замри и с места не двигайся.

Набрав в грудь воздуха, она стала спускаться мимо воронов по склону.

Следующие минуты Бранвен запомнила навсегда. Как страшно ей было стоять на вершине травяного склона одной, с ребенком, взирая на мать, общавшуюся внизу со старцем. Даже притом что ей было видно Картимандую, девочке не понравилось чувствовать себя брошенной в этом странном, жутком месте, и она помчалась бы к матери, если бы тоже не боялась воронов.

Женщина же серьезно беседовала с друидом. Бранвен увидела, как старец медленно покачал головой. Затем ей показалось, что Картимандуя принялась о чем-то молить. Под конец друид мрачно извлек из огня несколько костей и всмотрелся в них. Потом что-то сказал. И снизу вдруг донесся ужасный звук, отозвавшийся эхом столь гулким, что вороны встрепенились и взмыли в воздух с сердитым карканьем. То был чудовищный дикий вопль, который могло бы издать отчаявшееся животное.

Но он исторгся из Картимандуи.

О его тайне по-прежнему никто не догадывался. Сеговакс был доволен собой. С момента их возвращения Лондинос гудел подобно улью. Когда они достигли поселения, чернобородый вельможа уже прибыл, и отца с другими мужчинами немедленно отослали к броду, пролежавшему вверх по реке. С тех пор те были настолько заняты, что семья почти не видела Рыбака.

Приготовления велись с размахом. На побережье у брода ставили острые колья. Мужчин со всех окрестных деревень обязали рубить деревья для плотного частокола вдоль берега острова друида.

Новости теперь приходили ежедневно с людским пополнением из всех пределов. Иногда они обескураживали.

Один заявлял: «Все бриттские племена присягнули на верность Кассивелауну», тогда как другой вещал: «В заморской Галлии готовы восстать кельтские племена. Мы утихомирим Цезаря здесь, а они отрежут ему пути к отступлению». Однако третьи высказывались не столь уверенно. Головы помудрее замечали: «Другие вожди завидуют Кассивелауну. Им нельзя доверять».

И все же поначалу вести были добрыми. Цезарь высадился на южном побережье у белых скал и двинулся через Кент, но островные боги тотчас нанесли удар. Буря, поднявшаяся, как в прошлый раз, едва не погубила его флот и вынудила римлян отступить, чтобы заняться ремонтом. Когда Цезарь возобновил поход, проворные кельты на колесницах смяли его ряды, опрокинули и потрепали войска. «Да им и вовсе не добраться до реки», – говорили теперь. Однако работа не прекращалась.

Для Сеговакса наступила пора томительной неизвестности: немного страшно, но больше – волнующе. Вскоре, не сомневаясь он, римляне явятся. Тогда придет время осуществить его тайный план. «Конечно, кельты их разобьют», – похвалялся он перед Бранвен. Мальчик сбегал из дома и шел вдоль берега, пока не достигал участка, откуда мог наблюдать за приготовлениями. Ко второму утру по реке начали сплавлять дополнительный лес.

Картимандуя же была охвачена смятением и страхом. Стоило Бранвен отлучиться, она не находила себе места. Чуть заплачет младенец, она бросалась к нему. Если исчезал Сеговакс, что случалось частенько, она разыскивала его, вконец обезумев, и стискивала в объятиях; он же неизменно смущался.

Но в первую очередь она постоянно смотрела в сторону брода, где трудился муж. Мужчины стояли там лагерем уже две ночи, но с ним не удавалось поговорить, хотя и она, и прочие женщины носили туда пищу.

Если бы постичь сокрытый смысл! Понять, что означали страшные слова друида!

Не стоило ей, видно, подходить тогда к старику. Он, безусловно, не хотел с ней говорить. Но она до того испереживалась, что не сумела сдержаться. «Скажи мне, – взмолилась она, – какая участь уготована мне и моей семье?» Но старец продолжал колебаться. Едва ли не пожав плечами, он наконец вытащил кости из своего костра. Друид изучил их – после чего кивнул, как будто увидел нечто ожидаемое. Но что же оно означало?

«Есть трое мужчин, которых ты любишь, – молвил он сурово. – Одного потеряешь».

Одного? Кого же? Этими тремя могли быть только муж, Сеговакс и младенец. Других мужчин в ее жизни не было. Должно быть, мужа. Но разве она не спасла его? Разве он не уйдет вместе с ними вверх по реке, когда придут римляне?

Чернобородого вельможу она разыскала на следующий день после его приезда, он командовал строителями. Она требовательно осведомилась, остается ли в силе их уговор. «Я же сказал», – нетерпеливо ответил тот и махнул ей, чтобы ушла.

Тогда в чем же дело? Не стрясется ли с Бранвен какая-нибудь новая беда, из-за которой расторгнется сделка? А может, имелся в виду совсем и не муж? Что-то случится с Сеговаксом или малышом? В силках сомнений она ощущала себя затравленным животным, которое отчаянно силится защититься от рыскающих хищников то одного детеныша, то другого.

Наконец, после нескольких дней неизвестности, пришло сообщение: Кассивелаун собрал войска для большого сражения.

И вот они прибывали, разгоряченные и запыленные воины всех мастей – пехотинцы, всадники и колесничие. Отряд за отрядом стекались к броду.

Кое-кто поговаривал о предательстве, о вождях-дезертирах. «Их подкупили римляне, – бормотали такие. – Да проклянут их боги!» Озлобленные, они, однако, не унывали. «Одно поражение ничего не значит. Дай срок, и римляне вкусят нашей мести!» Но когда Сеговакс отважился спросить одного в колеснице, каковы они, римляне, тот откровенно ответил: «Они остаются в строю. – И добавил: – Они ужасны».

Юг оголился, и следующим рубежом была река.

– Здесь будет бой, – сообщил отец, ненадолго навестивший деревню. – Тут-то Цезаря и остановят.

Наутро женщинам объявили: «Готовьтесь к дороге. Вы отбываете завтра».

Сеговакс проснулся и внимательно наблюдал, как отец препоясывался мечом. Обычно тот хранился обернутым в шкуры, и дважды в год отец извлекал его для осмотра. Сеговаксу разрешалось подержать меч, но не касаться клинка. «Заржавеет», – объяснял отец, тщательно смазывал клинок маслом, вкладывал в ножны из дерева и кожи и вновь заворачивал.

То было типичное для кельтов оружие: длинный, широкий железный клинок с бороздкой. Эфес отграничивался простой перекалиной, однако его навершие имело вид человеческой головы, свирепо взирающей на врага.

Следя за отцом, мальчик непривычно растрогался. До чего же измученным казался тот после нескольких дней непосильного труда! Спина сторбилась – очевидно, болела. Руки свисали как плети. Кроткие, добрые глаза запали. И все же отец, хоть и слабый, оставался отважным. Он вроде и рвался в бой. В лице и теле угадывалась решительная мужественность, превосходившая физическую немощь. Когда он снял со стены щит и забрал два копья, Сеговакс подумал, что отец преобразился в благородного воина, и это наполнило мальчика гордостью, ибо ему хотелось, чтобы тот был силен.

Рыбак снарядился, привлек к себе сына и заговорил серьезно:

– Сеговакс, если со мной что-нибудь случится, ты останешься единственным мужчиной. И ты должен присматривать за матерью и братом с сестрой. Тебе это ясно?

Чуть позже он призвал малышку Бранвен и начал внушать ей вести себя хорошо, но сам же расхохотался от нелепости этой идеи и удовольствовался объятием и поцелуем.

И вот все было готово. Община собралась на оконечности косы и ждала отплытия. Женщины с детьми устроились в четырех больших челнах. На двух плотках уместились провизия и движимое имущество. Мужчины дожидались последних команд благородного господина, который уже спускался по реке со стороны частокола.

Через несколько минут темнобородый военачальник был там же. Он обводил местность тяжелым, острым взглядом, вбирая все. Этот взор перехватила Картимандуя, стоявшая в челне с тремя своими детьми. Вельможа чуть заметно кивнул.

– Вроде порядок, – буркнул он грубо, оглядел мужчин и быстро выбрал троих. – Будете сопровождать лодки, назначаю вас в конвой. – Он помедлил. – Всем жителям поселений собраться в пяти днях пути вверх по реке. Там стоит форт. Вам скажут, что делать дальше. – Затем он посмотрел на ее мужа. – Ты главный. Каждую ночь выставляй часовых. – И он повернулся, чтобы уйти.

Сработало. Ее затопило облегчение. Благодарение богам! Хотя бы на время они будут в безопасности. И она стала устраиваться в лодке. Когда же отвлеклась на миг, то едва ли поняла, что муж не шелохнулся.

Она посмотрела на других женщин с детьми. Улыбнулась, но тут заметила, что муж держит какую-то речь, и начала вслушиваться.

– Я не могу.

Военачальник нахмурился. Он привык к повиновению. Но отец Сеговакса мотал головой.

О чем он говорил? Внезапно до нее дошло. Как это он не пойдет?

– Это приказ! – резко напомнил вельможа.

– Но я дал клятву. Несколько дней назад, – втолковывал Рыбак. – Самому Кассивелауну. Я поклялся сражаться с ним при Лондиносе.

Это слышали все. Картимандуя – еще и собственный сдавленный вскрик. Ей вдруг стало отчаянно зябко. Он не обмолвился о клятве ни словом. Но тут она осознала, что после его возвращения они почти не виделись.

– Клятву? – Военачальник был озадачен.

– Взгляни, он дал мне брошь, – продолжил Рыбак. – И велел надеть ее в битву, чтобы он меня узнал.

И Рыбак извлек из поясного мешочка брошь.

Военачальник уставился на нее. Молчание затягивалось. Пусть этот малый – обычная деревенщина, но клятва священна. А если она дана вождю... Брошь, как он видел, действительно принадлежала Кассивелауну. Он взглянул на Картимандую. Лицо у той стало пепельного оттенка. Перевел взгляд на девочку. Да, милая малютка. Но с этим теперь ничего не поделать. Сделка отменилась.

Он раздраженно всхрипнул и указал на другого мужчину:

– Ты. Будешь главным вместо него. Давай пошевеливайся.

С этим он удалился.

Рыбак, наблюдая за отбытием лодки с женой и детьми, испытал тоску, но в то же время и удовлетворение. Он знал, что сыну заметно его тщедушное сложение, и радовался, что тот слышал в присутствии всех о его клятве великому вождю.

Лодки шли медленно. Когда они обогнули излучину, Сеговакс вперился взглядом в собравшиеся войска. Они прибывали быстро. За чередой колесниц воины уже стояли строй

за строем; за частоколом горели десятки небольших костров. «Сказывают, что завтра, когда прибудет Кассивелаун, – поведал ему отец, – колесниц уже будет четыре тысячи». Мальчик лопался от гордости за родителя, являвшегося частицей этого огромного воинства.

Они оставили брод и остров друида позади, продвинулись еще на полмили к югу, и вот река в очередной раз свернула направо, после чего ему уже не было видно линии фронта.

С обеих сторон проплывали болотца и зеленые острова, отягощенные ивами.

Бранвен, прильнув к нему, уснула на солнышке. Мать молча смотрела на воду.

Теперь, когда путь лежал через широкую равнину с лугами и рошицами, Сеговакс осознал, что движется вниз по течению. Прилива, исходившего от устья, не стало. Они покинули пределы влияния моря.

Вечером встали лагерем под ивами, а после продолжили странствие в обществе жителей другого селения, присоединившихся к ним. Прошел еще один безмятежный, погожий денек приятного путешествия по мирным водам. Никто не заметил волны возбуждения, захлестнувшей Сеговакса с наступлением вечера. Откуда им было знать, что время осуществить его тайный план наконец настало.

Мальчик крался во тьме. Луны не было, но звезды светили ярко. Ни шороха вокруг. Ночь выдалась теплая. Лагерь на сей раз разбили на длинном, узком острове посреди реки. Закатное солнце окрасило небо в насыщенный красный цвет, обещавший отличный денек. Путники разожгли большой костер, насытились и улеглись, где были, предавшись сну под звездами.

Он услышал сову. Двигаясь осторожно, с копьём в руке, спустился к воде.

Люди из чужого селения имели с собой два небольших коракла, один из которых был с заостренным носом, как у каноэ. Сеговакс сразу понял, что это его шанс. Коракл покоился на илистом берегу. Он оказался настолько легкий, что его можно было сдвинуть одной рукой. Едва Сеговакс начал сталкивать его в воду, как услышал знакомое: сзади по грязи зашлепали детские ножки. Это была Бранвен. Он вздохнул. Значит, и не думала спать.

– Что ты делаешь?

– Ш-ш-ш...

– Куда ты собрался?

– К отцу.

– Сражаться?

– Да.

Она встретила эти грандиозные новости молчанием, однако совсем недолгим.

– Возьми меня с собой.

– Не могу. Оставайся здесь.

– Нет!

– Бранвен, ты же понимаешь, что тебе нельзя.

– Нет, не понимаю.

– Ты не умеешь сражаться. Ты слишком мала.

Даже в темноте было видно, как стало наливаться яростью ее личико, а кисти сжались в кулачки.

– Я все равно поеду.

– Это опасно.

– И пусть.

– Ты всех разбудишь.

– И пусть. Я закричу.

Это была нешуточная угроза.

– Ну пожалуйста, Бранвен. Поцелуй меня.

– Нет!

Брат обнял девушку. Она его ударила. Тогда, пока сестра не перебудила всех, мальчик толкнул коракл в воду и прыгнул внутрь. Мигом позже он уже стремительно удалялся, скрываясь по течению в темноте.

Сеговакс сделал это. Втайне он задумал этот поход, еще когда пришли первые вести о вторжении, непосредственно перед тем, как друид пожертвовал реке щит. День за днем он упражнялся в метании копья, пока не добился меткости, которая давалась немногим взрослым. И вот его час пробил. Он будет сражаться бок о бок с отцом. «Не очень-то он отошлет меня обратно, когда я вдруг появлюсь с началом битвы», – подумал Сеговакс.

Ночь была долгой. Двигаясь по течению да орудуя маленьким веслом, он сумел разогнать лодку до скорости вдвое или втрое выше, чем та, с которой они плыли накануне. Во мраке казалось, что берега пролетают стрелой.

Ему было всего девять лет. Через час его руки устали, через два – разболелись. Однако он все терпел. Еще через два часа, глубокой ночью, его потянуло в сон. Он никогда не бодрствовал в столь позднее время. Раза два он клевал носом, вздрагивал и просыпался.

Полежу, говорил он себе, самую малость, однако чутье предостерегало: только попробуй, проспшишь до полудня. Он обнаружил, что образ отца придавал ему силы. Так, постоянно давая отдых рукам и думая час за часом об отце, ждавшем его на поле брани, Сеговакс устоял. Они будут биться на пару, плечом к плечу. Возможно, вдвоем и погибнут. Ему казалось, что о большем нечего и мечтать.

А когда занялся рассвет, ему повезло поймать отливное течение. Теперь оно быстро несло его по направлению к Лондиносу и морю.

К восходу солнца река заметно расширилась. Еще один час – и вот она, знакомая излучина. От возбуждения Сеговакс позабыл даже о недосыпе, едва повернул и меньше чем в миле увидел остров друида. Затем он потрясенно задохнулся.

Прямо перед ним через реку переправлялись римляне.

Для завоевания Британии Цезарь собрал поистине мощную армию. Пять вымуштрованных легионов: примерно двадцать пять тысяч пехотинцев и две – конницы. На юго-восточном побережье, в Кенте, он потерял всего несколько человек.

Союз же местных вождей уже начал распадаться. У Цезаря была отменная разведка. Он знал, что если сокрушит Кассивелауна, то многие перейдут на сторону Рима.

Однако форсирование реки было серьезным испытанием. Днем раньше он захватил в плен кельта, который сообщил о кольях, забитых в русле. Крепким было и заграждение на другом берегу. Впрочем, у римлян имелось одно важное преимущество.

– С кельтами плохо то, – сказал Цезарь одному из своих приближенных, – что их стратегия не совпадает с тактикой.

Поскольку кельты атаковали его войска колесницами на манер партизан – ударить и скрыться, – постольку римлянам было почти невозможно разбить их. При наличии времени они могли измотать врага. И поэтому их стратегией должно было стать выжидание.

– Но этим глупцам понадобилось сражение, – заметил Цезарь.

А в битвах римляне, как правило, побеждали.

Простой вопрос дисциплины и вооружения. Когда римские легионы, выступая крупными группами, смыкали щиты или поднимали их над собой, если действовали меньшими отрядами, они оказывались почти неуязвимыми для кельтской пехоты. Даже колесницам было крайне непросто сломить их. Поэтому Цезарь, взиравший через реку на кельтские войска, собравшиеся на открытой местности, отлично понимал, что единственным для него серьезным препятствием являлась река. А потому без лишней суеты скомандовал:

– Вперед.

«Эту реку можно перейти только в одном месте, и то с трудом».⁶

Так написал Цезарь в своих «Записках». В самом броде не было, конечно, ничего затруднительного, но Юлий Цезарь, будучи хорошим политиком и полководцем, вряд ли стал бы это признавать.

«...Цезарь выслал вперед конницу и приказал легионам спешно идти за ней. Хотя солдаты были по шею в воде, но они пошли с такой быстротой и стремительностью, что враги не могли выдержать общей атаки конницы и пехоты, но оставили берег и пустились бежать».⁷

Вряд ли было достойно удивления то, что ни Юлий Цезарь, ни кто-либо еще не заметил в нескольких сотнях ярдов вверх по течению маленький коракл, приставший к топкому северному берегу.

К моменту, когда Сеговакс выбрался на твердую почву, он весь измазлся в грязи и был бурым с головы до пят. Это его не заботило. Он совершил, что хотел.

Да и кельтское войско находилось меньше чем в миле. До чего же прекрасное! Он всмотрелся в многотысячную орду, надеясь отыскать отца, но не нашел. Волоча копьё и хлюпая по грязи, Сеговакс медленно двинулся в том направлении. Река уже наполнилась римлянами. Первые отряды группировались на северном берегу. Кельтские полчища издавали дружный, слаженный рев. Римляне отвечали молчанием. Мальчик все шел.

И вот началось.

Сеговакс никогда не видел сражения, а потому не представлял, какой это хаос. Внезапно все побежали, а колесницы понеслись с такой скоростью, что могли, казалось, достичь его в считанные секунды. Римская амуниция встопорщилась и засверкала, напомнив страшного, свирепого зверя. Грохот был ужасающий даже там, где пока находился Сеговакс. Сквозь шум он различил жуткие предсмертные вопли зрелых мужчин.

Но хуже всего то, что прежде он не мог и вообразить, насколько большим все предстанет. Когда в сотне ярдов от него вдруг возник и устремился через луг римский конник, тот выглядел великаном. Мальчик, сжавший свое копьё, ощутил себя крохой.

Он остановился. Битва, теперь уже в полумиле, катилась к нему. Три колесницы вырвались вперед, прямо на него, затем отступили. Сеговакс не имел ни малейшего понятия, где в этой страшной мешанине мог находиться отец, и обнаружил, что дрожит.

Тем временем дюжина всадников погналась за кельтской колесницей, которая мчалась лишь в паре сотен ярдов.

Вид галопирующей конницы способен устроить кого угодно. Она наводит трепет даже на опытную пехоту, построенную в каре. Что до неуправляемой толпы, взвизгивающей на атакующих всадников, она всегда обратится в бегство. А потому неудивительно, что мальчик вдруг обнаружил, что на него несется целая армия. Он перепугался настолько, что не сумел устоять на месте: сначала попятился, затем побежал.

Он готовился неделями. Греб всю ночь, чтобы соединиться с отцом. И их разделяют какие-то сотни ярдов, которые он не в силах преодолеть.

Дрожа, Сеговакс простоял на берегу еще два часа. Ниже покоился на грязевой пропелшине коракл, куда он был готов запрыгнуть, если битва приблизится. Белый от страха, он испытывал сильнейший озноб. День обернулся кошмаром. Взвизгивая на грандиозное побоище, развернувшееся на лугу, мальчик с ужасом осознал: «Должно быть, я трус».

⁶ Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Перев. М. М. Покровского.

⁷ Там же.

«Только бы, – взмолился он богам, – меня не увидел сейчас отец!»

Конечно, ему не дано было знать, что об этом можно не волноваться. Его отец, как и было возвешено богами, пал с мечом в руке при третьем натиске римлян.

Сеговакс оставался на берегу весь день. Хотя уже к полудню сражение завершилось. Кельты, разбитые наголову, бежали на север; какое-то время их преследовала римская конница, безжалостно крошившая всех без разбора. Ближе к вечеру победители разбили лагерь на востоке, возле холмов-близнецов Лондиноса. Поле боя – огромная территория, заваленная сокрушенными колесницами, брошенным оружием и трупами, – опустело и погрузилось в зловещее безмолвие. Туда, в эту пустынную местность, и устремился наконец Сеговакс.

Он прежде лишь пару раз видел людскую смерть. Потому не был готов ни к странному серому цвету кожи, ни к тяжести окоченевших мертвецов. Некоторые были чудовищно изуродованы, у многих не хватало конечностей. Поле начало пропитываться запахом смерти. Трупы лежали повсюду – на лугу, близ кольев и заграждений, в воде вокруг острова друида. Если отец здесь, то как же его сыскать? А вдруг он и вовсе его не узнает?

Солнце уже багровело, когда Сеговакс наткнулся на него у воды. Он увидел Рыбака сразу, ибо тот распростерся навзничь, обратив к небу родное худое лицо; рот широко раскрыт для вздоха – безжизненного и скорбного. Плоть была иссиня-серого цвета. Короткий и широкий римский меч проделал в его боку страшную дыру.

Мальчик опустился рядом на колени. Казалось, что горло раскалилось докрасна, перекрывая дыхание и наполняя глаза горячими слезами. Он простер руки и коснулся отцовской бороды.

И так разрыдался, что даже не осознал чужого присутствия.

Это был лишь небольшой римский отряд с центурионом во главе, явившийся собрать оружие. При виде одинокой фигурки они направились к ней.

– Крыса, – с отвращением заметил один легионер.

Солдаты были всего в двадцати шагах, когда мальчик, услышав бряцание амуниции, повернулся и с ужасом воззрился на них.

Римские воины. Вечернее солнце горело на их нагрудных пластинах. Они собирались убить его. Или как минимум взять в плен. Он заполошно огляделся. Бежать было некуда, лишь река позади. Рвануть туда? Попробовать уплыть? Его схватят еще на берегу. Сеговакс глянул вниз. Отцовский меч лежал, где выпал. Он нагнулся, подобрал его и обратился лицом к приближавшемуся центуриону.

Если хочет убить, подумал он, то я хоть сражусь.

Меч был тяжел, но Сеговакс держал его крепко; юное лицо исполнилось сосредоточенной решимости. Центурион, чуть хмурясь на ходу, приказал ему знаком бросить оружие. Сеговакс помотал головой. Центурион уже был совсем близко. Римлянин невозмутимо извлек собственный короткий меч. Глаза Сеговакса расширились. Он приготовился биться, едва ли понимая, что делать. И тут центурион нанес удар.

Тот был настолько стремителен, что мальчик почти ничего не увидел. Звякнул металл, и, к изумлению Сеговакса, отцовский меч упорхнул из руки и уже снова покоился на земле, тогда как кисть его, могло показаться, отделилась от запястья. Лицо центуриона оставалось спокойным. Он сделал очередной шаг.

«Убьет, – подумал мальчик. – В конце концов, я погибну рядом с отцом». Сейчас, однако, в виду распростертого серого тела, такая смерть потеряла всякую привлекательность. «Ну и пусть, хотя бы умру в сражении». И он опять потянулся за мечом.

Но, к своему ужасу, едва смог его поднять. Запястье болело так сильно, что понадобились обе руки. Дико взмахнув мечом, он почти не осознавал, что центурион бесстрастно наблюдает за ним. Он размахнулся снова и рубанул пустоту. А затем услышал смех.

Он так сосредоточился на центурионе, что не заметил прибытия всадников. Их было полдюжины, и они с интересом глазели на развернувшуюся сценку. В центре высился человек с голым черепом и жестким умным лицом. Это он рассмеялся. Затем что-то сказал центуриону, и все вокруг тоже расхохотались.

Сеговакс побагровел. Человек говорил по-латыни, и мальчик не понял ни слова. Небось, какая-нибудь грубая шутка. Несомненно, они приготовились поглазеть на его смерть. С неимоверным усилием он вновь замахнулся отцовским мечом.

Но центурион, к его удивлению, вложил свой меч в ножны. Римляне собрались уходить. Они покидали его, оставив в одиночестве у тела отца.

Сеговакс действительно изумился бы, пойми он только что сказанное Юлием Цезарем.

– О, се храбрый юный кельт! Он не сдастся. Так оставь его, центурион, пока он не перебил нас!

Сеговакс увидел, что отцовская туника скреплена брошью Кассивелауна. Мальчик благоговейно забрал ее вместе с мечом и задержался лишь для того, чтобы бросить прощальный взгляд на лицо отца.

После битвы на реке прошли месяцы, но Цезарь не овладел Британским островом. Намекался ли он оккупировать его тогда, так и осталось неизвестным, а сам он был слишком лукав, чтобы откровенничать на сей счет.

Местным вождям пришлось заплатить изрядную дань и предоставить заложников. Цезарь объявил о блестящем успехе. К осени, однако, вернулся с войсками в Галлию, где назревали неприятности. Осознав, очевидно, что его аппетиты простирались слишком далеко, Цезарь решил сперва укрепить свою власть на континенте, а с островом разобраться позднее. Тем временем жизнь здесь пришла, по крайней мере, в какое-то подобие нормы.

Следующей весной ни Цезарь, ни какие другие римляне не явились вовсе, хоть этого наполовину и ждали. Так же миновало и лето.

За исключением одного случая. Ибо в один летний день того года селяне увидели спозаранку странное зрелище. С приливом по реке поднимался корабль, не похожий ни на один из известных ранее.

Он был не слишком велик, хотя и показался селянам крупным. Приплюснутое парусное судно футов восьмидесяти в длину, с высокой кормой, низким носом и мачтой посередине с большим квадратным парусом из холстины, оснащенном кольцами, через которые аккуратно тянулись гитовы. На меньшей мачте, нависавшей над баком, стоял дополнительный парус – маленький, треугольный. Борта были гладкие, из досок, приколоченных к остову железными гвоздями. Рулей два вместо одного – по обе стороны кормы.

Короче говоря, то было типичное торговое судно античного мира. Его смуглые матросы и богатый римлянин-судовладелец зашли в реку из чистого любопытства.

Они направились к селению, сошли, учтиво приблизились к жителям. Затем дали понять, что были бы счастливы узреть место сражения, если оно неподалеку. Двое, помявшись, согласились показать им брод и остров друида, которые те и осмотрели. Гости отбыли с отливом, не найдя в Лондиносе ничего интересного. Зато они расплатились за беспокойство серебряной монетой.

Так или иначе, этот визит не имел исторического значения. Прилив как таковой был намного важнее; судно же по капризу богача прибыло в место, которого почти что не существовало.

Однако для юного Сеговакса это значило все. Зачарованный, он вглядывался в заморский челн, столь соблазнительно пришвартованный близ берега. Он жадно изучил серебряную монету и рассмотрел голову божества на ней, понимая, что это не просто украшение, хотя

Сеговакс не мог доподлинно угадать ни ее назначения, ни ценности. Но в первую очередь он, следя за отбытием судна вниз по течению, вспомнил тот драгоценный день, когда впервые с отцом увидел открытое море.

– Вот куда пойдет корабль, – пробормотал Сеговакс. – В то самое море. Когда-нибудь, может, еще и вернется сюда.

И он возмечтал украдкой отправиться на судне, пусть даже римском, куда бы тот ни плыл.

Странно, из всей семьи Сеговакс, похоже, страдал больше всех. Его повергло в несказанное изумление то, что после трех месяцев безудержной скорби Картимандуя вдруг сошлась с другим человеком. Тот происходил из чужого селения. Он был добр с детьми. Но боль Сеговакса не унялась. И кто мог знать, сколь долго она продлилась бы, не случись к концу осени небольшого события.

В начале зимы кельты отмечали великий праздник. То был Самхейн – время активности духов, которые восставали из могил и навещали живых. Они напоминали, что души мертвых хранят поселения не просто так – им необходимы почет, уважение и благодарность. Это была захватывающая, но страшноватая пора, в которую затевали пиры и давали важные обеты.

Через несколько суток после Самхейна, спокойным, туманным днем, мальчик с сестрой решили поиграть на оконечности косы близ селения. Но Бранвен, устав от игр, ушла, и Сеговакс, охваченный вдруг тоской, устроился на камне и стал смотреть через реку на холмы Лондиноса.

Такую привычку он приобрел недавно, особенно после визита чужого судна. Ему нравилось взирать на неспешное приливное дыхание реки. Здесь на рассвете мальчик мог наблюдать, как золотистый свет восходящего солнца озаряет небольшой восточный холм; на закате же следить за багрянцем, в который садящееся светило окрашивает его западного собрата. Ему чудилось, что биение жизни и смерти создает в этом месте неизбывный напористый отзвук. Он просидел уже сколько-то времени, когда слышал шаги и обнаружил, что с острова к нему направляется старый друид.

В последние месяцы старец сильно сдал. Поговаривали, что прошлогодняя битва стала для него великим потрясением. И все же после ухода Цезаря он тихо, без предупреждения, обходил селения. Сейчас же остановился, признав мальчика, сидевшего в печальном одиночестве.

Сеговакса удивило желание друида поговорить с ним. Он вежливо встал, но жрец махнул ему, чтобы садился, после чего, к несказанному изумлению мальчика, спокойно устроился рядом.

И ребенок – весьма приятно – поразился вновь, ибо немного боялся друида: ничего страшного не было и в помине, от мужчины исходил покой. Они беседовали долго; жрец мягко расспрашивал. Сеговакс отвечал все увереннее, пока наконец со странным облегчением не рассказал об ужасном дне сражения, о том, что видел, и даже о своей трусости.

– Битвы не для детей, – улыбнулся друид. – Сеговакс, не думаю, что ты трус. – Он помедлил, затем продолжил: – Ты считаешь, что подвел отца? Позволил ему умереть?

Мальчик кивнул.

– Но он и не ждал тебя, – напомнил старик. – Разве он не велел тебе присматривать за матерью и сестрой?

– Да. – И тут, вопреки намерению и думая о новом муже матери, Сеговакс заплакал. – Я потерял его! Я лишился отца! Он никогда не вернется ко мне.

Старец усталился через реку и некоторое время молчал. Он понимал, что скорбь мальчика столь же бесполезна, сколь и понятна, тем не менее горе Сеговакса очень тронуло его. Все это слишком живо напомнило ему о собственных, давних уже тревогах и загадках.

Ясновидение – странное дело. Хотя иногда он удостаивался прямого видения грядущих событий – знал, например, судьбу этой крестьянской семьи еще до прихода римлян, – чаще его

дар представлял собой не столько внезапное озарение, сколько часть более емкого процесса, особого чувства жизни, которое с возрастом становилось все глубже. Если для большинства людей жизнь выглядела подобно долгому дню от рассвета-рождения до заката-кончины, то ему она представлялась иначе.

Старому друиду жизнь все больше казалась похожей на сон. Вне ее пребывала не тьма, но нечто светлое, чрезвычайно реальное; что-то, о чем он, как ему мнилось, знал всегда, даже если не мог описать, и к чему он вернется. Бывало, что боги и в самом деле с ужасающей ясностью показывали ему фрагмент будущего, и в такие моменты он понимал, что должен утаить их секрет от других людей. Однако обычно друид шел, спотыкаясь, по жизни, вооруженный лишь смутным ощущением себя как части чего-то predetermined и существовавшего испокон веков. Он чувствовал, что боги направляют его, а смерть была событием эфемерным – частицей большого дня.

Однако имелась вещь странная и тревожная. В последние два года сами боги как будто уведомляли его: эта большая судьба – сей всеохватный мир теней – все приближалась к концу. Древние островные боги словно готовились к уходу. Не наступал ли конец света? Или же, недоумевал он, боги тоже не вечны и осыпаются, как люди, подобные листьям?

А может быть, думал он, сидя возле простого паренька с белыми лохмами и перепончатыми руками, боги подобны ручьям, незримо впадающим в большую реку.

И вот он, тихо положив руку мальчику на плечо, приказал:

– Принеси мне отцовский меч.

Через несколько минут, когда Сеговакс вернулся с оружием, старец сильнейшим ударом расколол железный меч о камень.

Ибо таков был кельтский обряд.

Затем друид взял металлические осколки, обнял одной рукой мальчика и метнул сломанное оружие в реку. Сеговакс проследил, как оба куска описали высокую дугу и плюхнулись вдали.

– Похорони свою скорбь, – негромко произнес друид. – Отныне отцом тебе стала река.

И мальчик понял, осознал, что это именно так, без дополнительных объяснений.

Лондиниум

251 год н. э

За столом друг против друга сидели двое. Оба молча занимались опасным делом.

Был летний день – июньские иды⁸ по римскому календарю. Снаружи, на улице, людей было раз-два и обчелся. Ни ветерка. В доме царила тягостная жара.

Двое мужчин, как большинство простолюдинов, носили не обременительные римские тоги, а простые одеяния до колен из белой шерсти с застежками на плечах, перехваченные в талии поясами. На старшем была короткая накидка из того же материала, молодой предпочел оставить плечи голыми. Оба обуты в кожаные сандалии.

Помещение выглядело скромно, типично для этого квартала, где крытые соломой каркасные дома и мастерские теснились вокруг внутренних двориков. Белая штукатурка на стенах из глины и прутьев; в углу – верстак, штатив с резцами и плотницкий топор, выдававшие род деятельности жильца.

Было тихо. Единственный негромкий звук исходил от напильника, которым работал старший. Снаружи, однако, в конце узкой улицы на страже стоял человек. Необходимая предосторожность. Ибо кара за их деятельность – смерть.

На месте двух гравийных холмов близ побережья теперь раскинулся огромный город, обнесенный стенами.

Лондиниум благоденствовал под чистым синим небом. Холмы-близнецы преобразились в спокойные склоны с рядами элегантных домов. На вершине восточного возник величественный форум со степенными каменными зданиями, которые бледно отсвечивали на солнце. Широкая улица сходила с форума к прочному деревянному мосту, перекинутому через реку. На западном холме, сразу же за верхушкой, господствовал в небесной перспективе огромный овальный амфитеатр, а позади него, на северо-западе, расположился штаб военного гарнизона. Вниз по прибрежной зоне тянулись деревянные пристани и склады, тогда как на восточном берегу ручья, сбегавшего меж холмов, разрослись прекрасные сады дворца губернатора. И весь ансамбль – храмы и театры, оштукатуренные усадьбы и дома победнее, красные черепичные крыши и сады – окружала впечатляющая высотой стена с широкими воротами.

С запада на восток город пересекали две оживленные улицы. Одна, начинавшаяся от верхних из двух ворот в западной стене, тянулась по вершинам обоих холмов и выходила через восточные ворота. Другая, от нижних западных ворот, пересекала верхнюю половину западного холма, после чего спускалась через ручей и продолжалась за дворцом губернатора.

Таков был Лондиниум: два холма, соединенные двумя главными улицами и обнесенные стеной. Береговая линия была немного длиннее мили, а население насчитывало около двадцати пяти тысяч человек. Город простоял здесь уже более двухсот лет.

Римляне не спешили в Британию. После сражения на реке Цезарь в третий раз туда не вернулся. Через десять лет великого завоевателя зарезали в римском сенате. Прошел еще целый век до того, как в сорок третьем году после Рождества Христова император Клавдий пересек узкий пролив, неся на остров цивилизацию.

⁸ 13-й или 15-й день месяца. – *Прим. ред.*

Оккупация произошла быстро и повсеместно. Во всех основных племенных центрах немедленно создали военные базы. Местность изучили. Проницательным римским колонизаторам не понадобилось много времени, чтобы заинтересоваться поселением под кельтским названием Лондинос. Оно не являлось племенной столицей. Племена, как и в эпоху Цезаря, селились на востоке, по берегам протяженного эстуария. Но это местечко оказалось первым, где обнаружился брод, а потому стало естественной точкой для развития системы дорог.

Однако римлян интересовал не столько брод, сколько совершенно иная достопримечательность, находившаяся рядом. Едва римские строители увидели на северном берегу два гравийных холма вкупе с мысом, врезавшимся в реку, они пришли к мгновенному и очевидному выводу: «Идеальное место для моста». Вниз по течению река становилась шире, а если вверх, то там берега были болотистые. «И здесь достаточно узко, – заявили они, – а гравий будет прочным основанием для постройки».

Было и еще одно преимущество: прилив продолжался дальше этого места, что облегчало прибытие и отбытие кораблей, а бухточка между холмами, где бежал небольшой ручей, представлялась удобной гаванью для судов помельче.

«Природный порт», – заключили строители.

Реку нарекли Тамесис, а порт, латинизировав имевшееся название, – Лондиниумом.

Со временем ему неизбежно предстояло стать средоточием островной жизни. То был не просто торговый центр – все дороги расходились от моста.

А римские дороги являлись ключом решительно ко всему. Без всякого учета древней сети доисторических трактов, тянувшихся вдоль гряд, прямые щебенчатые дороги римских строителей взрезали остров. Они соединили племенные столицы и административные центры в незыблемую структуру, которой впредь те никогда не лишались полностью. Дорога, известная как Уотлинг-стрит, начиналась у белых скал Дувра на юго-восточном полуострове Кент и шла через Кентербери и Рочестер. К востоку, выше широкой бухты при устье, была дорога на Колчестер. Еще одна, бóльшая, уходила точно на север, к Линкольну и Йорку, тогда как на западе, за Винчестером, дорожная сеть соединяла Глочестер, римские бани Бата с его целебными источниками и милые торговые городишки теплого юго-запада.

В лето 251 года провинция Британия жила спокойно, как в ней и повелось на протяжении двух веков. В какой-то момент, правда, ее потрясло крупное восстание под предводительством королевы бриттов Боудики. Довольно долго запад острова баламутил и гордый народ Уэльса, тогда как на севере не унимались дикие пикты и скотты. Чтобы запереть их в болотах и горных цитаделях, императору Адриану пришлось даже выстроить огромную стену от побережья до побережья. А немного позже понадобилось возвести и пару надежных морских фортов на восточном побережье, дабы справиться с докучливыми германскими пиратами.

Однако Британия оставалась мирной, умеренно процветающей гаванью в разваливающейся империи. Ее рубежи в Восточной Европе вновь и вновь нарушались варварами, а политические распри превратились в сущий бич – ежегодно провозглашалось по пяти императоров кряду. Великим центром провинции был Лондиниум.

Впрочем, в тот момент младший, Юлий, почти позабыл о страшной каре, которой грозил ему закон, ибо обдумывал слова, только что сказанные человеком с напильником. Секст его друг и напарник, но он бывал и опасен.

Секст. Смуглый, с тяжелой челюстью, годами близкий к тридцати. Темная шевелюра уже поредела. Лицо было чисто выбрито, скорее выщипано на римский манер, за исключением густых, курчавых бакенбардов, которыми тот очень гордился и которые, на взгляд, по крайней мере, отдельных женщин, добавляли ему привлекательности. Эти достоинства слегка умалялись тем фактом, что лицо как бы сплющили по центру и карие глаза выглядели словно из-

под уступа. Его повадки были чуть неуклюжими, а плечи казались изрядно тяжелее, чем изначально хотели боги, из-за чего он горбился за работой и пошатывался при ходьбе.

– Девка – моя. И держись от нее подальше.

Предупреждение прозвучало совершенно внезапно, на ровном месте, пока они молча трудились. Секст даже не взглянул, заговорив, но как бы поставил точку, и Юлий понял, что должен быть осторожен. И удивился. Как тот пронюхал?

Старший товарищ нередко водил Юлия на попойки, знакомил с женщинами, но всегда был наставником, а не соперником. Что-то новенькое. И риск большой. Его сотрудничество с Секстом в их незаконном предприятии являлось для Юлия единственным способом подзаработать лишних денег. Было бы глупо подвергать это дело опасности. Секст ведь и с ножом хорошо управлялся. Но даже с учетом перечисленного Юлий сомневался, что подчинится приказу.

К тому же он уже отослал письмо.

При виде Юлия женщины улыбались. Его порой принимали за матроса; в нем ощущались свежесть и невинность юнги, только что сошедшего на берег.

«Бравый парнишка», – смеялись женщины.

Ему было двадцать, рост чуть ниже среднего: ноги коротковаты для туловища, но он был очень силен. Туника без рукавов открывала жилистый торс, закаленный упражнениями. Юлий чрезвычайно гордился своим телом. Он был хороший гимнаст, а в порту, где разгружал суда, уже приобрел славу многообещающего бойца.

«Никто в моем весе еще не побил меня», – похвалялся он.

«С ног его можно сшибить, – восхищались мужи покрупнее, – да он встает как ни в чем не бывало».

У Юлия были голубые глаза. Нос, претендующий считаться орлиным, вдруг уплощался сразу за спинкой. Вопреки первому, что приходило в голову, это не было следствием кулачных боев.

«Такой уж вырос», – жизнерадостно объяснял Юлий.

Он, однако, был отмечен двумя особенностями поярче. Первая – общая с отцом белая прядь, выделявшаяся спереди среди копны черных кудрей. Второй же являлась перепонка между пальцами рук. Она не сильно заботила Юлия. В порту его упоенно дразнили, называя Уткой. Во время поединков орал: «Давай, Утка! Сбрось его в воду, Утка!» Иные остряки даже кричали, когда он побеждал.

Но женщинам он нравился прежде всего как человек. Его голубые глаза, жадно взиравшие на мир, были на редкость полными жизни. Сказывали, что одна молодая матрона выразилась о нем: «Спелое яблочко, самое время сорвать».

Чувства Юлия вспыхнули не вдруг. С тех пор как они с Секстом впервые увидели девушку, прошло два месяца. Она, однако, была из тех, кого не забудешь.

В порту Лондиниума толпился разный люд. Суда доставляли масло из Испании, вино из Галлии, стекло с берегов Рейна и янтарь из тевтонских земель близ Балтийского моря. Сновали кельты всех мастей, белокурые германцы, латины, греки, евреи и люди с оливковой кожей с южных берегов Средиземноморья. Разумеется, были там и рабы, которые могли происходить откуда угодно. Римская тога виднелась подле цветастого африканского наряда и богато расшитого египетского одеяния. Империя славилась космополитизмом.

Но девушка была необычной даже с учетом сказанного: старше Юлия на два года и почти с него ростом, с бледной кожей, соломенными волосами, которые не были длинными и не закалывались шпильками, как у других девиц, а плотно прилегали к голове тугими завитками. Вкупе с немного приплюснутым носом эта особенность указывала на темнокожих предков.

Ее бабу рабыней привезли в Галлию из африканской провинции Нумидия. У девушки были мелкие, довольно неровные, но очень белые зубы. Миндалевидные голубые глаза подергивала странная дымка. Ее изящное тело перемещалось при ходьбе с чудесной ритмичной грацией, недоступной прочим портовым женщинам. Они злословили, говоря, что муж купил ее в Галлии, но точно никто не знал. Звали ее Мартина.

Ей исполнилось шестнадцать, когда хозяин-моряк решил жениться на ней. Он был пятидесяти лет, вдовец, его дети выросли. В минувшем году он перебрался из Галлии в Лондиниум.

Юлий видел этого морехода. Крупный, могучий мужчина странного вида. Его череп оказался напрочь лишенным волос, а густая сеть крошечных изломанных вен по всему лицу и телу придавала коже синеватый оттенок, подобно татуировке. Жила пара на южном берегу реки в одном из небольших домов, что тянулись вдоль дорог от моста к побережью.

В порту шла оживленная торговля. Моряк, несмотря на возраст, был деятелен и часто отправлялся в Галлию или посещал порты на великой реке Рейн. Ныне он пребывал в отъезде.

У Юлия имелось основание питать надежды, хотя и Секст пользовался у женщин успехом. Жена его давно умерла, и он не спешил вступать в новый брак. В своей слегка покровительственной манере он сообщил Юлию, что намерен заполучить молодую морячку, и тот больше не думал об этом. Секст разузнал об отлучках моряка и выяснил, как незаметно проникнуть в дом ночью. Ему нравилось планировать совращение как военную операцию. «Охотничий азарт», – говаривал Секст и продолжал кампанию.

А потому Юлий удивился, когда однажды, прощаясь с ним и Секстом на мосту, девушка сжала его руку. Уже на следующий день, на причале, девушка, проходя мимо, легонько, но умышленно задела его. Вскоре после этого Мартина небрежно заметила: «Все девушки любят подарки». Она сказала это Сексту, но глянула на Юлия – тот ни секунды не усомнился.

Но тогда он оказался без денег, и Секст одарил ее сладостями. Спустя несколько дней, когда Юлий предпринял попытку заговорить с ней один на один, она улыбнулась, но ушла и впоследствии игнорировала его.

Тут он и влюбился. Он начал думать о Мартине. Когда разгружал лодки, ее дымчатые глаза будто смотрели из такелажа. Мысленно он рисовал себе ее мерную поступь, которая представлялась донельзя соблазнительной. Он знал, что к ней ладится Секст, но моряк до недавних пор оставался дома, и юноша почти не сомневался, что его товарищ еще не преуспел. Юлий воображал, как под покровом темноты не Секст, а он сам пробирается в ее дом. И чем дольше он раздумывал, тем больше его страсть жила собственной жизнью. Этот чудный мускусный аромат – был ли он от притираний? Или являлся естественным запахом ее тела? Ступни Мартины сперва показались ему крупноватыми, однако теперь он находил их чувственными. Он изнемогал от желания коснуться ее коротких волос, заключить голову в ладони. И сильнее, чем о чем-либо прочем, его помыслы занимало это стройное, гибкое тело. Да, он был бы рад такому познанию.

– Но пожелал бы ты ее, если бы она не сбежала? Вот вопрос, который следует задавать себе, когда речь заходит о женщине.

Юлий ни разу не говаривал о девушке с родителями, но именно эту реплику вдруг отпустил его отец.

– Вижу, тебе вскружила голову какая-то особа, – продолжил тот. – Надеюсь, она того стоит.

Юлий рассмеялся. Он не знал. Но собирался выяснить.

А как же предупреждение Секста? Юлию претил холодный расчет. Он был слишком полон жизни, чтобы взвешивать риск всех своих поступков. Вдобавок юноша являлся неисправимым оптимистом, а потому решил, что все как-нибудь обойдется.

На углу улицы сидела толстуха. Она не хотела, но ей велели. С собой она принесла два раскладных стула, на которых осторожно разместилась. Ей дали краюху хлеба, немного сыра и мешок с фигами. И вот она вполне безмятежно грелась на солнышке. На ней оседала мелкая пыль. Судя по крошкам и фиговой коже в ногах, девица уже умяла и хлеб, и сыр, и пять штук фиг.

Ей было восемнадцать, но ее успело разнести до размеров внушительных и для более зрелой женщины. Два подбородка уже в наличии, под ними намечался третий. Рот широк и по углам, где остался фиговый сок, кривился книзу. Она восседала разведя ноги, и платье свободно спадало с груди.

Тучные люди всегда представлялись Юлию немного загадочными. Как они дошли до такой жизни? И почему их устраивает подобное состояние? Подтянутому юноше все это казалось чрезвычайно странным. Всякий раз, когда ему случалось взглянуть на толстуху, он гадал, не скрывалась ли за ее громоздкой пассивностью тайная ярость. Или секрет хоронился еще глубже? Иногда ему мнилось, будто девица счастлива неким сакральным вселенским знанием, сокрытым от остального человечества. Сидеть, жрать и ждать. Но чего? Загадка. Но самой большой тайной оставалось другое: как получилось, что эта толстая девица – его сестра?!

Ибо так оно и было. С девяти лет она росла вширь, абсолютно не интересуясь шумным миром забав и спорта, где обитали Юлий и его друзья, что приводило семью в немалое смущение. «Не понимаю, как она стала такой», – недоумевал отец. Сам он, хоть ныне круглый и румяный, никогда не бывал жирен; то же и мать. «Помнится, мой родитель все твердил о своей тетке, она была очень крупна, – замечал отец. – Не иначе, девчонка пошла в нее». В тетку или в кого еще, но было ясно, что так оно и останется. С годами брату с сестрой стало не о чем говорить; она вообще мало с кем разговаривала, хотя была достаточно исполнительна. Например, для таких дел, как наблюдение. И вопросов не задавала, коль скоро ее снабжали съестным.

А потому, покуда неспешно тянулся день, она сидела, глазела на пустынную улицу и время от времени доставала из мешка фигу.

Было тихо. В пятистах ярдах, близ амфитеатра, послышался сонный рык льва, доставленного из-за моря. На завтра объявили игры – важное событие. Выступят гладиаторы, покажут жирафа из Африки, пройдут бои с медведями, привезенными с высокогорий Уэльса, а также с местными вепрями. Население Лондиниума в большинстве своем соберется на огромной арене, дабы полюбоваться этим великолепным зрелищем. Даже толстуха пойдет.

На углу было очень жарко. Она оправила платье, чтобы прикрыть груди от солнца. Фига осталась всего одна. Девица извлекла ее, положила в рот и куснула так, что сок потек по подбородку. Она утерлась тыльной стороной мясистой ладони, бросила кожуру на землю, к уже валявшейся, и натянула пустой полотняный мешок на голову, чтобы не напекло.

Затем села прямо и уставилась на выбеленную стену напротив. Еда закончилась, и становилось отчаянно скучно. Стена отсвечивала так, что хотелось прикрыть глаза. Никто так мимо и не прошел. У большинства – сиеста.

Она лишь на минуточку смежила веки. Мешок, нахлобученный на большую башку, понемногу начал мерно вздыматься и оседать.

Солдаты нагрянули стремительно. Их было пятеро, в сопровождении центуриона. Этот седой здоровяк и за годы службы мало чем проявил себя в мирной провинции. Однако шрам, который он заработал в поножовщине много лет назад, тянулся через всю правую щеку и придавал ему вид ветерана, вызывая у подчиненных известное уважение и трепет.

Их скорый марш не наделал на пыльной улочке шума, однако слабое позвякивание коротких мечей о металлические застежки на туниках выдавало чужое присутствие.

Это была вина Юлия. Уложи его кто-нибудь в кулачном единоборстве, он встал бы достаточно резво, чтобы драться дальше. Ему бы и в голову не пришло затаить обиду. В том заклю-

чалась его слабость, ибо, не имея подлости в себе, он не замечал ее и в других. А потому не оценил взгляда соперника, которого побил десятью днями раньше. Невдомек ему было и то, что тот мог обыскать кошель, который он беспечно оставил лежать на виду, и обратить внимание на хранившуюся там особенную серебряную монету.

Юлий, сын Руфа, что работает в порту, держит серебряный динарий. Где он его взял?

Таков был текст анонимной записки, полученной властями. Конечно, это могло ничего не значить. Но они собирались выяснить.

Юлий усмехнулся себе под нос. Если он в чем и нуждался в своей жизни, так это в деньгах. Жалованье в доках было скудное; немного он выручал благодаря друзьям, которые ставили на него в боях. Однако в данный момент они с Секстом делали деньги простейшим способом из возможных.

А именно подделывали.

Искусство фальшивомонетничества было нехитрым, но требовало величайшей осторожности. Официальные монеты чеканили. Между двумя трафаретками закладывали металлическую болванку, чтобы запечатлелась и лицевая, и оборотная сторона. На трафаретках была гравировка. После удара она отпечатывалась – чеканилась – на болванке. Юлий слышал о мастерах, которые воспроизводили сей процесс, изготавливая подделки высочайшего качества, однако для этого пришлось бы самостоятельно заниматься гравировкой, чего ни он, ни Секст не умели совершенно.

Поэтому большинство мошенников создавали нечто не такое убедительное, но требовавшее меньших усилий. Они брали готовые монеты – новые или старые – и делали пару оттисков с помощью сырой глины. Затем соединяли матрицы, оставив сбоку маленькое отверстие, куда после высыхания и затвердевания глины заливали металл. Охлажденную форму разбивали и получали вполне пригодную фальшивую монету.

– Конечно, не по одной зараз, – толковывал Секст. – Вот как надо.

Он взял три формы и выстроил треугольником так, чтобы все три отверстия выходили в срединный зазор.

– После ставишь сверху еще три. – Он показал. – Потом еще.

И он продемонстрировал Юлию, как нужно складывать заготовки, чтобы построить высокий трехгранный столб.

– А дальше остается лишь обложить всю штукуну глиной и лить в серединку металл, чтоб затекал во все дырки.

Когда Секст впервые предложил своему юному другу это преступное ремесло, Юлий заколебался:

– Но это же вроде как риск?

Приятель глянул на него исподлобья:

– Этим много кто занимается. Сказать почему? – Он осклабился. – Монет не хватает.

Чистая правда. Уже свыше столетия вся Римская империя переживала инфляцию, которая неуклонно росла. В итоге монет в обороте оказалось мало. Людям деньги, разумеется, нужны, вот и развелось много фальшивомонетчиков. Частное изготовление дешевых, бронзовых монет не считалось правонарушением, однако подделка ценных, золотых и серебряных, являлась тяжким преступлением. Но даже это не остановило незаконный оборот, и в результате фальшивыми могло оказаться до половины имевших хождение серебряных монет.

Секст добывал и плавил металл, Юлий готовил матрицы и заливал расплавленный металл в формы. Хоть Секст и выступал в роли учителя, но был не особо искушен в этих манипуляциях. Он постоянно ошибался: то металл затекал в формы не так, то их впоследствии не уда-

валось аккуратно разбить. Несколько раз он перепутал матрицы, когда соединял, из-за чего решка не совпадала с орлом. Юлий, несмотря на перепонки между пальцами, работал аккуратно, и его стараниями качество монет резко повысилось.

– Но как же нам придать им вид серебра?

Это был его второй вопрос, когда они принялись за дело. Закаменевшее, бугристое лицо его товарища чуть не посыпалось крошкой, когда тот хохотнул:

– Оно и незачем! В настоящих-то серебра раз-два и обчелся!

Ибо даже для частичного пополнения монет серебряром имперские чеканщики настолько истощили запасы драгоценного металла, что обесценили собственную валюту. Серебра в динарии теперь содержалось всего четыре процента.

– Я пользуюсь смесью меди, олова и цинка, – растолковал Секст. – Отлично получается. Но точных пропорций он так и не выдал.

Сейчас на столе перед ними лежала стопка монет, и каждый серебряный динарий представлял собой небольшое состояние для юноши, который зарабатывал на жизнь разгрузкой судов. До сих пор они были осторожны и делали в основном монеты бронзовые и лишь немного серебряных, так как внезапный достаток мог показаться подозрительным. Однако на завтрашних играх предстояли многочисленные пари и ставки, благодаря которым будет проще объяснить происхождение нескольких серебряных монет. Поэтому нынче они действовали смелее. Юлий прикинул, что его доли в одну треть будет достаточно, чтобы открыть какое-нибудь свое дело.

Была лишь одна загвоздка. Как объяснить родителям, откуда деньги? Они уже относились с подозрением к Сексту. «Держись от него подальше. Он что-то затевает», – заметила мать, питавшая к его другу особую неприязнь.

Впрочем, эту проблему можно решить потом. Пока же Юлий знал одно: уже на следующее утро, перед началом игр, он воспользуется новоприобретенным богатством и купит девушке золотой браслет.

А что потом? Дело за ней. Она получила его письмо.

Но было и еще одно, намного более серьезное предложение, исходившее от Руфа, его отца.

Этот жизнерадостный человек уже несколько месяцев втайне переживал за Юлия. Сначала он надеялся, что мальчик, как сам он, станет легионером. В Римской империи это все еще было лучшим и наиболее надежным занятием. Тем более к окончанию службы молодой человек мог накопить и деньги для начала собственного дела. Однако Юлий не проявил ни малейшего интереса к этому предложению, и отец не настаивал. «Он свяжется с дурной компанией, вроде Секста», – предупредила жена, но она была отъявленной пессимисткой. «Он еще горяч и не может натворить больших бед», – возразил Руф. Тем не менее беспокойство усилилось. Пора было чем-то помочь мальчику, и он раздумывал чем.

Руф – человек общительный, член нескольких союзов. Буквально накануне он прознал о заманчивой для отпрыска возможности.

– У меня есть пара знакомых, – оживленно сказал он сыну, – которые могли бы приспособить тебя к интересному делу. И деньгами поддержат!

И нынешним вечером он устраивал Юлию встречу с ними.

А потому, как рассуждал Юлий, к утру у него будет и доля в деньгах, которые они сейчас подделывали, и, может статься, доходное занятие. Глядишь, даже Секст не очень-то понадобится. Это было еще одним доводом в пользу того, чтобы ухаживать за Мартиной.

И в целом, мнилось ему, дела шли довольно неплохо.

Солдаты вломились внезапно и без предупреждения. Послышался грохот снаружи, вскрик, и тут же забарабанили в дверь.

Казалось, они повсюду. Юлий увидел, как за окном блеснул шлем. Не дожидаясь ответа, они уже крошили дверь мечами. Дерево пошло трещинами. Юноша вскочил, впервые в жизни испытав панику.

Не этого он ждал. Он думал, что в панике люди мельтешат как угорелые, но обнаружил, что сам, напротив, не в силах пошевелиться. Он и говорить-то не мог, потому что голос вдруг сел. Стоял и беспомощно таращился. Это длилось секунд пять, но Юлию почудилось, будто прошло полдня.

Зато Секст развил бешеную активность. Вскочив на ноги, он схватил с верстака мешок и единым движением сбросил в него со стола монеты, матрицы и все, что там лежало. Метнувшись к шкафу в углу, распахнул дверь и сгреб с полок в этот же мешок еще матрицы, металлические болванки и коллекцию монет, о которой Юлий и знать не знал.

А после этого Секст вдруг схватил Юлия за руку. Толкнув ошеломленного товарища в кухню, он выглянул во дворик. Им везло. Легионеры, посланные перекрыть задний выход, ошиблись и вторглись во двор соседней мастерской. Было слышно, как они пинают штабеля черепицы и изрыгают проклятья. Секст сунул Юлию мешок и вытолкнул наружу.

– Беги! Давай! – прошипел он. – И спрячь барахло!

Юлий, оправившись от паники так же быстро, как впал в нее, вмиг перескочил через стену, свалился во двор по ту сторону и устремился в лабиринт проходов между домами. Из-за мешка под туникой он смахивал на беременного.

Не успел он скрыться в переулке, как солдаты выломали дверь и ворвались в дом, где обнаружили Секста-плотника, якобы только что пробудившегося от дневного сна и потрясенно на них взиравшего. И никаких фальшивок не было и в помине. Но центурион не обманулся и направился в заднюю часть дома.

Тут-то Юлий и совершил опасную оплошность. Юноша отбежал ярдов на сто, когда услышал утробный рев. Он оглянулся и увидел здоровяка-центуриона, который, невзирая на тучность, проворно взгромоздился на стену и озирает окрестности. Заметив улепетывавшего парня, он крикнул. Теперь Юлию, когда он обернулся, было видно, как центурион направляет невидимых пока легионеров:

– Вот он! Туда! Бегом!

Лицо центуриона, изуродованное шрамом, который Юлий различал со всей ясностью, нагнало еще больше страху. Молодой человек вихрем помчался прочь.

Оторваться от легионеров в проулках оказалось нетрудно. Даже с грузом он оказался быстрее. Лишь позднее, шагая по пустынной улице, юноша задался вопросом: зачем же было оборачиваться? «Если я его видел, – пробормотал Юлий, – то и он меня рассмотрел». Белая прядь служила отличной приметой. Когда он оглянулся, центурион созывал легионеров, но после смотрел беглецу вслед.

– Итак, остается понять, – печально произнес Юлий, – как много он увидел.

Мартина стояла у южного конца моста. Летний день катился к закату. Яркие блики от белых домов раскинувшегося напротив города сошли на нет, оставив по себе лишь приятное глазу свечение. На западе по-над янтарным горизонтом собрались пурпурные облака. Легкий ветер обдувал ей щеку.

В руке она держала письмо. Мальчик принес. Дорогая бумага. Почерк аккуратен настолько, насколько это удалось Юлию. Писано по-латыни. Мартина призналась себе, что взволнована.

Не то чтобы переписка была редкостью – даже в низких сословиях. В римском граде Лондиниуме грамотность была нормой. Хотя говорили обычно по-кельтски, большинство горожан знали латынь и умели писать. Купцы составляли договоры, лавочники метили товары, слуги

получали письменные распоряжения, а стены были покрыты латинскими надписями. Но все-таки это своего рода любовное послание, и Мартина ощутила легкую дрожь, перечитав его.

*Если придишь к мосту завтра, во время игр, у меня будет для тебя подарок.
Думаю о тебе днем и ночью. Ю.*

Пусть он не подписался полным именем – разумная предосторожность на случай, если бы письмо заблудилось, – она знала автора. Юный боец. Мартина задумчиво кивнула, гадая: как же быть?

Минуты шли. Вид города бодрил; тот утопал в вечернем свете со всеми красными черепичными крышами, светлыми стенами и каменными колоннами. Откуда же печаль? Возможно, дело было в мосте. Искусное творение римских строителей – крепко сложенное из дерева, покоившееся на высоких сваях – простерлось над рекой на две трети мили. Сейчас, когда закат уподобил воды красному вину, длинный и темный мост напомнил Мартине о ее невеселом жизненном странствии. Ибо она оказалась одна-одинешенька в мире, когда встретила в Галлии морехода. Ее родители умерли; он предложил ей новую жизнь, кров и защиту. Девушка была признательна и в известном смысле сохранила к нему добрые чувства.

Как горд был муж, когда показывал ей город! Ее особенно восхитила длинная череда пристаней у реки. «Все сплошь дубовые, – сообщил он. – В Британии столько дубов, что от каждого дерева берут только здоровый ствол, а остальное выбрасывают». Они прошли по широкой улице от моста до форума. Девушка сочла площадь внушительной, но искренне поразила одному огромному зданию, тянувшемуся по всему северному краю. То была базилика – средоточие канцелярий, где собирались городской совет и судьи. Пока Мартина благоговейно взирала на пятисотфутовый неф, муж сообщил: «Крупнейший на севере». Там было на что взглянуть: дворы и фонтаны губернаторского особняка, несколько общественных бань, множество храмов и колоссальный амфитеатр. Ощущение сопричастности этому метрополису было пронзительным. «Рим называют Вечным городом, – заметил моряк, – но и Лондиниум является частью Рима».

И девушка, хотя не могла этого выразить, приобрела понимание того, что значит быть частью великой культуры. Античная культура Греции и Рима, собственно говоря, и являлась миром – от Африки до Британии. В общественных местах фронтоны и арки, колонны и купола, колоннады и площади Рима обладали пропорцией, несли в себе объем и массу, пространство и порядок, внушавшие глубокое удовлетворение. Частные дома, роспись, мозаики и сложная система центрального отопления создавали уют и навевали покой. В мирной тени ее храмов безупречная геометрия камня соединялась с внутренней тайной святилищ. В Риме веками сочетались познанное и потаенное. Формам, им созданным, суждено было отзываться по миру на протяжении двух тысяч лет – и далее; быть может, до скончания человечества. Это великое культурное наследие, и Мартина, хоть не могла произнести таких вещей, интуитивно их понимала. Она полюбила этот город.

Муж регулярно отбывал в Галлию с британской бытовой керамикой и возвращался с богатыми красными чашами с Самоса, украшенными львиными головами; привозил кедровые бочонки с вином и чудесные амфоры с оливковым маслом и финиками. Последние предназначались в основном для состоятельных домов, но кое-что он оставлял себе, и жили они славно. Иногда он вывозил на продажу бочонки с устрицами, добытыми на огромных отмелях эстуария, и пояснял: «Их доставляют прямоком к императорскому столу в Риме».

Когда он отсутствовал, она любила гулять в одиночестве, перебираться на остров вброд. Там, где в давние времена проживал друид, теперь стояла прелестная вилла. А иногда Мартина выходила через верхние западные ворота и удалялась на две мили к великому перекрестку,

на котором высилась прекрасная мраморная арка. А то еще поднималась к южным грядам и любовалась панорамой.

Но постепенно рождалось смутное беспокойство. Возможно, ей просто одиноко.

Она часто молила богов послать ей ребенка. У вершины западного холма отстроили храмовый комплекс, где был и храм Дианы, однако Мартина сомневалась в содействии целомудренной богини. Большинство женщин посещали многочисленные святилища кельтских богинь материнства; ее обращения к ним были тщетными. В одном таком капище ей показалось особенно уютно. Дорога шла через нижние западные ворота, пересекала реку и проходила близ священного колодца, где обитала кельтская водная богиня. Девушке казалось, что та ее слышала и была настроена благожелательно. Но ребенок так и не появился.

В своей несчастью Мартина не была уверена вплоть до одного весеннего дня.

Их дом находился в южном пригороде. Это было милое место. Достигнув гравийной косы, отходившей от южного берега, деревянный мост сколько-то тянулся на опорах так, что не захлестывался приливом, когда коса превращалась в остров. По достижении топкого южного берега дорога шла поверх огромных бревен, сложенных поперек и покрытых землей и щебенкой. Прогуливаясь здесь, Мартина остановилась взглянуть на рабочих, трудившихся на заболоченном берегу.

Те возводили опорную стену. Это было большое сооружение: дубовые балки сначала выстраивали в огромный квадрат, после чего засыпали. Постройка высоко вздымалась над линией воды, почти как дамба или пристань. Наблюдая, Мартина осознала еще одну вещь. Стена поглотила несколько футов реки, слегка ее сузив. Когда девушка поделилась этим с одним из рабочих, тот улыбнулся:

– Верно подмечено! Мы отобрали у нее чуток. А может, на следующий год отхватим еще. – Он рассмеялся. – С рекой, понимаешь, как с женщиной: используем и приручаем. Так уж заведено.

Она побрела по мосту, раздумывая над услышанным. Не такова ли была ее жизнь? Муж никогда не был с ней груб. Но и с какой бы стати? У него послушная молодая жена, всегда пригласившая его по возвращении в порт. Был ли он добр к ней? Вполне. Она понимала: сетовать не на что. Перейдя через мост, Мартина свернула направо и устремилась по берегу на восток мимо причалов и лавок, пока не дошла до восточного угла, где река встречалась с городской стеной.

Место было тихое. Там, где стена изгибалась, стоял большой бастион, но ныне он пустовал. Выше закруглялся склон восточного холма, пока не достигал стены, чем превращал этот участок побережья в закуток, напоминавший естественную открытую сцену. По склонам расхаживали вóроны, как будто ждавшие в тишине начала некой пьесы.

Женщина, оказавшаяся здесь в полном одиночестве, взглянула на высившуюся перед ней городскую стену. Та, безусловно, заслуживала восхищения. Светлый песчаник, доставленный вверх по реке из Кента, был аккуратно уложен, образуя фасад. Середка, достигавшая в основании почти девяти футов в толщину, была заполнена камнем и известковым раствором; для пущей же прочности на весь поперечник уложили по два-три слоя красной черепицы через каждые три фута. В итоге возникло отличное сооружение футов двадцати высотой, опоясанное вдоль тонкими красными полосами.

И вдруг с непрошеной, ужасающей и абсолютной ясностью до Мартины дошло, что она вовсе не счастлива, а жизнь ее превратилась в тюрьму.

Но даже с таким пониманием можно было бы влачить ее неопределенно долго, когда бы не Секст.

Сперва его домогательства возмутили Мартину, однако она задумалась. Ей были известны другие девушки, имевшие немолодых мужей и тайно принимавшие любовников. Секст не унимался, и что-то в ней сдвинулось. Возможно, дело в возбуждении, а может стать

ей просто хотелось избыть печаль, но мало-помалу она позволила мысли сформироваться. Не завести ли и ей любовника?

Именно тогда в ее размышления прокрался Юлий.

Дело было не только в мальчишеской живости, ясных голубых глазах и очевидных физических достоинствах. Причиной являлся его слабый солоноватый запах и то, как пригибались в труде могучие юные плечи, а также пот, блестевший на руках. Единожды допустив эту идею в сознание, она испытала почти болезненное желание отдаться ему. Я сорву цвет его молодости, улыбнулась она про себя. Девушка коварно дразнила его, сперва приближаясь, затем уваливая, одновременно продолжая кокетничать с Секстом. Оказалось, что от такой игры можно получать огромное удовольствие.

«Он мой», – пробормотала Мартина, получив письмо. И все же теперь, когда момент наступил, она боялась. А вдруг поймают? Муж обязательно отомстит. Неужто она готова рискнуть всем ради этого мальчишки? И вот она долго созерцала закат, гадая, что делать, пока наконец не решилась.

Муж был в отъезде. Вечер нагнал на нее смутную, чувственную тоску. Довольно грустить. Завтра же на мост.

– Твой ход.

Юлий мигом очнулся от размышлений. Не странно ли смотрел на него отец? Юноша попытался сосредоточиться на доске и медленно сделал ход.

Он пребывал в безопасности, дома. Мирная уютная картина. Ему было видно в прилежавшей кухне мать и сестру, которые готовили на завтра угощение для соседей, назначенное после игр. Они с отцом, как обычно, сидели на раскладных стульях в главной комнате скромного дома за вечерней партией в шашки. Вот только мысли о солдатах не оставляли его ни на секунду.

Юлий глянул в сторону кухни. Спасая шкуру, он не успел переговорить с сестрой. Что видела толстуха?

На кухонной стене висела пара уток. На истертом столе виднелась говядина – излюбленный продукт островитян, – а также огромная миска устриц с реки. Там же стояло и ведро с улитками, которых откармливали молоком и пшеницей, а завтра зажарят в вине и масле. В широком мелком котелке сворачивался мягкий сыр. Еще были приправы к подливе. Гастрономические изыски римлян, перенесенные в Британию, весьма аппетитны: фазаны и лань, фиго и тутовые ягоды, грецкие орехи и каштаны, тимьян и мята, лук, редис, репа, чечевица и кочанная капуста. Островитяне-кельты научились готовить также улиток, цесарок, голубей, лягушек и даже, случалось, сонь, одобренных специями.

Мать и дочь трудились молча. Первая, тихая и скучная, занималась готовкой. Толстуха порывалась перекусить, тогда как родительница, не меняясь в лице и не прекращая дела, оберегала семейное добро и лупила ее. Юлий увидел, как мать направилась к миске с угрями. Хрясь! Проверив содержимое, она бросила девушке пару слов, и та пошла к шкафу, а мать вернулась к приготовлению подливы. Хрясь! Потом мать отлучилась к окну. Толстуха изловчилась и сунула в рот немного свежее выпеченного хлеба. Хрясь! Сестрица довольно чавкала.

Видела ли она солдат? Знала ли, что случилось с Секстом? Сказала ли родителям? Поди угадай! Что-то да наверняка заметила. Когда же спросить?

Последние несколько часов обернулись пыткой. Как только Юлий достаточно оторвался от погони, он попытался осмыслить ситуацию. Ему и в голову не пришло, что подозрения навлек он сам, а вовсе не Секст. Был ли его друг арестован? Юлий не смел вернуться и выяснить. Выдал ли его Секст? Юноша опасно шел к дому. Если да, солдаты наверняка будут его поджидать.

Ему казалось, что безопаснее дождаться утра и свидеться с Секстом на улице по пути на игры. До тех пор придется вести себя как ни в чем не бывало.

Но куда деть мешок? Это проблема. Место должно быть укромным, не связанным с Юлием. Но такое, откуда можно забрать его без труда. Он искал, но ничего не нашел.

До тех пор, пока, обходя вершину западного холма, где стоял храм Дианы, не наткнулся на печь для обжига. За ней была груда негодной, отвергнутой посуды и прочего хлама, которую явно давно не трогали. Юлий дождался, когда вокруг не осталось ни души, неторопливо приблизился к куче, быстро затолкал мешок в мусор и спешно ушел. Никто его не заметил, он в этом не сомневался. Молодой человек отправился домой.

Но ему было сильно не по себе. И он понял почему, в очередной раз переведя взгляд с подвижного отцовского лица на материнское.

Краснолицый Руф имел веселый нрав и любил петь; жена же его не отличалась ни тем ни другим. Волосы ее, ныне непонятного цвета – не белокурые и не седые, – собраны в тугой узел. В серых глазах никогда не бывало блеска. Флегматичное лицо, не менявшееся с детства, было бледным, как сырое тесто. Она была довольно добродушна, и муж считал, что она их всех любит. Вот только говорила она мало и, когда тот шутил, не смеялась – лишь таращилась. Нередко казалось, будто мать несет бремя какого-то мрачного воспоминания, воспринимая это как тягостную, но привычную обязанность.

У кельтов долгая память. Лишь два столетия прошло с тех пор, как предводительница одного из племен Боудика восстала против римских завоевателей, а семейство жены Руфа происходило из ее племени. «Дед родился в правление императора Адриана, который построил стену, – говаривала жена Руфа, – а его дед – в год великого восстания. Он потерял обоих родителей». У нее еще оставались родственники в далекой деревне – такие же крестьяне, как их кельтские предки, ни слова не понимавшие по-латыни. Не проходило и дня, чтобы мать не обошлась без какого-нибудь мрачного пророчества.

«Римляне есть римляне. Доберутся до тебя, когда придет время».

С детских лет для Юлия это звучало как литания.

Щелк! Его раздумья прервал резкий звук с шашечной доски. Щелчки, еще и еще, с победным стуком в конце.

– Вот и стер тебя с досочки! – Красное лицо отца сияло улыбкой. – О женщинах замечтался? – Он начал складывать шашки. – Пора и собираться, – произнес он уже серьезнее и скрылся в своей спальне.

Юлий ждал. Отцу предстояла в храме важная встреча с друзьями. Очень важная. Нужно забыть о дневных событиях и подготовиться.

– От тебя требуется одно: показать себя деловым человеком, расположенным учиться. Больше ничего, – наставлял родитель.

Юноша старался сосредоточиться, но это было трудно. Конечно, он принял все мыслимые меры предосторожности. И все же оставалась вещь, которая его беспокоила.

Мешок. Теперь он понял, что исподволь беспокоился о нем весь вечер. Поначалу он до того испугался солдат, что рад был спрятать мешок в месте, которое никак с ним не свяжут. Однако сейчас сообразил, что те, как все горожане, готовились по казармам к играм, и все больше уверялся, что они не придут. Во всяком случае, этой ночью ему ничто не грозило.

А потому мешок выступил на первый план. Спрятан он, ясное дело, хорошо. Но вдруг кому-нибудь придет в голову убрать хлам? Или монеты найдет и украдет мусорщик? Драгоценный мешок так и маячил перед глазами – одинокий, в ночи.

А потому Юлий внезапно принял решение. Тихонько ускользнув из дому, он быстро направился к печам. Благо те находились неподалеку. Вокруг болтались люди, но мусорная куча скрывалась в тени. Он не сразу нашел мешок, но в конце концов отыскал, сунул под плащ и поспешил обратно домой. Вошел осторожно и сразу ринулся в свою комнату. Женщины в

кухне его не заметили. Он затолкал мешок под кровать, где уже стояли два ящика с его имуществом. До утра с ним ничего не случится. Через несколько секунд Юлий ждал отца у двери, готовый к выходу.

Ночь выдалась ясной и звездной, Юлий с отцом шагали через город к месту встречи. Их дом находился близ нижних западных ворот, а потому они двинулись широкой магистралью, которая вела от них через западный холм и спускалась к ручью в междухолмье.

Юлий редко видел, чтобы отец нервничал, однако сейчас моментально уловил напряжение.

– Все у тебя получится, – приговаривал тот, обращаясь больше к себе, нежели к сыну. – Да уж, не подведи меня. – Затем, чуть позже: – Конечно, это не закрытое собрание, иначе бы тебя не пустили. – И наконец, крепко сжав его руку, добавил: – Сиди и молчи. Не говори ни слова. Просто смотри.

Они достигли ручья. Перешли через мост. Перед ними высился дворец губернатора. Их путь лежал по улице, проходившей слева.

И вот во мраке проступило одинокое темное здание с факелами, с обеих сторон освещавшими вход. Юлий услышал, как отец удовлетворенно выдохнул.

Руф, будучи человеком бесхитростным и добродушным, все же донельзя гордился двумя вещами. Первой являлся тот факт, что он был римским гражданином.

«*Civus Romanus sum*»: «Я – римский гражданин». В первые десятилетия римского правления из коренных островитян мало кто удостоивался чести полноправного гражданства. Однако постепенно законы смягчились, и деду Руфа удалось, хотя он и был провинциальным кельтом, добиться желанного статуса службой в запасном полку. Он женился на италийке, а потому Руф приобрел еще и право заявлять, что его семья имеет римские корни. Действительно, когда Руф был ребенком, император Каракалла распахнул ворота и сделал гражданство доступным едва ли не всем вольным жителям империи, а потому, сказать по правде, Руф ничем не отличался от скромных купцов и лавочников, среди которых жил. Но он продолжал с гордостью твердить сыну: «Мы, знаешь ли, еще и до того были гражданами».

Однако второй, много больший источник гордости скрывался за дверью с дрожащими огнями.

Ибо Руф состоял в храмовой ложе.

А из всех храмов Лондиниума, пусть многие были крупнее, ни один не обладал могуществом бóльшим, чем храм Митры. Он находился между двух возвышенностей на восточном берегу небольшого ручья, примерно в сотне ярдов от дворца губернатора. Построенный недавно, храм представлял собой прочное маленькое строение прямоугольной формы шестидесяти футов в длину. Вход был с восточного торца; на западном имелась небольшая апсида, вмещавшая святилище. В этом отношении храм напоминал христианские церкви, где в те времена тоже ставили алтари в западном крыле.

В империи всегда было много религий, однако в последние два столетия все большую популярность приобретали мистические культы и верования с Востока, особенно два: христианство и культ Митры.

Митра – победитель быка. Персидский бог божественного света, космический страж чистоты и честности. Юлий знал о его культе все. Митра сражался за правду и справедливость во вселенной, где, как во многих восточных религиях, добро и зло существовали на равных и вели вечную битву. Кровь легендарного быка, которого он убил, принесла на землю жизнь и изобилие. Рождение этого восточного божества праздновали двадцать пятого декабря.

Обряд скрывала завеса тайны, ибо ритуалы инициации хранились в секрете, но адепты твердо придерживались традиции. Последователи культа совершали в храме мелкие кровавые жертвоприношения в проверенной временем римской манере. Кроме того, их связывал древ-

ний кодекс чести стоиков, обязывавший к целомудрию, честности и отваге. Членство в ложе было доступно не каждому. Культ ревностно охраняли армейские офицеры и купцы, среди которых он пользовался популярностью. Войти в лондиниумский храм могло всего лишь человек шестьдесят или семьдесят. Руф имел все основания гордиться своей принадлежностью к ложе.

В сравнении с ними христиане, хотя и множились стремительно, представляли собой весьма разношерстную толпу. Юлий знал некоторых в порту, но, как многие римляне, продолжал считать их некой иудейской сектой. Да и в любом случае христианство, какой бы ни была его истинная природа, провозглашало смирение и упование на лучшую загробную жизнь, а потому, конечно же, являлось религией рабов и бедняков.

Юлий не бывал в храме раньше. Уже одно его присутствие там явится неким предварительным испытанием. Он понадеялся пройти его, когда они достигли двери, спустились на три ступени и шагнули внутрь.

Храм состоял из центрального коридора – нефа – с колоннами по сторонам, за которыми находились боковые приделы. Сам неф, будучи почти пятидесяти футов в длину, в ширину имел лишь двенадцать – с деревянным полом, при деревянных же скамьях в приделах. Отец и сын направились к одной на запад; Юлий с любопытством осматривался.

Факелы отбрасывали неверный свет, приделы окутывала густая тень. Когда вошли и устремились к своим скамьям другие мужчины, Юлий смекнул, что его изучают, однако лица проходивших различал не всегда. В дальнем конце, перед маленькой апсидой между двух колонн, высилась статуя Митры с лицом волевым, подобным огрубленному лику Аполлона; глаза возведены к небесам, на голове – заостренный фригийский колпак. Перед изваянием располагался скромный каменный алтарь, снабженный отверстием для стока крови. Здесь совершались жертвоприношения.

Храм медленно заполнялся. Когда прибыл последний член ложи, двери затворили и заперли. Затем все в молчании сели. Прошла минута, другая. Юлий гадал, что будет дальше. Наконец в дальнем конце мигнула лампа; он различил движение, и вот из тени приделов с тихим шорохом выступили две фигуры. Они были поистине странны.

Они надели головные уборы, полностью скрывавшие лица. На первом мужчине была львиная голова с гривой, ниспадавшей на плечи. Второй наводил еще большую жуть, и под его взглядом Юлий ощутил, как по спине пробежал холодок.

То, что он нацепил, было не просто головным убором, ибо едва не достигало колен. Одевание, сотканное из сотен крупных перьев, которые приглушенно шуршали и поскрипывали, имело форму огромной черной птицы со сложенными крыльями и колоссальным клювом. То был Ворон.

– Это жрец? – шепотом спросил у отца Юлий.

– Нет. Он один из нас. Но сегодня руководит церемонией.

Ворон уж шел по нефу между скамьями. Он двигался медленно, задевая исполинским хвостом колени сидящих. Через каждые несколько шагов он останавливался и обращался к кому-то из членов с вопросом, несомненно осуществляя ритуал:

– Кто есть владыка света?

– Митра.

– Чья кровь обогащает землю?

– Быка, сраженного Митрой.

– Как твое имя?

– Служитель.

– Из нашего ли ты числа?

– До самой смерти и далее вовеки.

Покуда Ворон расхаживал взад и вперед по нефу, Юлию чудилось, что глаза, выглядывавшие из гнезд поверх клюва, уделяли ему особенное внимание. Юноша вдруг устранился того, что Ворон задаст ему вопрос, на который он, разумеется, не сможет ответить. И возрадовался, когда тот, удостоив его как ему показалось, прощальным взглядом, вернулся к святилищу.

А потому ничто не утешило его больше, чем шепот отца, который пригнулся, дабы говорить прямо в ухо:

– Это один из тех, с кем тебе предстоит нынче встретиться.

Остаток церемонии пролетел быстро. Ворон изрек несколько молитвенных обращений; Лев сделал краткие объявления насчет членства, после чего собрание утратило официальность и присутствовавшие разбрелись по нефу малыми группами.

Юлий с отцом остались сзади. Вокруг, как отметил Юлий, кучковались другие сравнительно робкие члены – довольные, очевидно, как и отец, своим пребыванием здесь, однако он узнал и кое-каких видных и влиятельных горожан.

– Ложа решает в этом городе чуть ли не все, – гордо заметил Руф.

Они продолжали спокойно ждать, переговариваясь с соседями. Прошло несколько минут. Затем Юлий ощутил отцовский толчок.

– Вот он, – пробормотал тот и нервно добавил: – Все будет хорошо.

Юлий уставился в западный придел.

Человек, изображавший Ворона, оказался крупным и внушительным мужчиной. Он снял костюм и шествовал по нефу, кивая направо и налево с дружественной властью. Юлий видел в полумраке, что он сед, но только вблизи, придя в холодную, внезапную панику, рассмотрел шрам, тянувшийся через всю щеку.

Центурион не спускал с него глаз. Взгляд был острый. Юлий почувствовал, что побелел. Неудивительно, что Ворон изучал его столь пристально. «Он узнал меня, – подумал Юлий, – и мне конец». Он едва смог поднять взор, когда отец представил его с заполошным смешком.

Сначала Юлий не услышал ни слова. Он не воспринимал ничего, кроме впившихся в него глаз центуриона. Лишь через несколько секунд осознал, что солдат ведет с ним спокойную беседу. Тот разглагольствовал о речной торговле и надобности в смышленном молодом человеке, способном доставлять гончарные изделия с острова в порт. Жалованье такому молодцу положат приличное. Появится шанс открыть собственное торговое дело. Да неужели центурион так и не узнал его? Юлий вскинул глаза.

С центурионом было что-то неладно. Теперь Юлий заметил это, хотя и не вполне осознал, в чем дело. Покуда здоровяк взирал на него сверху вниз, Юлий понял одно: за суровым взором скрывалось что-то еще, потаенное. Не то чтобы деловые интересы являлись для такого человека чем-то необычным. Легионерам платили щедро, и не приходилось сомневаться, что центурион рассчитывал, когда выйдет в отставку, стать солидным купцом, а то и землевладельцем. Пока же его обязанности в столице имели в основном представительский характер – вкупе с мелкой фискальной деятельностью. У него было время сделать вложения. Однако по мере того, как он говорил, Юлий все больше уверялся в правильности первого впечатления: центурион не так прост, как кажется. Грубый солдафон полон загадок. Возможно, они касались логи Митры; возможно – чего-то иного. Оставалось только гадать.

Юлий отвечал на вопросы с некоторой нервозностью. Старался подать себя получше, даже испытывая неловкость. Понять, какое он производил впечатление, было невозможно. Но вот наконец центурион кивнул его отцу.

– Похоже, с ним все в порядке, – заметил он и улыбнулся. – Надеюсь, ты еще приведешь его в ложу. – (Руф зарумянился от удовольствия.) – В том, что относится к нашим речным делам, я удовлетворен. Но ему придется работать с моим подручным. – Он огляделся в легком нетерпении. – Да где же он? Ах да. – Он снова послал улыбку. – Побудьте здесь, я схожу за ним.

И он отошел к каким-то людям, сокрытым тенью.

Руф сиял, довольный отпрыском.

– Великолепно, мой мальчик. Ты принят, – шепнул он.

Отцу казалось, что в этот вечер исполнялись все его желания. А потому его удивило и слегка озадачило выражение лица Юлия, далекое от восторга и сменившееся потрясением и ужасом. Что за ерунда?

Когда центурион вернулся, Юлий увидел с ним того самого подручного. И хоть на миг он внушил себе, что это невозможно, сомнений не осталось, когда те приблизились. В приглушенном храмовом свете, с улыбкой на синюшном лице, перед ним стоял мореход – муж Мартины.

Луна взошла и была в четверти; отец и сын возвращались домой. Руф пребывал в приподнятом настроении. Да, нет ничего лучше отцовской гордости, думал он. На дочь он давно махнул рукой, но теперь, с таким сыном, мог искренне считать себя молодцом.

Центурион принял мальчика. И мореход сказал, что тот ему понравился.

– Ты будешь обеспечен на всю жизнь, – довольно заключил Руф.

Он не видел большого вреда в том, что сын погрузился в некоторую задумчивость.

На самом деле в голове Юлия царил хаос. Центурион не узнал его, и он должен благодарить за это богов. Но как быть с мореходом? У Юлия сложилось впечатление, будто тот вернулся только что, но он не посмел спросить. Успел ли он побывать дома? Не видел ли письма? Должен ли Юлий предупредить Мартину, чтобы сожгла его послание? Сейчас старик небось уже на полпути к своему жилищу.

Что же касалось их интрижки, то, даже если тот оставался в неведении, вправе ли Юлий мечтать о связи с женой человека, от которого отныне зависела его деловая карьера? Абсурд!

И все же. Он думал об этом теле, вспоминал изящную походку. Шагая вперед, он продолжал размышлять.

В доме, когда они прибыли, царила темнота. Мать и сестра легли спать. Отец с чувством пожелал ему спокойной ночи и удалился. Юлий присел, осмысливая события дня, но так и не пришел ни к какому выводу. Поняв, что устал, он решил тоже лечь.

Прихватив маленький масляный светильник, он отправился в свою комнату и уселся на постель. Разделся. Прежде чем лечь, пошарил под кроватью в поисках драгоценного мешка, зевнул. Затем нахмурился.

И, смутно досадуя, он слез с ложа и опустился на колени. Сунул руку подальше, сдвинул ящики. Потом поставил светильник на пол и уставился под кровать, не веря глазам.

Мешок исчез.

Фигура быстро перемещалась во мраке. На южном берегу реки горели немногочисленные огни. Перейдя через деревянный мост, человек прошел еще немного на юг мимо большой таверны для прибывающих странников и дальше, мимо бань, после чего свернул направо в проулок. Здесь, в отличие от улиц Лондиниума на другом берегу, щебеночное покрытие имела лишь главная. А потому его ноги, обутые в сандалии, бесшумно шагали по грязи. Голова скрывалась под накидкой.

Дойдя до знакомого домика, человек помедлил. В призрачном лунном свете белела штукатурка. Входная дверь, как он знал, должна быть заперта. Окна закрыты. Однако сзади имелся дворик, куда он и проскользнул.

Из будки выскочила собака, залаяла, но успокоилась, узнав хозяина. Стоя в тени, мужчина и собака какое-то время ждали, но ничто не нарушало покоя. Тогда скрытая под плащом с капюшоном фигура взобралась на бочку для дождевой воды и с поразительной ловкостью переметнулась на плиточную стену, тянувшуюся вдоль дворика до дома. На крыше косой свет луны порождал по краям терракотовых черепичных плиток удлиненные тени, создававшие

причудливый геометрический узор, покуда человек проворно шел по стене к темному квадрату окна с распахнутыми деревянными ставнями.

Мореход бесшумно проник в дом и добрался до двери, за которой спала Мартина.

Его уже месяц мучили подозрения. Трудно сказать почему – имелось нечто странное в поведении молодой жены, в ее отрешенности, в легком колебании, с которым она предавалась любви. Сущие пустяки, другой бы не обратил внимания. Но его мать была гречанкой, и от нее он еще в детстве напился чувством неистового, гордого владетельного господства, которое тайно руководило им во всех делах как с мужчинами, так и с женщинами. «В плавании он шелковый, – отзывались о нем спутники, – но, если его надуешь, он возжелает крови».

Мореход не думал, что жена ему изменяла. Пока еще нет. Но он решил убедиться наверняка, а потому прибегнул к старинной хитрости женатых мужчин и притворился, будто в отъезде.

И вот он осторожно отворил дверь спальни.

Мартина была одна. На кровать ложился слабый лунный свет. Одна грудь осталась непокрытой. Он посмотрел и улыбнулся. Замечательно. Она не обманывала. Он наблюдал за ее тихим дыханием. Ничто не указывало на присутствие в доме посторонних. Все было в порядке. Бесшумно, как кошка, коренастый хозяин дома обошел комнату, поглядывая походя на Мартину. Может, устроить приятный сюрприз и нырнуть под бочок? Или убраться восвояси и последить еще одну ночь? Он обдумывал и то и другое, когда заметил на столике у кровати клочок пергамента. Подобрал его, подошел к распахнутому окну.

Света ущербной луны хватило, чтобы прочесть послание Юлия. Подпись ничем не выдавала отправителя, но это не имело значения, так как в записке указывались время и место. Он аккуратно положил письмо и покинул дом.

Мать Юлия в кои-то веки действовала с примечательной расторопностью.

Толстуха не видела солдат. Когда те прибыли, она спала и побрела домой, как только обнаружила, что лавка опустела. Пришла поздно. Материнские подозрения были вызваны именно этим поздним приходом вкупе с некоторой странностью в поведении Юлия. Парой лишних затрещин ей удалось вытянуть из толстухи, что мужчины поставили ее караулить появление солдат. Но после этого у женщины не осталось сомнений. «Этот Секст втянул его в неприятности», – пробормотала она.

Как только Юлий с отцом ушли, она обыскала комнату сына. Сразу нашла мешок, увидела его ужасное содержимое, присела в потрясении на минуту и произнесла: «От этого нужно избавиться». Но куда его деть?

Редкий случай – она порадовалась тучности дочери.

– Сунь под одежду, – велела мать.

Затем накинула плащ и вышла с ней вместе.

Сначала она хотела швырнуть мешок в реку, но сделать это оказалось не так-то просто – слишком людно. Тогда она провела девушку по главной магистрали до ближайших ворот в западной стене. Все городские ворота на исходе дня закрывали, но теплыми летними ночами сей распорядок часто нарушался. Молодежи нравилось колобродить снаружи, и никто не обращал ни малейшего внимания на толстуху и ее мать. Но те не отошли далеко. Дорога вела через мост к святилищу, где обитала водная богиня, а там уединялись парочки. По обе стороны дороги, как и при всех городских воротах, раскинулось кладбище.

– Давай сюда мешок и возвращайся, – приказала мать. – И никому ни слова, особенно Юлию. Понятно?

Когда девушка уковыляла прочь, мать устремилась к кладбищу. Она поискала открытую могилу, но ничего не нашла. Продолжив путь, она вышла с другого конца, миновала верхние западные ворота и двинулась по тропинке, бежавшей параллельно городской стене.

Это было тихое место. Стена с ее горизонтальными черепичными полосами казалась прозрачной. Внизу, примерно в четырех ярдах от нее, широким черным лоскутом тянулся глубокий защитный ров. Стражи на стене не было. Никто не следил за женщиной, и та, воспользовавшись моментом, обогнула угол и пошла вдоль длинного северного участка стены. Миновав запертые ворота, продолжила путь, и ярдах в шестистах увидела, что хотела.

Ручей, сбегавший между городских возвышенностей, в своем верховье делился на несколько притоков, и эти крошечные ручейки в трех-четыре местах подныривали под северную стену через аккуратно выделанные туннели, перекрытые решетками. Женщина прикинула, не бросить ли мешок в такой канал, но вспомнила, что решетки исправно чистили, а каналы заглубляли. Однако за одним таким туннелем она заметила большую кучу мусора, недавно сваленную кем-то в ров. За ровом, в отличие от каналов, следили неважно. Она никогда не видела, чтобы его расчищали.

Она задержалась лишь на пару секунд, чтобы оглядеться. Удовлетворенная тем, что никто ее не видел, женщина метнула мешок в ров и услышала стук, долетевший с захлапнутого дна.

Продолжив, как ни в чем не бывало свой путь чуть дальше, она обнаружила главные западные ворота распахнутыми настежь и незаметно вошла в город.

Юлий уставился на длинную линию городской стены. Беспомощно опустив руки, он покачал головой. Искать бесполезно. Поверх стены, на дальнем краю западного холма, он видел изгиб верхнего этажа амфитеатра. Утро выдалось ясное: ни ветра, ни облачка на бледно-синем небе. В огромном котле амфитеатра воцарится жара.

Где же деньги? Он вышел на рассвете и до сих пор не имел ни малейшего представления, что сделала с ними мать.

Может, толстуха соврала? Вряд ли. Она достаточно испугалась, когда он среди ночи прокрался к ней в спальню, зажал рукой рот и приставил к горлу нож. Она поведала, что мать выбросила мешок где-то за западной стеной, но три часа поисков не принесли результата. Он вышел через западные ворота. Посетил все мыслимые места, пока в конце концов не вернулся. Город уже гудел. Скоро люди потекут к амфитеатру. А у него не было ни гроша.

Что он скажет Сексту? Хоть Юлий и собирался встретиться с тем по пути на игры, он не горел желанием свидеться с ним прямо сейчас. Поверит ли ему Секст? Или решит, что Юлий надул его, похитил деньги? Трудно сказать. Идти домой к матери юноше тоже не улыбалось. «До окончания игр лучше залечь на дно», – пробормотал он. Возможно, к тому времени все будут в лучшем расположении духа.

Оставалась девушка. Юлий вздохнул. Обещал ей подарок, а денег не стало. Как же быть? Ничего не поделать. Да и вообще слишком рискованная затея. «Небось и на мост теперь не придет», – пробормотал он. Все это опечалило молодого человека, и он, за неимением лучшего занятия, присел возле дороги на камень и погрузился в раздумья.

Прошло несколько минут. Раз или два он буркнул: «я разорен» и «забудь обо всем». Но даже это почему-то его не утешило. Мало-помалу в голове зародилась и окрепла другая мысль.

А вдруг она все же явится? Письмо она, скорее всего, спрятала. Муж, наверное, ни о чем не подозревает. А ну как рискнет и придет к мосту, а Юлия там не будет? Что, если он ее подведет?

Юлий покачал головой. Он отлично знал, что случится. «Достанется кому-нибудь другому», – уронил он. Может быть, Сексту.

Любому портовому бойцу было известно, что Юлий, если сбить его с ног, не оставался лежать. Пусть глупо, пусть даже бессмысленно, но присущий ему оптимизм возрождался так же естественно, как листва весной.

А потому он вскоре взял себя в руки. Еще через несколько минут кивнул со слабой улыбкой. Чуть погода ухмыльнулся шире и встал.

Затем направился к воротам.

Этим утром Мартина поднялась рано. Она прибрала комнату, расчесала короткие волосы, умылась, тщательно надушилась. Перед тем как одеться, внимательно осмотрела себя. Ощупала груди – маленькие и мягкие; провела руками по крепким ногам. Удовлетворенная, она выбрала наряд. Надела новые сандалии, по опыту зная, что слабый запах кожи сообщает соблазнительный для мужчин оттенок ее природному аромату. Застегнула по бронзовой брошке на плечах, отметив при этом сердцебиение, которое донесло до нее, на случай вздорных сомнений, что нынче она предается любви с юным Юлием.

Затем, завернув пирожные на завтрак, она вышла из дому и присоединилась к соседям, шедшим к мосту на игры.

Ей шагалось легко, как не бывало уже давно.

Опустевший город приобрел странный вид. К середине утра уже казалось, что все его население отправилось смотреть состязания. До Юлия то и дело долетал могучий рев от амфитеатра, но в остальное время на мостовых царила такая тишь, что было слышно птиц. Молодой человек, будучи в радужном настроении, бродил по узким улочкам, вдыхая приятный аромат свежесвеженного хлеба из пекарни и густые, насыщенные запахи, летевшие из кухонь. Он неспешно шел по красиво вымощенным улицам, минуя великолепные дома богачей. В иных имелись собственные бани; многие были окружены стенами, за которыми росли вишни, яблони и тутовник.

А Юлий знай поглядывал по сторонам. Он намеревался встретиться с девушкой и обещал подарок. Ему не хотелось являться с пустыми руками.

Значит, придется украсть.

Что-нибудь непременно подвернется. В амфитеатре собрался чуть ли не весь город. На то, чтобы проникнуть в какой-нибудь неохраняемый дом и взять вещицу, которая ей понравится, уйдут считанные секунды. Воровство было не по душе Юлию, но в данный момент представлялось единственным выходом.

Однако дело оказалось труднее, чем он ожидал. Юноша заглянул в несколько скромных домов, но не нашел там ничего достойного. Во всех же богатых имелись престарелые слуги или свирепые сторожевые псы, и Юлия уже дважды обратили в бегство.

Слегка обескураженный, он направился к причалу. Сначала попытал счастья с западной стороны, но без толку. Тогда он перешел через мост и обследовал восточный берег. Приземистые лавочки, стоявшие рядами, тоже оказались заперты. Он навестил маленький рыбный рынок, прилавки которого пустовали с рассвета. И только после этого набрел на куда большее здание, и его вид заставил молодого человека задержаться.

Это была имперская лавка. В отличие от других, строение было прочным, каменным. Солдаты охраняли его денно и нощно. На этот официальный склад стекались все товары для губернатора, гарнизона и местного руководства. Порой грузы отличались особой ценностью. Три дня назад Юлий помогал разгружать судно, доставившее несколько огромных сундуков с золотыми и серебряными монетами – жалованье войскам. Каждый сундук был опечатан и неимоверно тяжел. Грузчики едва не надорвались, снося их на пристань. Для Юлия, доподлинно знавшего исключительную ценность этого груза, тот явился живым напоминанием о могуществе и богатстве государства. Империю, бывало, затягивало в хаос, однако глубинная мощь Вечного города и его доминионов по-прежнему внушала трепет. Юноша усмехнулся. Попасись он здесь хоть недолго, все денежные проблемы и впрямь разрешились бы. Но после

вчерашнего бегства от легионеров, когда его чуть не схватили, Юлий боялся властей и не стал соваться на задворки лавки.

Повернув назад по широкой улице, уходившей к форуму, он начал склоняться к мысли, что ему придется обойтись как-нибудь без подарка. Достигнув нижней магистрали, он без особых на то причин свернул налево к дворцу губернатора, вход в который охраняла стража. Но улица оставалась пустынной.

Там-то его и осенило. Все было так просто и дерзко, что выглядело безумием. И все же по мере обдумывания ему все больше казалось, что дело не только могло выгореть, но и представляло вполне логичным.

– Главное, со временем угадать, – пробормотал он, дабы успокоить себя.

В отличие от частных домов, которые он обыскал, дворец губернатора – здание общественное. Если не считать часового, то все остальные, скорее всего, улизнули на игры. И даже если его обнаружат, он подыщет какое-нибудь объяснение – ждал, дескать, случая подать прошение или что-то еще. Изящество замысла вызвало у него улыбку. Кому вообще придет в голову ограбить губернатора? Он притаился за углом и занялся беглой разведкой.

Обращенная к улице сторона дворца представляла собой базальтовую стену с красивыми воротами в центре, которые вели в просторный внутренний двор. На мраморном постаменте перед воротами был установлен высокий узкий камень почти в человеческий рост. Это был путевой знак, от него вели отсчет все мильные столбы в Южной Британии.

Часовому, похоже, нравилось стоять перед этим камнем, украдкой привалившись спиной, но он постоянно снимался с места и неспешно вышагивал по пустой улице, поворачивался и маршировал обратно.

Юлий пристально наблюдал. Страж делал двадцать пять шагов в одну сторону, затем, после паузы, двадцать пять в другую. Чтобы убедиться, Юлий проследил за ним вторично, потом в третий раз. Ничто не менялось. Он тщательно выверил передвижения часового. Как раз успеет.

Когда часовой повернулся спиной и начал очередной обход улицы, Юлий быстро выскочил из укрытия. Имея между собой и солдатом для верности камень, он бесшумной молнией метнулся вперед и нырнул в тень ворот, как только страж изготовился развернуться.

Ему хватило мгновения, чтобы юркнуть во двор. На дальней стороне под портиком виднелся главный вход в резиденцию. Дверь оставили открытой. Юлий отважно вошел. И очутился в другом мире.

Наверное, не рождалось цивилизации, создавшей для высших классов здания роскошнее, чем римские виллы и городские дома. Особняк губернатора являлся прекрасным образчиком последнего. Высокий прохладный атриум с бассейном создавал атмосферу величественного покоя. Сложная система центрального отопления – гипocaust – сохраняла в доме тепло зимой. Летом же интерьер из камня и мрамора создавал прохладу.

Как было заведено в лучших домах Лондиниума, полы здесь зачастую представляли собой прекрасные мозаики. Там виднелся Бахус, бог виноделия; тут – лев; один зал украшали дельфины, другой – хитроумные геометрические узоры.

Восхищенно взглянув на великолепие главных помещений, Юлий поспешил в меньшие. Там, хотя обстановка была интимнее, тоже изобиловала роскошь. Стены выкрасили в различные оттенки охры, красного и зеленого; нижней же их части искусно придали вид мраморных плит.

Юлий знал, что искать. Что-нибудь мелкое. Если жену морехода увидят с богатыми украшениями, начнутся пересуды, которые приведут к неприятностям. Он хотел вещь простую, скромную, какую-нибудь мелочь, которую сочтут потерявшейся.

Поиски не затянулись надолго. В одной из спален он нашел на столе зеркальце из полированной бронзы, несколько серебряных гребней и три брошки с самоцветами. Еще там было

красивое ожерелье из огромных необработанных изумрудов на золотой цепочке. Изумруды, насколько он знал, прибыли из Египта. Юлий взял их, полюбовался. Сблaзн похитить ожерелье возник лишь на миг. Ему никогда не сбыть изумруды – слишком подозрительно, но он мог расплавить золото. Затем он положил украшение на место. Жаль портить такую красоту.

К тому же он нашел нечто вполне подходящее: простой золотой браслет без всяких примет. Таких небось в Лондиниуме тысячи. Вот что он подарит Мартине. Прихватив его, Юлий быстро выскользнул из спальни.

В доме царила тишина, двор пустовал. Юлий вдоль стены прокрался к воротам. Ему оставалось лишь миновать часового, который возобновил свое уличное бдение. «Только бы не сунулся во двор!» – взмолился юноша, жавшийся к воротам.

Страж привалился к камню, Юлий видел его спину. Улица, насколько он мог судить, была пуста. Он дождался, когда часовой снялся вновь – тот двинулся налево, к ручью. Юлий молнией метнулся направо.

Но он для подстраховки схитрил. Через несколько ярдов, вместо того, чтобы бежать вперед, развернулся и как мог быстро пошел назад, лицом к удалявшемуся солдату. Пять, десять, пятнадцать заплывших шагов. И точно вовремя. На сей раз часовой почему-то закончил обход раньше и повернулся. Юлий же, не убегаючи куда, пошел ему навстречу, как будто впервые приближался к воротам. Солдат подивился, откуда он взялся, однако, коль скоро юноша шагнул к нему, не стал задумываться, и оба разошлись, поприветствовав друг друга кивком. Через несколько минут Юлий уже возвращался с подарком к мосту.

Он гадал, придет ли девушка.

Секст двигался к мосту по широкой улице, отходившей от форума. Он был мрачен, и то обстоятельство, что Юлия в амфитеатре обнаружить не удалось, настроения не улучшило.

Почему юный друг избегает его? Он и не думал бы об этом, если бы не случайная реплика, подслушанная накануне.

Когда ворвавшиеся в дом солдаты бросились на задворки искать сообщников, Секст слышал, как они заметили Юлия, но с облегчением убедился, что товарищ скрылся. Вскоре стало ясно, что толком его не рассмотрели. Однако через несколько минут Секст услышал разговор двух солдат, рывшихся по соседству в его постельном белье.

– Ничего нет, – буркнул один. – Похоже, наговор. Кто-то невзлюбил этого малого и накропал письмо.

– А паренек? Это же он убежал?

– Может, да. Может, нет. Он все равно молод. Уважаемая семья. Если кто и подделывает, то плотник.

Молод. Уважаемая семья. Они, конечно, говорили о Юлии. Должно быть, недоросль чем-то выдал их. Секст выругался. «Если поймут – точно расколется, – простонал он. – Тогда мне конец».

Ему хотелось отправиться к Юлию тем же вечером, но он не посмел, опасаясь слежки, однако рассчитывал встретиться с ним сегодня в амфитеатре. А потому, когда из этого ничего не вышло, Секст озабочился всерьез. Не угодил ли Юлий в лапы властей? Не раскрыл ли затею? Он добрался крадучись до дома приятеля и обнаружил его пустым. Что это означало? В итоге Секст вернулся к себе на случай, если Юлий пошел туда, затем поискал на форуме. Теперь последней надеждой остался причал.

Внезапно он увидел юношу – тот направлялся к мосту, будучи всего на сотню ярдов впереди. Секст ускорил шаг. Юлий был настолько поглощен своим делом, что даже не заметил его, пока приятель не приблизился вплотную. Он обернулся. При виде Секста парень обмер.

И Секст моментально насторожился.

– Все в порядке? – осведомился он, отметив, что Юлий помялся, прежде чем нехотя, но правдиво рассказать о случившемся.

Секст не поверил ни единому слову, ибо был не дурак и тем гордился. История была совершенно невероятная, тогда как некоторые другие вещи представляли предельно ясными. Юноша сторонился его. Деньги исчезли. Следовательно, возможны лишь два объяснения: либо Юлий украл их, либо предал товарища, и в этом случае власти, заполучив мешок с матрицами, наверняка используют его в качестве улики. Не приходилось сомневаться, что Юлия избавят от свидетельствования против него.

Однако лицо Секста являло собой маску, покуда он внимал неуклюжим рассказам Юлия. Не перебивая, он дал юноше возможность оправдаться. Когда тот закончил, Секст заключил, что лгун из его приятеля никудышный.

Пора действовать напрямик.

– Язык развязал? – спросил он грубо. – С солдатами?

– Нет! Конечно же нет!

Секст задумался. В любом случае это скоро выяснится. Он вытащил из-за пояса нож и показал Юлию.

– Найди деньги до захода солнца, – велел он спокойно, – иначе убью. – Он развернулся и пошел прочь.

Незадолго до полудня выступил гладиатор, сразившийся с медведем. Борец мастерски управлялся с сетью. Ставили два к одному на то, что он прикончит медведя. Однако днем ему же предстояло биться с другим гладиатором, популярным чемпионом, и ставки в этом втором состязании составляли пять к одному на то, что он погибнет. И пока двадцать к одному на случай, если он победит в обоих боях. Сперва вокруг арены провели медведя. Толпа была настроена благодушно. Напряжение и возбуждение нарастут лишь при виде крови.

Мартина решительно поднялась. Через арену, в губернаторской ложе и ближних ярусах, она видела знатных горожан, облаченных в тоги, и их женщин с высокими причудливыми прическами и в длинных платьях из тонкого шелка. Направляясь к лестнице, молодая женщина ощутила легкую дрожь.

«Пусть места у них отличные, – подумалось ей, – но никому из них не видать того, что сегодня достанется мне».

Через несколько секунд она вышла из сумрачного лестничного туннеля на залитую солнцем улицу и устремилась к форуму. Женщина не заметила, как в паре сотен ярдов позади из тени бесшумно выступил ее муж и двинулся следом.

Юлий ждал. Он стоял возле высокого деревянного столба, который на пару с другим обозначал северный конец моста. Полдень почти наступил.

Беседа с Секстом поселила в нем тревогу. Он верил, что старший приятель не шутики шутил, но как найти мешок? Возможно, мать уступит, если он сообщит ей об опасности, но Юлий не был в этом убежден. Так или иначе, сейчас об этом незачем волноваться. У него имелось другое дело.

Слева, из амфитеатра на холме, донесся рев; нотка сожаления в этом звуке уведомила его, что зверь, должно быть, одерживал над человеком верх.

Юлий глазел на широкую дорогу, уходившую к форуму. Если девушка решится на свидание, то свернет на нее задолго до встречи. Пока улица пустовала, как и пристань. Сердце так и стучало. «Если сейчас придет...» – пробормотал он и не договорил. Если она сейчас появится, то будет принадлежать ему. Он содрогнулся от волнения. Но странное дело: какая-то часть его продолжала нервничать, невзирая на радостное предвкушение и почти надеясь, что девушка не придет.

Минуты текли, Мартина не показывалась, и Юлий начал думать, что да, она все-таки не пожалует и это, быть может, к лучшему, но в этот момент он отвлекся на слабое движение справа, в стороне от причала.

Ничего особенного там не было – всего лишь солдаты с осликом,пряженным в маленькую повозку. Юлий праздно наблюдал, как они медленно приближались к нему вдоль кромки воды. До него дошло, что повозка, должно быть, тяжелая: ослик скользнул копытом и остановился. Хотя возможно, что животное просто упрямилось. Он вновь посмотрел на улицу – никакой Мартини.

Теперь солдаты и ослик находились от него в двухстах ярдах. Всего трое: один ведет осла, двое сопровождают повозку. Поскольку Юлий стоял за деревянным столбом, его не заметили, но вскоре он различил их лица под шлемами. Ему вдруг почудилось, будто он узнал одно. И он мигом сообразил почему. Мужчина, придерживавший повозку, был не кем иным, как его давешним знакомым. Центурион. Юлий озадаченно смотрел на здоровяка. Зачем центуриону понадобилось в разгар игр сопровождать по улицам повозку с ослом?

Та была прикрыта холстиной. Но один угол болтался, и Юлий видел торчавшее горлышко винной амфоры. Очевидно, солдаты зачем-то переправляли в форт провизию из государственной лавки. Значит, в казармах будет пир. Повозка стала заворачивать на дорогу, которая вела на холм.

Мысли Юлия вернулись к Мартине. Он ощутил прилив вожделения. Где же девушка?

И тут кое-что стряслось. На первый взгляд – ничего особенного. Когда повозка очутилась на дороге, она подпрыгнула на ухабе, и наземь выпал небольшой предмет. Какое-то время он валялся в пыли, пока один из солдат не подобрал его и не затолкал под покрытие. Однако юноша заметил две вещи: предмет тускло блеснул на солнце, а центурион быстро зыркнул по сторонам, проверяя, не видел ли кто. И Юлий безошибочно распознал выражение его лица – смесь страха и вины. Ибо предметом, выпавшим из повозки, была золотая монета.

Золото. В повозке его, должно быть, целые мешки. Неудивительно, что ослик спотыкался. Зачем же солдаты тайком перевозили золото по опустевшей улице и выше, в проулок? Ответ был слишком невероятен, чтобы поверить, и все-таки другого объяснения не находилось: украли.

Молодой человек стоял тихо, пока повозка не скрылась из виду. Девушка так и не показала. Внезапно Юлий испытал сильнейший озноб, мысли вскружились. Он очень тихо спустился с моста и устремился в проулок.

Юноша был осторожен и держался на расстоянии от повозки. В течение нескольких минут, перебегая из угла в угол, он повторял их извилистый курс. Солдаты старались действовать незаметно.

Не раз Юлий колебался. Если они похитили кучу золота и увидят его, последствия очевидны. Но в голове у него уже начал вызревать план. Юлий рассудил, что золото где-то спрячут. Если он выяснит где, то впоследствии заглянет туда. Одного такого мешка хватит, чтобы Секст навсегда забыл об утраченном. Юлий воображал счастливую физиономию товарища. Тут его осенило, он ухмыльнулся: имея настоящие монеты, они избавятся от нужды их подделывать. С таким богатством он мог купить Мартине все, чего она пожелает.

Маршрут солдат приблизительно следовал главной улице, но пролегал через боковые проулки и уводил по склону восточного холма к форуму. Далее они миновали перекресток двух великих дорог, нырнули в параллельный переулок и свернули налево.

– Идут на запад, – пробормотал Юлий, – но куда?

Он никак не мог сообразить. Решив, что так будет надежнее, пошел по главной магистрали – хотел проверить местонахождение повозки у следующей боковой улочки.

Проследив, что та пролежала по склону между двух холмов, Юлий увидел, как повозка выкатилась вперед на главную улицу. Он задержался, не желая быть замеченным, тогда как солдаты пересекли ее и начали восхождение на противоположный склон. Они были в четверти мили, оставив амфитеатр выситься позади, и вот пропали, резко свернув налево в узкий проход. Юлий рванул вперед, боясь упустить. Прошла минута, две; он почти добежал.

И в ту же секунду, взглянув на склон, увидел ее.

Мартина шла к нему, покачивая бедрами, и улыбалась сама себе. Она была в двух сотнях ярдов и не замечала его.

Юлий замер и вытаращился. Значит, все-таки пришла. Внутри у него все оборвалось. По мере того как он наблюдал за ее приближением, все его сомнения рассеялись. Она прекрасна и хочет его. Возможно, даже любит. Его захлестнула волна восторга и возбуждения. Он будто уже ощущал ее тело и даже обонял. Ему хотелось помчаться навстречу.

Но если он так поступит, то упустит драгоценное время. Повозка могла в любой миг затеряться в лабиринте переходов и дворики. Тогда он лишится золота.

– Девушка подождет, – пробормотал он себе под нос. – А золото ждать не станет.

И он нырнул в ворота.

На протяжении нескольких минут он крался переулками, держа курс на запад. Непосредственно перед тем местом, где склон переходил в вершину и сглаживался, пролежала красивая улица с колоннами по одной стороне. Она отходила от верхней магистрали на юг, к нижней. Улица тоже оказалась пустынной. Он пересек ее. Именно позади нее, в узком проулке близ храма Дианы, юноша снова увидел маленькую повозку и ослика.

Они остались без присмотра. Солдат нигде не было видно. Юлий торчал на углу и выжидал. Никто не появлялся. Неужто солдаты бросили повозку? Нет, разумеется. Он огляделся, пытаясь понять, куда они делись. Повсюду дворники, лавки и мелкие складские строения – можно зайти в любое здание. Повозка так и была накрыта холстиной. Что же, золото уже выгрузили или это временная остановка? По-прежнему ни души.

Если разгрузились, то надо порыскать вокруг и выяснить, куда именно. Бессмысленно торчать здесь целый день. Он осторожно двинулся вперед и направился к повозке.

Дойдя до нее, осмотрелся. Никого. Он приподнял покров и заглянул внутрь.

Повозка оказалась почти пуста. Лишь три амфоры с вином и какая-то мешковина. Он пошарил еще, пока не наткнулся на что-то твердое. Потянул – тяжелое! Юлий ухмыльнулся и взялся другой рукой. И вытащил единственный мешок с монетами.

Тот был невелик. Он мог удержать его в ладонях, но даже это представлялось удачей. Об остальных можно не беспокоиться, одного такого мешка ему хватит. Пора смываться.

Крик позади. Он обернулся: солдат уже почти настиг его. Машинально бросив мешок, Юлий пригнул голову, вильнул вокруг повозки и припустил наутек. Тут же раздался и другой голос. И, как почудилось Юлию, третий – центуриона:

– Взять его!

Вперед, в проулок! Налево! Теперь направо! Секундой позже он уже был на большой магистрали. Перебежав, огляделся в поисках очередного проулка, нашел, нырнул.

Они знали, что он видел золото, стал свидетелем. Им придется убить его. Он лихорадочно соображал на бегу: куда податься? Где скрыться от них? Голоса доносились будто со всех сторон. И тут мелькнула спасительная мысль. Он помчался вперед, задыхаясь и слыша за спиной близкий топот.

Мартина маялась у моста. Вокруг не было ни души, и только чистые воды широкой реки безмолвно струились, сверкая на солнце. С моста она видела скользивших под поверхностью рыбин, серебристых и бурых.

Вот и все общество. Она была одна.

Мартина рассвирепела, как только может разгневаться молодая женщина, настроившаяся на поцелуи и преданная забвению. Она прождала час. До нее вновь и вновь долетал неистовый рев, оглашавший гладиаторский поединок. Ей не нравились убийства, но дело было в другом. Он прислал ей письмо и обещал подарок. Она пошла на великий риск и вот, униженная и раздосадованная, томила здесь дура душой. Она подождала еще немного, затем пожалала плечами. Возможно, юный Юлий попал в какую-то беду. Возможно.

«Прощу, если ногу сломал, – сказала она себе, – но не меньше». Если он вообразил, будто вправе ее игнорировать, то еще наплачется.

Она, таким образом, пребывала в чувствительном расположении духа, когда, к своему удивлению, увидела, как из тени боковой улицы вышла и направилась к ней знакомая фигура.

Секст не был бы Секстом, если бы не пошел к Мартине, узрев ее в одиночестве. Она же при виде мужчины, которого избегала ради Юлия, сочла возможным приветствовать его поцелуем. Если Юлий где-то поблизости, то пусть полюбуется. Для надежности она поцеловала Секста еще раз.

Секст немного удивился столь неожиданно теплomu приему у девушки, которой он домогался. Тщеславие сказало ему, что иначе и быть не могло; опыт велел не спрашивать о причине. Он любезно улыбнулся.

Мартина пришла с моста – не видела ли там, часом, Юлия? Она с кривой улыбкой ответила, что нет. Юлий наверняка находился в каком-то другом месте.

– Вероятно, он на играх, – предположила она. – Пойдем проверим?

И взяла его под руку.

Сексту была приятна эта прогулка. С Юлием у него было дельце, которое предстояло уладить, но он не хотел упускать непредвиденную возможность. Когда показался амфитеатр, Секст уже условился явиться к ней ночью.

«Буду на небесах, – думал он, – если не посадят в тюрьму».

– Не надо, чтобы нас видели входящими в амфитеатр вместе, – придумал он предлог удалиться, когда они подошли близко. – Простимся до вечера.

И Секст исчез, намереваясь дожидаться приятеля. В кулаке он сжимал рукоять ножа.

Вечер выдался теплый, в огромном опустевшем амфитеатре стояла пыль, приятно отдававшая потом. Толпа осталась довольна. Публика наелась и упиалась на протяженных изогнутых ярусах; она повидала львов, быков, жирафа и всяческих тварей. Полюбовалась, как медведь задрал человека, а также на гибель двух гладиаторов. Лондиниум мог быть удален от Рима, но в такие мгновения, под сомкнутыми арками каменного театра, при виде различных тварей Европы и Африки вкупе с гладиаторскими боями, имперская столица древнего, залитого солнцем мира казалась столь близкой, что можно было докричаться.

Юлий шел в толпе. Она, пожалуй, спасла ему жизнь. Ярдов на сто оторвавшись от погони, он вылетел из переулка, пересек мощеную улицу и нырнул в амфитеатр. Дальше помчался по огромному кружному проходу в стенах, перепрыгивая через две ступеньки, и после юркнул в узкую дверь, выходящую на верхние ярусы. Сражались два гладиатора. Люди повскакивали с мест, чтобы лучше видеть убийство. Юлий сумел втиснуться, не обратив на себя внимания.

Там он пробыл весь день. Не раз он оглядывал публику, наполовину ожидая увидеть разыскивающих его легионеров. Он не отваживался выйти – вдруг они ждали внизу, – но

теперь, когда выбрался с толпой, не обнаружил ни малейшего их признака. Хорошо бы они его толком не рассмотрели.

Он усмехнулся про себя: может, и выкрутился!

Но как быть дальше? Вот-вот начнется пирушка с соседями. Родители небось целый день гадали, куда он делся, и ждали его. И да, родные стены манили Юлия после недавних тревожений.

Проблема была в мешке с фальшивыми монетами. Мать знала о нем. Им рано или поздно нужно будет поговорить – и с отцом, разумеется. Юлий боялся этого, но взял себя в руки.

– Матери все равно придется открыть, куда она его дела, – пробормотал он. – И Секст от меня отвяжется.

Юлий вздохнул. Секст дал ему время до захода солнца, а оно уже садилось. «Придется уломать его дожидаться утра, вот и все, – решил Юлий. – А до того нужно пошевеливаться. К тому же, – сказал он себе с усмешкой, – пускай сначала найдет меня».

Он позволил толпе нести себя – она втекала в верхний проезд и большей частью направлялась к восточному холму. Постепенно его мысли вернулись к Мартине. Не здесь ли она где-нибудь? Сумеет ли он оправдаться? Наверное. Терять надежду совершенно незачем.

Затем он снова, в который раз за этот долгий день, подумал о золоте.

Мешок уже был у него в руках! Невыносимо было знать, что даже теперь тот находится близко, покоится в каком-нибудь подвале, в считанных ярдах от места, где Юлий видел повозку. Остались ли легионеры его караулить? Конечно нет. Если они украли золото, то постараются какое-то время держаться от него подальше.

Но тут он подумал о другом. Возможно, золото не оставят, где было, а через пару дней вернутся и начнут развозить. Зачем хранить его в одном месте? Того и гляди найдут. По крайней мере, существовала возможность, что золото не залежится там. Если он хочет пожить, то лучше не откладывать. И Юлий негромко рассмеялся: домой он всяко не попадал.

Юноша перешел на боковую улицу и прокрался туда, где видел повозку. Там оказалось малолюдно, и никаких солдат. Он внимательно изучил окрестности. Нашлось полдюжины мест, где можно было спрятать деньги. Придется вламываться. Скоро стемнеет. Ему понадобится масляный светильник. Юлий осторожно двинулся дальше.

Он не заметил, что за ним следили.

Мать Юлия встревожилась лишь с наступлением сумерек. Соседи всюду угощались. Толстуха только что уплела третьего цыпленка. Руф, чье круглое живое лицо успело приобрести малиновый оттенок, смешил друзей очередной историей. Но где же мальчишка?

– Увивается за какой-нибудь особой, – сказал ей с ухмылкой Руф, когда сын не объявился к началу пирушки. – Да не волнуйся ты за него!

Однако она еще не поведала мужу о монетах. И какое отношение имел к ним Секст? Ей не нравился этот тип с насупленными бровями.

Зажглись звезды, Мартина ждала. Она едва понимала свои чувства. Гнев на Юлия успел улетучиться. Возможно, с ним что-то случилось – не слишком ли скоро она его обвинила?

А теперь придет Секст.

Какая-то часть ее пребывала в волнении. Он, в конце концов, мужчина. А мысль о мужчине теплой летней ночью порождала в ней трепет предвосхищения. Но так ли ей нужен Секст, с его бачками и глубоко посаженными глазками? Пожалуй, не слишком.

– Я хотела юного бойца, – призналась она вслух.

Но ожидался Секст, и Мартина не сомневалась, что от него будет не так-то легко отделаться, если придет. Она вздохнула. В этот миг молодая женщина и сама не знала, чего хочет.

Был отлив. Под яркими звездами по реке скользила небольшая лодка. Воздух оставался теплым даже возле воды. Суденышко неприметно плыло по большой петле, тянувшейся ниже Лондиниума, и воды бесшумно катились к восточному морю.

На дне лодки неподвижно лежал человек, обратив лицо к ночному небу. Ножевую рану, от которой он испустил дух, нанесли так умело, что крови почти не было. Теперь тело весило столько, что должно было затонуть и упокоиться на дне.

Но все же утопить труп не так-то просто. Река располагала скрытыми воронками и течениями, своей собственной тайной волей, и тело, даже нагруженное, затонув в одном месте, могло непостижимым образом очутиться в другом, где будет легко найдено. Поэтому без знания секретов реки никак не обойтись.

Однако мореход был с ней отлично знаком.

Сначала, когда его жена и Секст обменялись поцелуями, он удивился. Он знал Секста в лицо, помнил его имя. Письмо же было подписано другой буквой. Но после он понял свою ошибку – то было криво нацарапанное «S», а не «J».⁹

Он убил Секста, когда плотник преследовал своего приятеля Юлия в стущавшихся сумерках.

Теперь оставалось решить, что делать с Мартиной. Его первым побуждением было наказать жену так, чтобы запомнила на всю жизнь. На родине его матери ее забили бы камнями. Но он мудрее. В конце концов, найти ей замену могло оказаться не так уж легко. Любовнику он отомстил. С ней он будет любезен и поглядит, что дальше.

Осенью 251 года вскрылась кража большого количества золотых и серебряных монет.

Центурион, которому поручили возглавить следствие под началом одного из виднейших советников губернатора, не преуспел в этом деле.

Вскоре его вместе с несколькими отрядами из лондиниумского гарнизона спешно перебросили в Уэльс, на перестройку большой крепости в городе Карлеоне. Время их возвращения не оговорили.

Однако у Юлия дела шли неплохо. Мать не заговаривала о мешке, а загадочное исчезновение друга Секста поставило в истории точку.

Его совместная с мореходом деятельность процветала. Мало того, мореход, довольный расправой над любовником жены, совершенно не подозревал о связи Мартины с Юлием, которая началась следующей весной. Когда же годом позднее купец сгинул в морях, молодой человек женился на вдове и завладел его делом.

После рождения у них второго сына Юлий, к великому восторгу своего отца, стал полноправным членом храма Митры.

Тогда же в Риме вновь воцарились сильные правители, а потому на какое-то время казалось, что жизнь в Лондиниуме и всей империи возвращается в нормальное русло.

Но кое-что продолжало терзать Юлия. Со дня состязаний он снова и снова приходил в знакомое место, искал везде, денно и нощно. Когда центуриона вдруг отослали, Юлий не сомневался, что тот не мог увезти с собой тяжеловесные сокровища. А потому невдалеке от участка, где он в последний раз видел повозку с ослом, по-прежнему хранился груз монет, ценность которого было даже трудно исчислить. Шли месяцы, годы, а он все искал. Долгими летними вечерами стоял он на пристани или валах великой стены Лондиниума, следя за садившимся солнцем и недоумевая.

Где же, во имя всех богов, золото?

⁹ Sextus и Julius соответственно.

Распятие

604 год

Женщина смотрела на море. Длинные волосы ниспадали на охотничье платье, колеблемое ветром. Ясное осеннее солнце еще пребывало на востоке.

Это последний миг ее свободы. Здесь, в диком уголке, она укрывалась три дня, но теперь была обязана вернуться. И принять решение. Какой ответ дать мужу?

Пришел халигмонат – священный месяц, как называли в языческих северных странах римский сентябрь.

Место, где она стояла, находилось на огромном изрезанном побережье за эстуарием Темзы, где Англия примерно на семьдесят миль вдается в воды холодного Северного моря. Впереди простиралась бескрайняя серая морская гладь. Позади – топи и вересковые пустоши; леса и поля, уходившие к горизонту. А справа – пустынные, протяженные отмели, тянувшиеся к югу на пятьдесят миль до того, как изогнуться и явить широкий вход в Темзу.

Ее звали Эльфгива, что означало на англосаксонском языке «дар фей». Богато вышитое платье выдавало в ней женщину знатную. К тридцати семи у нее народилось четверо сыновей. Она была белокура, с красивым лицом и ясными голубыми глазами. В золотистые волосы вплелись серебряные пряди, но она знала, что сохранила привлекательность. Еще и родить могла. Даже дочь, о которой давно мечтала. Но что в этом толку, если останется неразрешенным это ужасное дело?

Хотя двое слуг, ожидавших с лошадьми, не видели ее лица, искаженного страданием, им были ясны ее чувства. Они жалели ее. Все домочадцы знали о внезапном разладе между господином и госпожой после четверти века счастливого брака.

– Она отважна, – прошептал один грум другому. – Но выстоит ли?

– Только не против господина, – ответил тот. – Он всегда добивается своего.

– Твоя правда, – согласился первый. И восхищенно добавил: – Однако она горда.

Чрезмерная гордость была диковинной для женщины, принадлежавшей к англосаксам.

За последние два столетия на северном острове произошли глубокие перемены. Римская империя пала в результате очередного вторжения, отголоски которого достигли и Англии. После крушения империи Британия перестала быть ее провинцией.

Врата Римской империи часто атаковали варвары, но Рим либо давал им отпор, либо поглощал как наемников и поселенцев-иммигрантов. Однако в 260 году, когда разросшаяся империя распалась на части, обуздывать набеги стало труднее. И вот, году примерно в четырехсотом, многие племена Восточной Европы, подгоняемые ужасными азиатскими гуннами, несметными полчищами потянулись на запад. Процесс развивался постепенно. Тем не менее готы, бургунды, франки, саксы, славянские племена и многие прочие, селившиеся вблизи уже осевших народов, обозначили свои племенные территории, после чего бывшие устои и цивилизация Западной Европы пришли в окончательный упадок.

Вскоре по наступлении 400 года от Рождества Христова теснимый римский император вывел из Британии гарнизон, направив островным провинциалам лишь хладное послание: «Защищайтесь сами».

Те поначалу справлялись. Да, случались нападения германских пиратов, но города и порты острова были укреплены. А спустя несколько десятилетий там начали прибегать к услугам германских наемников. Однако со временем, когда торговые связи с материком прервались, положение изменилось. Выросли местные вожаки. Наемники осели и разослали своим

заморским сородичам письма, в которых указывали на слабость и разобщенность островной провинции.

То были северные германцы – племена из прибрежных районов нынешних Германии и Дании – англ, саксы и прочие, включая, по всей вероятности, родственное племя, известное как юты. В большинстве эти люди были белокурыми и голубоглазыми.

Они буквально наводнили Англию, растекаясь с востока на запад. Иногда им оказывали сопротивление. Году приблизительно в пятисотом от них защитил западную часть страны один римско-бриттский полководец. Имя его было открыто позднее летописцами и положило начало легенде о короле Артуре.

Но, несмотря на эти доблестные попытки сохранить старый римско-бриттский мир, иммигранты превратились в хозяев этой земли через полтора века после своего появления. Овладеть Уэльсом, находившимся далеко на западе, и Шотландией, располагавшейся на севере, им не удалось. Древние кельтское и латинское наречия преимущественно вымерли, за исключением некоторых имен собственных, в частности рек: из Тамесис, к примеру, образовалась Темза. Из колонии развилось несколько славных королевств: англ основали Нортумбрию и Центральную Мерсию; на юге раскинулись саксонские королевства – Уэссекс на западе, Сассекс в центре и Кент на бывшем полуострове кантиев. Огромный низинный восточный участок земли от Кента и дальше, через эстуарий, разделили надвое: в северной половине обитали англ Восточной Англии, а на юге правил восточносаксонский король Эссекский.

Эльфива возвращалась к мужу как раз из Восточной Англии.

Там она провела детство и отправлялась туда ежегодно к могиле отца. На этот раз Эльфива особенно надеялась, что посещение придаст ей сил – так в некотором роде и случилось. Она была счастлива бродить по открытому побережью, где широкие отмели нарушались лишь вытянутыми и сглаженными песчаными дюнами, пока их не накрывали мелкие волны. До чего отраден соленый ветер с моря, порывистый и бодрящий! Гуляла молва, что благодаря ему жители Восточной Англии жили дольше прочих.

Чуть глубже по суше раскинулся погост – ряды могильных холмов в несколько футов высотой среди зарослей дрока и небольших деревьев, верхушки которых стараниями ветров давно стали плоскими. Она провела здесь не один час. Самый крупный холм был отцовской могилой.

Как же она любила отца, восхищалась им! Он пересек все северные моря и взял себе невесту из шведок. Отец был настолько отважным мореплавателем, что дочь похоронила его в лодке при всех регалиях. Ей до сих пор слышался его грудной голос. Покоясь здесь и распустив свою длинную бороду, видел ли он сны о небесных морях? Возможно. Присматривали за ним боги Севера? Она не сомневалась в этом. Разве он не хранил их в крови? Днем Тива, бога войны, был вторник, по римскому календарю отводившийся Марсу; Воден, или Вотан, как звали его германцы, считался величайшим из богов, и день его был срединный, среда; Тунор-громовержец правил четвергом; Фригг, богиня любви, – пятницей, придя на смену римской Венере.

«Мой прапрадед был младшим братом в королевском роду, – напоминал ей отец, – а значит, мы приходим от самого Водена». О своем происхождении от Водена заявляли чуть не все королевские фамилии Англии. Неудивительно, что отец был могуч, черпая силу, казалось, прямо с небес и из моря.

Разве не перешло от нее это наследие к четверым сыновьям, еще когда те покоились в колыбели? Неужто не учила она их тому, что они суть дети моря и ветра, равно как и самих богов? И чем ответил бы отец на постыдное требование ее мужа? Стоя возле могилы, она отлично знала, что бы тот сказал. Именно поэтому поездка хоть и придала ей сил, но не принесла успокоения.

Муж пожелал обратить ее в христианство.

В круге селян у реки стояли бок о бок мужчина и его молодая жена. Оба пребывали в ужасе.

Подобно остальным, чета была одета в простые рубахи и чулки, перетянутые бечевкой. Однако сейчас две женщины уже стягивали чулки с девушки, а затем они собирались снять рубаху.

И злодеяние, и суд, какой уж был, свершились накануне; исполнили бы тотчас и приговор, да деревенский старейшина решил подождать, пока не изловят змею. Теперь имелась и змея.

Дровосек осторожно держал гадюку чуть ниже головы, иногда поднося к костерку, чтобы раздражить.

Перед девушкой разложили большой мешок, уже нагруженный камнями. Едва раздев, ее принудят забраться внутрь. Затем швырнут туда же гадюку, затянут верх и полюбуются на конвульсии мешка, когда змея ужалит. После по слову старейшины кинут мешок в воду – пускай утонет.

Такое наказание полагалось женщинам за колдовство.

Вина была несомненна: их поймали с поличным. Никто за них не вступился. Понятно, что малый вопил, будто женка ни при чем, но на него можно было не обращать внимания. Перед деянием он вышел из хижины, жена же осталась там. А посему, на взгляд деревни, виновна.

«Она и подбила его», – судили одни. «Не остановила», – рядили другие. Разницы не было. Древние англосаксонские законы, именовавшиеся правдами,¹⁰ отличались суровостью и беспощадностью.

– В мешок ее! – кричал народ.

Молодому человеку, имя которого Оффа, сочувствовали больше, несмотря на окончательный приговор. Никто не мог отрицать, что он выказал силу духа. Факты были просты. Сельский старейшина, человек видный и хитрый, воспылил страстью к юной жене Оффы. Он попытался соблазнить ее и чуть не изнасиловал, но был остановлен ее воплями. На том и конец. Он не причинил ей никакого вреда. Но Оффа с женой любили друг дружку. Оффа не примирился с покушением. В деревне поговаривали, будто он малость спятил.

Если бы он просто отметелил старейшину, вышло бы не так скверно. В подобных случаях можно и откупиться. Отрубишь кисть – лишишься кисти; всю руку – значит, руки. Хоть это означало кровную вражду, семье нередко удавалось заплатить даже в случае смерти. Но Оффа совершил иной проступок. Он, несомненно подстрекаемый женой, днем раньше покинул хижину и воткнул в старейшину булавку. Это была совсем другая статья: колдовство.

Колдуны обычно кололи фигурки, изображавшие жертв, но существовал и иной способ – вонзить булавку непосредственно в обидчика, как и по сей день повествуется в сказке о Спящей красавице, а после просить, чтобы жертва не заснула, но истекала гноем, пока не помрет. В этом-то ужасном злодеянии и обвинили Оффу. Будучи лицом незначительным, парень оказался обречен.

Он был энергичным мужчиной двадцати лет – жилистый, ниже ростом, чем большинство саксонских крестьян-крепышей; с каштановыми волосами против их белокурых, однако с такими же голубыми глазами. Некоторая живость мышления и нрава также выдавала в нем скорее кельтскую, нежели саксонскую кровь. У него были две особые приметы: прядка белых волос точнехонько надо лбом и забавные перепонки меж пальцев обеих рук. Хоть звали его Оффа, селяне даровали ему прозвище Утка.

Прошло полтора века с тех пор, как его предки покинули некогда римский город Лондиниум. Будучи первоначально мелкими купцами, к моменту исхода легионов они служили

¹⁰ Соответствующий свод законов известен как «Правда короля Этельберта».

в народной милиции и с горечью наблюдали упадок города. Они еще оставались там, когда в году четыреста пятьдесят седьмом туда хлынули тысячи жителей Кента, спасавшиеся от орд саксонских грабителей. На сей раз всех защитили могучие стены, укрепленные дополнительными бастionsами, а также еще одним валом вдоль побережья, высоким и прочным. Но то был последний час городской славы – начало конца, наступившего очень скоро. Фермерам, заполонившим землю, города были ни к чему. Старый метрополис, лишенный былого значения, пришел в упадок и опустел. Поколением позже семейство Оффы разорилось; следующее устремилось прочь. Дед Оффы промышлял тем, что сделался угольщиком в лесах Эссекса. Отец, веселый малый и бесподобный певец, был принят в это мелкое саксонское селение, где ему позволили жениться на местной девушке. Деревенские и стали сородичами Оффы, других у него не было.

Деревушка была маленькая – буквально поляна, однако возле ручья. Одно из многих потоков, что неприглядно вились по лесам и болотам к низовьям Темзы. Стояло несколько сирых хижин, крытых соломой; имелся длинный деревянный амбар; два поля: одно готовое к жатве, другое под паром. А еще – луг и участок открытой травы, где праздно паслись четыре коровы и лохматая лошаденка. У берега виднелась лодка, выкрашенная черным. Вокруг уныло высились дубы, ясени и буки. В лесной траве-мураве рылись свиньи, охочие до орехов и желудей.

Дорога от Лондиниума к восточному побережью, некогда построенная римлянами, проходила лишь в миле отсюда, но ныне она полностью заросла. Однако селение не было полностью отрезано от людей, ибо оставались извилистые лесные тропы, а через ручей жители перекинули небольшой деревянный мост – для удобства случайных путников.

Юный Оффа был из числа беднейших селян. Он не располагал полноценным крестьянским наделом. Ухаживая за невестой, предупредил ту, что владеет сущими грошами – четвертью оного. Пропитания ради он батрачил на других. Но все же был свободным человеком. Саксонский крестьянин, житель деревни. Однако вот же – его жену утопят, а ему уготовили кару похуже смерти.

– Пусть носит волчью голову, – возгласил старейшина.

Ему суждено уподобиться волкам и жить в лесу – без товарищей, в одиночку. Изгоем. Это было страшное наказание, припасенное для вольного лица. Изгой не имел никаких прав. Старейшина, пожелай он того, мог убить его без всяких помех. Его не приютит ни единая душа окрест. Ему предстояло бродить где попало и выжить или подохнуть – на его усмотрение. Такой была англосаксонская правда.

Риколла, его жена, осталась обнаженной. Она взглянула на него. Бодрое, округлое лицо Оффы было белее мела. Он знал, что жена любит его, но в глазах ее читалось одно: это твоих рук дело – я умру, а ты останешься жить.

Мужчины глазели на нее. Им было не удержаться. В конце концов, она обладала прекрасным юным телом. Розовая и белая плоть, небольшой детский жирок, мягкие юные груди. Двое мужчин растянули мешок. Третий, державший наготове гадюку, ухмылялся.

– Воден, – пролепетал молодой человек, – спаси нас!

И в отчаянии огляделся.

Нет, их жизни не могут оборваться вот так запросто.

Эльфгива и ее свита медленно продолжали путь. Они были в пути уже день, а она все еще пребывала в смятении. Дело было не только в отказе от веры, хотя для нее и не существовало ничего дороже. Имелось кое-что иное: дурное предчувствие. И чем ближе она подъезжала к дому, тем сильнее оно становилось. Что это значило? Не было ли оно посланием от богов?

Тучи ввергали ее в глубокое уныние. Они обогнали процессию и теперь закрывали солнце. Путники проезжали по дикой местности: подлесок, выжженная трава, бурый папорот-

ник-орляк. Эльфгива погрузилась в задумчивость. Она вспомнила отцовские слова, произнесенные много лет назад. «Когда странник собирается в путь, он готовит корабль, намечает маршрут и ставит парус. Что еще ему делать? Но он не знает исхода – ни бурь, с которыми встретится, ни земель, которые откроет, ни того, вернется он или нет. Это судьба, и должно ее принять. Никогда не надейся убежать от судьбы».

Англосаксы называли ее словом «вирд». Вирд был незрим, но правил всем. Ему подчинялись даже божества. Они были актерами, вирд – сказителем. Когда громы Тунора гремели в небе и отдавались в горах, за небесами пребывал вирд, содержащий это эхо. Он не был ни плох, ни хорош – непостижим. Он постоянно ощущался в земле, беспокойном море, ноздреватом небе. Вирд известен любому англосаксу и норманну; он правил жизнью и смертью, сообщая их песням и виршам неизбежный фатализм.

Одной судьбе ведомо, чему назначено быть и когда Эльфгива увидится с мужем.

– Увижу его и решу, что сказать, – пробормотала она вслух.

Этой ночью женщина решила обратиться с молитвами к Водену и Фригг.

Двигаясь лесом, процессия дошла до глубокого ручья. Эльфгива поняла с досадой, что, если пуститься вброд, они промокнут насквозь, и несколько минут искала переправы получше. Именно тогда, близ небольшого моста, она разглядела странное сборище и направила коня легким галопом.

Мгновением позже потрясенный Оффа обнаружил, что взирает на красивую даму, которая волей богов явилась из леса верхом на изящном скакуне.

– Что она натворила?

Дама с любопытством смотрела на обнаженную девушку. Старейшина поспешил объяснить. Эльфгива окинула взором толпу и вздрогнула при виде змеи и мешка. Затем осторожно вновь глянула на юную чету. Она совершенно случайно наткнулась на эту лесную деревню. Каков был промысел, приведший ее сюда? Возможно, ей предстояло выступить спасительницей. При взгляде на пару ее личные тревожения показались не столь ужасными. Она испытала даже некоторую зависть. Они были молоды. Юнец, похоже, любил девицу чуть ли не до безумства.

– Что вы хотите за них?

– Госпожа?

– Я покупаю их. Как рабов. Я заберу их с собой.

Старейшина замаялся. Действительно, человека могли обратить в рабство за некоторые преступления, но в данном случае он не знал, какая *правда* окажется подобающей.

Эльфгива вынула монету из поясного кошелька. У саксов не было своих денег, но они пользовались теми, что доставляли через Английский канал торговцы. Монета сверкнула золотом. Вся деревня усталилась на нее. Мало кто видел такое прежде, однако старейшина и еще несколько человек смекнули, насколько она ценна.

– Вам оба надобны? – осведомился старейшина. Он предпочел бы увидеть голую девку в мешке со змеей.

– Да.

Старейшина миглом понял, какого решения ждут селяне, а потому подал женщине знак отпустить девушку, которая спешно принялась одеваться.

– Обрежьте им волосы, – велела Эльфгива слуге.

Так метили всех рабов, но Оффа с женой оказались настолько потрясены случившимся, что кротко подчинились. Когда дело было сделано, Эльфгива вручила старейшине монету и повернулась к молодой чете.

– Отныне вы принадлежите мне. Следуйте за мной, – приказала она и направила коня через мостик.

Какое-то время они двигались в молчании. Оффа отметил, что всадники держат путь почти напрямик на запад.

– Госпожа, – почтительно обратился он, – куда мы идем?

Эльфгива лишь коротко мотнула головой.

– Вряд ли вы слышали об этом месте. Всего лишь мелкий торговый пост, далеко отсюда, – улыбнулась она, – называется Лунденвик. – И она снова отвернулась.

Как бы ни рассудила судьба окончательно, не приходилось сомневаться, что тем утром участь Эльфгивы была в железных руках могущественного лица, которое, неведомо для нее, в тот самый момент ехало в точности параллельно ее маршруту всего в двадцати милях южнее.

Все знавшие ее мужа сошлись бы в следующем: она отважна, но ей далеко до мужа. Два события – одно произошло накануне, другое Сердик наметил на следующее утро – укрепили бы их во мнении: «Ничего у нее не выйдет».

Сердик неуклонно продвигался вперед. Пусть по прямой он находился всего в каких-нибудь двадцати милях, он с тем же успехом мог пребывать за тридевять земель. Путь его лежал по другой стороне эстуария Темзы вдоль великих меловых хребтов королевства Кент.

Два края эстуария несказанно разнились. Если огромные пределы Восточной Англии представляли собой равнину, то более узкий полуостров Кент разделялся массивными гребнями, что уходили на восток до места, где они резко обрывались и нависали над морем высокими белыми скалами. Между грядami простирались обширные долины и населенные области: восточнее – холмистые, открытые поля; на западе – леса и кустарник, поля поменьше и фруктовые сады.

Если Эльфгива была уроженкой дикого, вольного побережья, то Сердик происходил из чинного Кента. И в том заключалась разница.

Семья его обосновалась в Кенте во времена первых поселений саксов и ютов. Западные владения оставались им родным домом, но Сердик в молодости обзавелся и вторым на реке Темзе при маленькой фактории под названием Лунденвик. Оттуда он вел речную торговлю, оттуда же с вьючными лошадьми объезжал все области острова. Благодаря купеческому промыслу он по-настоящему разбогател.

Человек он был крупный, широколицый; сакс до мозга костей – светловолосый, голубоглазый, не без норова. При густой бороде шевелюра у него редела, а кожа была такая, что гнев его не мог остаться незамеченным – он мог побагроветь вплоть до апоплексического удара. Одновременно его широкое германское лицо с высокими скулами выдавало рассчитанную, даже холодную силу и властность. «Силен как бык, но крепок как дуб», – говаривали о нем. Опять же по общему мнению, его век обещал быть долгим, как и отцовский. «Слишком сметливые, чтоб помереть в спешке, такая кровь».

Особенно сохранились в Сердике еще две черты, неизменно яркие в его предках. В первых, дав слово, он никогда его не нарушал. А это качество для торговца бесценно.

Вторая же, хотя и бывала причиной тайных насмешек со стороны его друзей, внушала чаще благоговение и даже страх. Любой вопрос решался Сердиком или так, или этак, третьего не дано. О чем бы ни заходила речь – об образе действий, характере человека, вине и невиновности, – ответов было лишь два: правильный и неправильный, без всяких полутонов. Если он останавливался на чем-то, то разум его, весьма развитый, захлопывался на манер железного капкана. «Сердик знает только черное и белое, о сером не ведает», – говаривали в его окружении.

Все это не сулило его жене ничего доброго. В настоящий момент Сердик возвращался от двора своего бессменного господина, славного короля Этельберта Кентского, пребывавшего в городе Кентерберии.

Где жили христиане.

Во времена, когда Юлий, предок юного Оффы, подделывал монеты в римском Лондиниуме, христианство являлось неофициальным культом, адептов которого иногда подвергали гонениям. В веке же следующем, благодаря обращению императора Константина, оно стало государственной религией, а Рим – христианской столицей. В Британской провинции, как и везде, возвели церкви, зачастую – на местах языческих храмов. Британская церковь пользовалась известным влиянием. Даже спустя десятилетия после ухода с острова римлян местные епископы продолжали посещать удаленные церковные соборы. «Впрочем, мы оплатили им дорожные расходы, – докладывали итальянские священнослужители, – ибо они несказанно бедны».

А затем пришли англосаксы, закоренелые язычники. Британские христиане сопротивлялись, затем оказались отрезаны от Рима, а потом и вовсе притихли. С тех пор прошло больше века.

Не все оказалось потеряно. Миссионеры прибывали. Из Ирландии, недавно обращенной святым Патриком, явились кельтские монахи – пылкие духом, искусные в ремеслах. На севере острова, недалеко от границы со скоттами, возникли монастыри. Тем не менее большая часть Англии оставалась верной древним северным богам. До недавних пор.

Ибо в 597 году от Рождества Господа нашего папа отрядил монаха Августина обращать англосаксов в истинную веру. Миссия привела его напрямик в Кентерберри, на юго-восточный полуостров Кент.

Место было, безусловно, удобное. Кентерберри, расположенный на малом холме в составе возвышенности посреди полуострова, еще с римских времен выступал узлом, соединявшим кентские порты, отделенные от Европейского материка лишь двадцатью милями пролива, – тот же Дувр. Для прибывавших из Европы Кентерберри был местом первостепенного значения. Но много важнее географии было то обстоятельство, что славный король Этельберт Кентский, имевший там главную резиденцию, сочетался браком с франкской принцессой, подданные которой уже получили крещение. Именно присутствие сей христианской королевы привлекло Церковь в Кентерберри и обеспечило ей возможность существовать и расти. В ту эпоху для обращения бытовало простое правило: «Наставь короля. Остальное приложится».

– Тебе же, мой добрый Сердик, мы знаем, можно доверять безгранично.

Лишь только вчера седобородый король Этельберт возложил ему длань на плечо, королева Берта одобрительно улыбнулась. Конечно, они могли на него положиться. Разве не были его предки верными соратниками первых кентских королей? Не обменялись ли король Этельберт и его отец кольцами – сокровеннейшим залогом между властителем и его подданными?

– Мы всегда и бесконечно рады тебе при нашем дворе в Кентерберри, – произнесла королева.

Согласно древним традициям, двор кентского короля представлял собой местечко без излишеств. Место, где при римской власти располагались скромный форум, храм, бани и прочие каменные строения, теперь было обнесено высоким частоколом, за которым по центру выросло длинное здание, смахивавшее на сарай, с бревенчатыми стенами и высокой соломенной крышей. То было жилище короля Этельберта. Неподалеку, за оградой, виднелась намного более примечательная постройка. Хотя она тоже напоминала сарай и была меньше королевской резиденции, но ее возвели из камня.

Кентерберрийский собор строился под личным контролем монаха Августина. Возможно, это было единственное каменное здание в сегодняшней англосаксонской Британии. Несмотря на чрезмерную простоту, оно знаменовало собой поворотную точку в истории острова.

– И ныне, когда оплотом для нас стал Кентерберри, – горячо произнесла королева, – мы можем всерьез приступить к миссионерской деятельности. – Она улыбнулась мужу.

– Смотри, – пояснил король, – положение делает тебя особенно полезным.

Теперь Сердик постиг амбициозность плана, охватывавшего прочую часть острова. Миссионеры намеревались освоить восточное побережье в северном направлении. Однако первой задачей было обезопасить оба берега эстуария Темзы, что предполагало обращение в христианскую веру эссекского короля.

– Он мой племянник, – растолковал король Этельберт, – и выразил согласие креститься из уважения ко мне. Но, – помрачнел он, – у него есть приближенные, с которыми будет труднее. – Король вперил в Сердика жесткий взгляд. – Ты верный сын Кента и торгуешь из Лунденвика, который находится на северном берегу и относится к королевству моего племянника. Я хочу, чтобы ты оказал миссионерам всю посильную помощь.

– Непременно, – кивнул Сердик.

– Там будет новый епископ. И новый собор, – с энтузиазмом подхватила королева Берта. – Мы порекомендуем тебя епископу.

Сердик склонился. Затем, подумав о многочисленных резиденциях эссекского монарха, осведомился:

– Но где же хочет построить церковь этот епископ?

Король лишь рассмеялся:

– Я вижу, ты так и не понял, мой дорогой друг. – Он улыбался, но глаза оставались серьезными. – Собор возведут в Лунденвике.

В тот день Сердик достиг места назначения лишь далеко за полдень. Покинув Кентерберри, он отправился старой римской дорогой – теперь сплошь заросшим бурьяном трактом. Она проходила вдоль северного края полуострова, пока не достигала устья реки Медузэ, где находилось скромное саксонское поселение, известное как Рочестер. Здесь Сердик, вместо того чтобы продолжить путь по римской дороге до бывшего города Лондиниума, свернул вглубь, поднялся на крутой гребень, тянувшийся через северную часть полуострова, и, немного проехав, очутился на южном краю возвышенности. Там он улыбнулся, ибо добрался до дому.

Имение, служившее домом семье Сердика на протяжении последних полутора столетий, располагалось сразу под гребнем великого хребта. Оно состояло из деревушки и находившегося поодаль жилого строения, крытого соломой, возле которого вокруг двора стояли деревянные вспомогательные постройки. От этих построек нисходил в долину протяженный склон, живописно поросший лесом. Это место называлось Боктон.

Боктонское имение было обширно: поля, яблоневые сады и плодородные дубравы. Еще имелся заброшенный с римских времен карьер, где некогда добывали кентский крупнозернистый песчаник.

Но главной прелестью, неизменно вызывавшей на суровом лице Сердика улыбку сладчайшего довольства, была панорама: к югу от Боктона открывался вид на широкую долину с великолепным лесным массивом на двадцать миль поперек, известным как кентский Уилд. Эта панорама, одна из лучших в Южной Англии, открывалась из Боктона и нескольких других поместий, расположившихся вдоль протяженной гряды. И Сердик, заявив «вот я и дома», имел в виду не только собственно дом, но и сей грандиозный вид на Уилд, хранившийся в его сердце.

Однако нынче он здесь не ради вида. Утром ему предстояло нанести визит в другое имение, неподалеку. И о цели визита он не сообщил никому.

Скорость, с которой Оффа и Рикола оправились от перенесенного испытания, поистине удивляла. Подобно щенятам, свалившимся в пруд и живенько отряхнувшимся, молодая чета смирилась со своим положением и восстановила присутствие духа еще до того, как достигла нового дома.

– Мы не задержимся в рабах, – внушил жене Оффа. – Я что-нибудь придумаю.

И Риколла вполне поверила ему, хотя из них двоих была более практичной.

На следующий день после прибытия Оффу отправили на луг помогать собирать урожай.

– Будешь под началом у мужниного десятника; делай все, что он скажет, – объяснила Эльфгива, хотя Оффа считался ее личным рабом и должен был явиться по первому зову.

Риколлу отослали помогать женщинам.

Поначалу чета оказалась слишком занята, чтобы предаваться раздумьям. Но все же у Оффы было время понаблюдать, и он остался доволен увиденным. Спору нет, маленький торговый пост в Лунденвике – замечательное место.

Оно, конечно, не имело большого значения. Брод, находившийся неподалеку, был удобен для перехода через реку, но относился к ничейной земле между саксонскими королевствами Кент и Эссекс и в прочем смысле был ни к чему.

Когда саксы наконец основали здесь небольшое поселение во времена отца Сердика, они оставили без внимания величественные руины Лондиниума на соседних холмах-близнецах. Не привлекла их и заболоченная местность по течению выше, близ острова и брода. Они и впрямь выбрали место удобное, точнехонько между островом и бродом, где река поворачивала, а северный берег спускался к воде футов на двадцать. Здесь они выстроили единственный причал. Пристань эту теперь именовали Лунденвиком: «Лунден» – от старого кельтско-римского названия, а «вик» на англосаксонском означало «порт» или, в данном случае, факторию, торговый пост.

Над деревянным молот теснились постройки: амбар, загон для скота, две лавки и усадьба Сердика с его домочадцами, окруженная прочной плетеной изгородью. Все эти строения были одноэтажными и по большей части прямоугольными. Стены из кольев и досок высотой всего в четыре-пять футов снаружи были укреплены земляными насыпями, покрытыми дерном. Однако крутые соломенные крыши возносились чуть ли не на двадцать футов. В каждом здании имела прочная деревянная дверь. Пол обителю Сердика немного утопал, ступать приходилось по доскам, крытым тростником. Внутри было тепло и уютно, но довольно темно, так как при запертой двери свет проникал лишь через отдушины в крыше, сделанные для выхода дыма от каменного очага посреди комнаты. Все домочадцы трапезничали именно здесь. Возле усадьбы стояли маленькие хижины, в самой крохотной из которых поселили Оффу и Риколлу.

И сколь же прекрасно оказалось это местечко! Травянистый северный берег был достаточно высок, чтобы открылся достойный вид на великий изгиб реки вкупе с болотами на противоположном берегу. Справа, меньше чем в миле, проходил брод, тогда как слева, на том же расстоянии, среди деревьев угадывались внушительные римские руины на двух холмах. От них через реку тянулась к южному берегу гравийная коса. «Лучшее рыболовное место», – сообщил Оффе один из мужчин. От крепкого же римского моста, соединявшего некогда эти участки, осталось лишь несколько гнилых свай на южной стороне.

Оффа нашел Лунденвик невеликим, но вскорости открыл, что дела в нем кипели. «Хозяин проводит здесь времени больше, чем в Боктоне», – сказали ему. Из глубины острова прибывали лодки. По мере же того как Сердик наращивал свою деятельность, суда могли достигать самого эстуария, являясь из краев норманнов, фризов и германцев. На складах Оффа обнаружил посуду, тюки шерсти, красиво сработанные мечи и саксонские изделия из металла. Имелись в поместье и псарни. «Охотничьи собаки у нас нарасхват», – пояснил десятник. Однако еще занятнее оказалось строение, стоявшее чуть особняком. Как прочие склады, то была крепкая хижина с соломенной крышей, но длинная и узкая, а крыша почему-то низкая, так что едва хватало места выпрямиться. У каждой стены виднелись загончики будто бы для свиней или мелкой живности. К этим загонам крепились цепи.

– А цепи зачем? – осведомился Оффа.

Десятник покосился на него и негромко ответил:

– Для главного товара. На нем-то хозяин и богатеет.

И Оффа понял. Остров вновь, как было еще до римлян, прославился рабами. Ими торговали по всей Европе. Если на то пошло, то непосредственно перед отсылкой на остров монаха Августина сам папа при виде на римском рынке белокурых английских рабов изрек знаменитую фразу: «Не англЫ, но ангелы суть».

Рабов было много. Встречались проигравшие в усобицах между разными англосаксонскими королевствами; попадались преступники. Но бо́льшую часть ввергли в рабство не войны и даже не набеги жестоких работорговцев, но собственная нежеланность: их продавали сородичи, потому как в трудные времена бывало не прокормить.

– Фризы нагружаются ежегодно, – заметил десятник и добавил с ухмылкой: – Тебе свезло: тебя купила хозяйка, а не хозяин, иначе отправился бы уж следующим кораблем!

Сердик выдвинул Эльфгиве ультиматум на второй день после своего возвращения. Он сделал это с глазу на глаз. О разговоре не знали даже сыновья. Слова его были настолько же грубы, насколько просты.

– Если не подчинишься, возьму другую жену.

– Ко мне в придачу?

– Нет. Вместо тебя.

И Эльфгива уставилась на него, мучимая болью тупой и ужасной, ибо знала, что он не шутил.

Он был в своем праве. У англосаксов существовали немудреные законы насчет женщин. Эльфгива принадлежала мужу. За нее заплатили. Он мог по желанию прирасти и другими, а если бы она изменила ему, Сердик не только вышвырнул бы ее вон, но и получил бы компенсацию от обидчика – новую супругу. Однако вздумай он заменить ее, такое тоже разрешалось.

Нельзя сказать, чтобы решительно все саксонские женщины пребывали в угнетении. Эльфгива знала жен, которые полностью подчинили себе мужей. Но это не меняло дела: закон, прибегни к нему Сердик, был на его стороне.

– Тебе выбирать, – растолковал он. – Когда прибудет этот епископ, покрестись с сынами заодно. Если откажешься, я буду волен поступить как пожелаю. Все остается на твое усмотрение.

Сердик действовал правильно, в полном согласии с моралью. Для него вопрос не стоил выведенного яйца. Как верный подданный короля Этельберта, он перешел в христианство, приняв крещение в этом же году. И хотя Сердик сочувствовал жене, он считал прямой обязанностью Эльфгивы поступить так же по его просьбе. То обстоятельство, что они много лет прожили в любви, лишь усугубляло вероломство ее отказа. Чем больше он думал об этом, тем яснее ему становилось: существовало два пути: правильный и неправильный, черный и белый. Обязанность Эльфгивы очевидна. Нравилось это кому или нет, а говорить было больше не о чем.

Сердик оставался в неведении насчет неодобрения, с которым христианская Церковь взирала на многоженство и развод. Католические миссионеры были не только бесстрашны и глупо преданы вере, но и мудры, а потому в вопросах древних обычаев предпочитали держаться простого правила: «Сперва обратим их в истинную веру, а после уж примемся за привычки». И сменится немало поколений, прежде чем Церковь сумеет отвратить англосаксов от полигамии.

Девушка, которую он прочил на место Эльфгивы, была молода и приходилась дочерью такому же, как Сердик, хозяину славного имения невдалеке от Боктона. «Я полагал ее для кого-нибудь из твоих сыновей, нежели для тебя», – мягко заметил накануне отец, когда днем раньше Сердик беседовал с ним. Действительно, такая тайная договоренность между ними существовала. Если Сердик откажется от жены, то девушка пойдет за него; если нет, то за его старшего сына. Она была милая, благоразумная и совсем еще юная саксонка, любившая упорядоченную жизнь Кента, которому принадлежала всей душой. Она также согласилась принять крещение.

Надо было на такой и жениться, думал Сердик, покуда ехал из Боктона в Лунденвик. С ней не было бы хлопот, как с Эльфгивой, с ее дикими восточноанглийскими нравами.

Опять же девица молода. Не в том ли дело? Разве не ощутил он себя неожиданно юным, помолодевшим в присутствии этой свежей пятнадцатилетней красотки, которая могла принадлежать ему? Возможно. Не опасался ли Сердик втайне утратить былую силу? Нет, его еще хватит надолго. Он напомнил себе, что Эльфгиве было бы нечего бояться, веди она себя, как приличествовало жене.

Так вот и вышло, что Эльфгива выслушала этот унижительный ультиматум молча и с понуренной головой. Даже не спросила, кто была другая женщина. Она вообще ничего не сказала.

На следующий день после беседы с Эльфгивой Сердик решил разобраться с сыновьями. В известном смысле ему не терпелось. Хотя он несколько не сомневался в их послушании, но был бы разочарован, не встретив хоть малого сопротивления.

«Недоросли, бугаи, – сказал он себе. – Думаю, мне покамест по силам их приструнить».

Он все изложил жестко, прямо на улице перед домом. На этом этапе он предпочел умолчать о своей угрозе их матери, но сообщил о прибытии епископа и требовании короля Этельберта.

– Мы его подданные, – напомнил он. – Поэтому вы, как я, примете эту новую религию.

Четверо юношей неловко топтались. Он видел, что они уже обсуждали дело промеж собой, так как теперь дружно поворотились к старшему, дюжему детине двадцати четырех лет, который заговорил от их имени:

– В том ли наш долг, отец, чтобы отречься от наших богов во имя короля?

– Боги короля – наши боги. Я его слуга. Король Эссекский уже пообещал последовать за королем Этельбертом, – сказал Сердик, желая приободрить их.

– Мы знаем. Но слышал ли ты, что сыновья короля Эссекского отказываются последовать примеру отца? Они говорят, что не станут исповедовать этого нового бога.

Сердик побагровел. Нет, он не слышал об этом, но намек уловил хорошо.

– Эссекские принцы поступят по воле отца, – заявил он твердо.

– Как можешь ты просить нас почитать этого бога?! – взорвался вдруг старший. – Говорят, он позволил пришить себя к дереву и погиб. Что это за бог? Неужто нам отречься от Тунора и Водена ради того, который не сумел за себя постоять?

Сердик и сам неважно разбирался в христианстве, и это обстоятельство смущало его не меньше.

– Отец Христа умел насылать потопа и разводить моря, – заверил он сыновей. – Король же франков, с тех пор как принял христианство, одержал славные победы. – Но Сердик видел, что это не произвело на них впечатления. – Это ваша матушка постаралась, – буркнул он и взмахом руки отослал их прочь.

Неделей позже Эльфгиве было знамение.

Она отправилась верхом с младшим сыном Вистаном. Как часто бывало, она поехала недалеко – до острова близ брода, повторяя изгиб реки. Ей нравилось там. Маленькая римская вилла на старом острове друида сгинула, и все заросло, за исключением тропы, которая тянулась к броду. Саксы называли остров Торни, ибо он славился ежевикой. Возможно, именно запустение влекло сюда Эльфгиву.

День выдался погожий, небо чистое, с редкими белыми облачками, бросавшими легкие тени на реку. Поскольку задувал довольно холодный ветер, Эльфгива закуталась в тяжелый плащ бурой шерсти. Левая рука в толстой кожаной перчатке была воздета; в нее вцепилась когтями хищная птица с изогнутым клювом и в клубочке.

Как многие англосаксонки ее положения, Эльфгива любила соколиную охоту. На Торни ей часто везло. И ей нравилось видеть при себе Вистана. Ему всего шестнадцать, но из всех сыновей он больше походил на нее. Покладистый и добродушный, юноша с готовностью шел с братьями на охоту, однако не меньше нравилось ему бродить и в одиночестве. А то еще садился и вырезал из дерева, в чем был большой мастер. Эльфгива подозревала, что он же и любил ее пуще других. Знала она и то, что если трое его братьев просто ершились насчет религии, то этот и в самом деле был глубоко озабочен. Поэтому она воспользовалась возможностью призвать его: «Покорись отцу, Вистан! Это твой долг».

Когда он ответил, что только на пару с ней, она печально покачала головой: «Это другое дело. Я старше». – «Значит, откажешь ему?» – спросил сын, но она пока не дала ответа и обратилась к охоте, ибо они прибыли на Торни.

Стоило ей сдернуть клобучок, Эльфгива задохнулась от колдовской красоты желтоватых соколиных глаз. В мгновение ока расправив крылья, сокол взлетел; она же проследила за ним, завидуя его вольнице.

Тот пребывал высоко в небесах – свободный, подобно ветру над водами. Он парил, вбирая ветер, как парус; затем бесшумно упал, сбивая добычу.

Эльфгива смотрела, как сокол хватается птицу. Увидев незадачливую жертву, беспомощно бившуюся в когтях, она испытала внезапную скорбь и тяжелое предчувствие. Сколь жестока и преходяща жизнь! И тут она поняла, осененная вспышкой предельной ясности.

Паривший в воздухе сокол был свободен. То же и Сердик. Разницы никакой, даже если новое божество являлось для него не только поводом порвать с ней, а она не сомневалась, что дело было в этом и больше ни в чем. Что-то ему вступило. Он сделал шаг от нее к свободе, а коли так, то в итоге возобладает природа – жестокая, но неотвратимая. Она подумала, что даже если уступит сейчас, через год или два муж изыщет что-нибудь новое. «Или оставит меня, но будет брать в жены кого помоложе. Я окажусь поверженной, как эта птица в соколиных когтях. Не потому, что Сердик жесток, а потому, что он, подобно соколу, не властен над собой».

То был вирд. Она знала это всей древней, языческой мудростью нордических богов.

Что же ей делать? Не сдаваться. В конце концов, если от нее избавиться за верность богам, останется хотя бы достоинство. Подняв глаза на сокола, спускавшегося с лазурных небес, она издала про себя вопль, веками свойственный замужним женщинам: «Если мне нет любви, сохрани честь!»

На обратном пути Эльфгива удовольствовалась вторичным призывом к Вистану: «Что бы ни случилось, пообещай мне повиноваться отцу». Говорить большего она не хотела.

Оффа был полон планов, но неожиданно тоже натолкнулся на препятствие – свою жену.

В Лунденвике он провел десять дней. Однажды Вистан с братом отплыли вверх по течению за товарами из хозяйства, отстоявшего на несколько миль, и Оффа отправился с ними. Увиденное привело его в восторг. Вскоре за поворотом, когда брод остался позади, берега рассыпались в целую сеть заболоченных островов.

– Справа Чок-Айленд, – сообщил ему Вистан.

Однако на англосаксонском слово «айленд» («остров») произносилось как «ай», а «Челч-Ай» (Chelch Eye) звучало примерно как «Челси» (Chelsea).

– А напротив Бадрикс-Ай.

А это название в дальнейшем стало звучать как «Баттерси».

Оффа открыл, что эти острова находились повсюду вдоль топких берегов Темзы и попадались даже мелкие, по сути – грязевые проплешины.

Здесь уже развелось множество крошечных селений – тут крестьянское хозяйство, там деревушка. Они тоже носили типичные саксонские названия: «хэм» – *ham*, – если речь шла о деревушке; «тон» – *ton*, – если о крестьянском хозяйстве, а «хит» – *hythe* – означало гавань.

Вскоре за Чок-Айлендом Вистан вновь кивнул на северный берег, где над деревьями поднимался дымок.

– Это Фуллас-хэм, – объяснил он. – А вон там, – он указал на местечко повыше в паре миль севернее, – Кенсингс-тон.

Однако на Оффу, пока они забирали вверх по реке, произвело наибольшее впечатление буйное изобилие окрестных земель. За илистыми топями и болотами открылись луга и пастбища, вдали же виднелись пологие холмы.

– И далеко так тянется? – осторожно спросил он у Вистана.

– Да. Думаю, до самого верховья реки.

А потому, вернувшись вечером, Оффа сказал Риколу:

– По-моему, нам удастся удрать, когда будешь готова. Вверх по реке. Там здорово. Если заберемся подальше, нас обязательно где-нибудь примут.

Но та, к его удивлению, категорически воспротивилась.

Жена была еще весьма юна, но Оффа успел заметить в ней живую независимость духа, которую нашел привлекательной. С мужчинами она наладила дружескую легкомысленную болтовню. Однажды, к его ужасу, она даже отпустила колкость в адрес десятника, но столь добродушно, что тот лишь покачал головой и улыбнулся.

– Уж эта-то глупостей не потерпит, – смеялись мужчины.

Оффа поэтому и решил, что она грезит свободой не меньше, чем он. Но ошибся.

– Ты спятил, – заявила она. – Какого рожна тебе понадобилось в лесу? Хочешь, чтобы нас волки сожрали?

– Это не лес, – возразил он. – Не то что Эссекс.

Она помотала головой:

– Совершенно незачем!

– Но мы же здесь в рабстве! – раскипятился Оффа.

– И что с того? Кормят хорошо.

– Неужто тебе на волю не хочется? – возопил он.

И тут она удивила его всерьез:

– Не очень. – Видя его изумление, Риколу продолжила: – Какой в этом прок? В деревне мы были свободны, и меня чуть не утопили на пару со змеей. – Ее передернуло. – Если сбежим, то свободными все равно не станем. Мы вне закона. Откровенно говоря, – улыбнулась она, – быть здесь рабами не так уж плохо. Ты не согласен?

Конечно, он не мог отрицать ее правоту, продиктованную житейским здравомыслием. В каком-то смысле оно было так. Но юноша, не умея изъясняться умными фразами, все же имел представление о независимости, которое оказывало на него сильнейшее влияние. Это было нечто первобытное, вроде потребности рыбы плавать в море.

– Я не хочу быть рабом, – сказал он просто, однако на время их спор иссяк.

Вскоре он нашел себе другое занятие. Через несколько дней после речного путешествия кое-кто из мужчин отправился на южный мыс порыбачить. Оффе, показавшему себя усердным тружеником, разрешили пойти с ними.

Место и впрямь было отличное для рыбалки. Коса, далеко выступавшая в Темзу, достаточно поросла кустарником и подлеском, чтобы укрыть рыбаков, которые ставили сети и забрасывали леску с наживкой. Оффа отчетливо видел серебристых рыб, скользивших в прозрачной воде. В действительности же его внимание привлекла не вода. Перед ним, более не скрытая деревьями, раскинулась огромная сокрушенная цитадель, когда-то бывшая Лондиниумом.

Вид был замечательный. Хотя приречная стена, возведенная последними жителями города, пришла в плачевное состояние, другая, береговая, еще стояла, и в этом огромном кольце дыбились призрачные руины, тянувшиеся через холмы-близнецы.

– Диковинное место, – заметил один из мужчин, проследив за взглядом Оффы. – Говорят, его построили великаны.

Оффа промолчал. Хотя он знал все куда лучше.

В его большей, чем саксов, осведомленности насчет римского города не было ничего удивительного. Семейство Оффы покинуло опустевший город всего четыре поколения назад. И хотя они с отцом имели лишь самое смутное представление о том, как тот выглядел, Оффа всегда знал, что город был огромен и вмещал великолепные каменные здания. Ему было известно и кое-что еще. По правде сказать, то была лишь семейная легенда, как всякое устное предание, манящая смесь истины и домыслов. Однако эти нехитрые и любопытные сведения переходили от отца к сыну на протяжении трех веков.

«Мой дед всегда сказывал, – говаривал Оффе отец, – что есть два холма, они находятся в великом городе. На западном зарыто золото. Несметные сокровища».

«Где на холме?» – спрашивал Оффа.

«Ближе к вершине. Но его так и не нашли».

И вот перед ним лежал город на двух холмах.

Покуда остальные рыбачили, он взял лодку и отправился через реку.

Лондиниум пустовал больше века, но крошившиеся стены с красными горизонтальными полосами оставались внушительными и производили грандиозное впечатление. Двое западных ворот остались нетронутыми. Между ними в различных участках стены выступали неприступные бастиионы. Позади, нависая над вершиной ближнего холма, высился величественный каменный амфитеатр, уже сильно обветшалый, подобный угрюмому стражу, который будто говорил, что Рим удалился лишь на день. Он вернется. Речка на западной стороне имела саксонское название – Флит, хотя в дальнейшем ее стали именовать Холборн. Поднявшись по склону, Оффа вошел в ворота.

В город-призрак. Перед ним простиралась широкая римская улица, теперь поросшая травой и мхом, из-за которых шаги становились бесшумными. Саксы, не понимавшие, что такое Лондиниум, оставили это место в покое. Но время от времени ходили через него и даже перегоняли скот, из-за чего на древний рисунок двух больших проспектов и сети улиц и переулков между ними наложился другой, по-деревенски более грубый. Сколько хватало глаз, от ворот к воротам прямо через разрушенный город тянулись протоптанные скотом тропы. Однако они, поскольку наталкивались на препятствия вроде громадной окружности амфитеатра, сплетались в хитроумный узор, изобиловавший замысловатыми поворотами, которые казались странными и нелепыми, так как римские сооружения давно исчезли.

Все это место было в полном распоряжении Оффы. Он заглянул на возвышенность в юго-восточной части города, но спешно убрался, наткнувшись на воронов. Без всякой особой цели он направился вдоль речушки, струившейся между холмами, туда, где та подныривала под северную стену. А когда взобрался на парапет, то обнаружил, что из-за римских сливных труб на тамошнем побережье образовалось огромное болото.

При спуске обратно на пристань его озадачила одна вещь. Безмолвные воды реки покрыли кромку разрушенных причалов, которые, по идее, должны были быть выше. Не опустился ли город – или это река поднялась?

Его наблюдение в точности соответствовало действительности. Это явление возникло в результате двух процессов. Первый заключался в том, что арктическая ледовая шапка, разросшаяся в последнее оледенение, продолжала таять, а потому вода слегка прибывала как в море, так и во всех реках. Второй причиной было то, что в ходе грандиозного смещения геологических пластов Земли юго-восточный край Британского острова очень медленно, но верно клонился в море. Действие этих двух факторов и привело к тому, что с каждым веком уровень воды в Темзе близ эстуария повышался примерно на девять дюймов. Поскольку предок Оффы,

Юлий, подделывал монеты в 250 году, река поднялась приблизительно на два с половиной фута.

– Но где же золото? – крикнул он вслух, как будто безлюдный город мог ответить.

Оффа обследовал малопонятные руины храма Митры, вернулся к форуму и устремился по верхней из двух больших улиц через город к западному холму. Он миновал лежащие в руинах колоннады, осмотрел полуразрушенные дома с деревьями, проросшими из окон, заглянул в проулки, захваченные кустарником, как будто расположение этих реликтов могло подсказать ему путь к сокровищу.

Тогда он вспомнил, что воду ищут посредством лозы. Возможно, с ее помощью удастся найти и золото под землей. Какой, однако, годится для этого прут? Он рыскал вокруг, пока не начало смеркаться. «Еще вернусь», – буркнул он. Еще и еще. В конце концов, это было занятие не хуже прочих. Кроме того, он никогда не сдавался. Оффа решил ни с кем, даже с Риколой, не делиться своими похождениями.

В таких делах и завершился в Лунденвике халигмонат, священный месяц.

У Риколы была и другая причина отказываться бежать – она все сильнее привязывалась к госпоже.

Возможно, все дело в новом лице или же в горестях. А может быть, в том, что Эльфгиве всегда хотелось иметь дочку, но женщина прониклась к Риколе симпатией. Она часто призвала ее к себе, по поводу и без повода, порой лишь с целью посидеть вдвоем, но чаще – заплести или расчесать ей волосы, к чему у девушки был настоящий талант. И Рикола была рада услужить.

Поскольку Эльфгива оказалась первой знатной особой в жизни Риколы, та пристально за ней наблюдала. Госпожа выделялась не только нарядом – длинным подпоясанным платьем взамен обычной скромной туники, но и вообще манерами, хотя отличие было тонким. В чем же оно заключалось?

– Сердится точно как я. Смеется, может, чуть поспокойнее, но я знаю много таких, – объясняла девушка Оффе. – И все же она другая. Госпожа. – Постепенно Рикола приблизилась к выводу: – А знаешь, в чем дело? Она ведет себя так, будто все время под присмотром.

– По-моему, так и есть. У всех, кто работает на господина.

– Я знаю. И она, как мне кажется. Но, – Рикола сдвинула брови, – есть что-то еще. Даже когда мы с ней одни. Ей нет никакого дела до того, что я о ней думаю. Я простая рабыня. Она слишком горда для этого. Госпожа всегда считает, что на нее смотрят. Я это чувствую.

– Боги небось.

– Может быть. Но я думаю, что это ее собственная семья. Покойный отец, отец отца, все предки, многие поколения. Она считает, что они следят, вот и ведет себя подобающе. Так я разумею. – Она удовлетворенно кивнула. – И мы, когда ходим мимо, глядим не только на госпожу Эльфгиву, но и на весь ее род до самого небось бога Водена. Они, понимаешь ли, все у нее в голове, что бы она ни делала. Вот что значит быть госпожой.

Оффа удивленно взглянул на жену. Он понимал, о чем шла речь.

– Тебе что же, хочется походить на нее? – спросил он.

Рикола грубовато хохотнула:

– Зачем? Чтобы таскать на закорках всю эту ораву? Да лучше в мешок со змеей! Больно хлопотно! – Но когда Оффа усмехнулся ее здравомыслию, она заметила уже серьезнее: – Знаешь ли, я страшно за нее переживаю. Понаблюдала за ней. Я говорила, что господин причинил ей какой-то вред. Пока не знаю, в чем дело, но она искренне страдает. Но она госпожа и слишком горда, чтобы это показывать.

– Что ж, с этим нам ничего не поделать, – произнес Оффа.

– Ничего, – согласилась жена. – Но очень хочется.

Связь между Риколой и госпожой укрепилась, когда Эльфгива позволила той разделить с ней занятие, которое было девушке в новинку.

Англосаксонские дамы даже в те давние времена славились рукоделием, но вышиванию предавалась лишь знать, так как ткани стоили слишком дорого для простолюдинов. И вот Рикола увлеченно коротала дни у ног Эльфгивы, держа свою работу поближе к светильнику, а благородная госпожа растолковывала ей, что делать.

– Берешь сначала отрез тонкого льна. При королевском дворе бывает, что даже и шелк. Наносишь на него узор. – К удивлению Риколы, Эльфгива не взяла грифель сама, а послала за Вистаном. – Он чертит лучше меня, – объяснила она.

И юноша в самом деле рисовал чудо какие узоры. Сперва по центру полотнища он провел линию, длинную и кривую. «Ствол», – пояснил он. Затем, неизменно простейшими штрихами, отвел от него ветви, поверх которых с той же естественной простотой набросал листья и цветы, так что, когда он закончил, посередине льняного отреза красовался узор столь живой, что проглядывала самая сущность растений, и в то же время вполне абстрактный, сродни восточному.

Далее он наметил несколько звездочек и сделал штриховку, чуть приукрасив рисунок. Наконец, не трогая пустовавший фон, принялся за рамку. Она тоже явилась произведением искусства. Возникли тщательно выверенные, схематические цветы, птицы, животные, всевозможные языческие и магические символы – изящные и аккуратные, как звенья браслета. От внутренней кромки, подобно весенним крокусам, неукротимо рвущимся сквозь девственную почву, в центр стремились причудливые растения с элегантно скрученными листьями-завитками, а также грубоватые деревца, настойчивые и игривые, и все это как бы гласило: «Искусство есть порядок, но природа главнее». Возможно, то была самая суть англосаксонского духа.

Лишь после этого Эльфгива поместила лен в пяльцы и занялась неспешным вышиванием. Начала она с середины.

Орудя бронзовыми иглами, она вышивала листья пересекающимися стежками. Для этого ей понадобились цветные шелковые нитки.

– Фризы всегда привозят мне с юга шелк, – пояснила она, – когда приходят за рабами.

Не довольствуясь этим, она прибегала и к ниткам золота, а чтобы сделать вышивку еще краше, добавила в пару мест по жемчужине. Наконец, когда с этим было покончено, Эльфгива взяла толстый шнурок зеленого шелка и выложила по кривизне ствола. Затем закрепила, пустив с изнанки поверх шелковую нить. Она увенчала свой труд дополнительными цветными стежками, выделив основные фигуры.

– Дальше займемся краями, – улыбнулась Эльфгива. – На это уйдет много месяцев.

Обнаружив, что у девушки ловкие пальцы, госпожа нередко давала ей сделать пару стежков и развлекалась ее восторгом. Она даже позволила Риколе пригласить Оффу и показать, чем они занимаются.

И все это время Рикола наблюдала за ней, восхищалась ее величавой статью и ежедневно задавала вопросы: то о платьях, то о жизни при дворе, то о Боктонском имени, мало-помалу обогащаясь знанием. Одновременно она изыскивала пути зарекомендовать себя полезной.

– Ты же хочешь воли, – напомнила она мужу, – и если мы ей достаточно полюбимся, когда-нибудь госпожа нас отпустит. – Рикола улыбнулась. – Нужно просто потерпеть, выждать.

Примерно тем же в своем духе занималась и Эльфгива. Она быстро поняла, что пусть даже Сердик нанес ей глубокую рану, страдание придется скрывать. Давным-давно старухи сказали ей: «Коль муж отбил от рук, то средство только одно». Это был факт супружеской жизни – к добру ли, к худу, однако единственным способом приструнить загулявшего мужа была постель. И чем быстрее и чаще, тем лучше. Увы, все прочие ухищрения, какие подсказывали нравственность и рассудок, тщетны. Эльфгива поступила соответственно. Она не дулась,

не спорила, не охладела к нему – напротив, из вечера в вечер после ужина старалась его соблазнить и удовлетворить. На рассвете они не раз просыпались, держа друг друга в объятиях, и она молча внимала пению птиц, думая, что муж, быть может, доволен и останется с ней в силу простой инерции, великой подруги всех супружеских пар. Даже в сей поздний час она все же поймала себя на тайной мольбе, обращенной к богам предков: «Пошлите мне еще дитя». Или другой: «Дайте мне время. Не допускайте сюда покамест этого епископа». Весь следующий месяц так и прошел.

Ноябрь у саксов назывался блодмонат – кровавый месяц. Блодмонат – пора забивать быков, а дальше выпадет снег и последние листья, хрустящие изморозью, падут на землю, твердеющую после осенних дождей.

В начале блодмоната к торговому посту причалил корабль. Он прибыл из-за моря из франкских земель на реке Рейн, и Оффе велели помочь с разгрузкой.

Он впервые увидел настоящее морское судно и был захвачен зрелищем. Хотя у саксов имелись прилично слаженные плоты и весельные лодки, на которых ходили по Темзе, этот корабль принадлежал к совершенно иному классу.

Больше прочего поражал киль. Возвышаясь огромным деревянным гребнем над кормой, он по плавной кривой нисходил к воде, проделывая долгий путь под днищем и снова вздымался, образуя роскошный нос, горделиво изгибавшийся над речной гладью. Вистан, как бывало часто, стоял рядом с Оффой и восхищенно взирал на эту прекрасную картину.

– Совсем как линия, которую ты вычертил на шитье госпожи Эльфгивы! – вскричал в порыве вдохновения юный невольник, и Вистан согласился.

Деревянные ребра – остов корабля – крепились через хребтину киля и были внахлестку покрыты досками на гвоздях. Хоть корпус был вытянут, Оффа сообразил, что расширение, допущенное по центру, придавало судну немалую вместительность. В передней и задней части судна – на носу и корме – две небольшие площадки; в остальном оно оставалось открытым. Имелась мачта с парусом на траверсе. Но истинная мощь таилась в полудюжине длинных весел по обе стороны.

То была ладья викингов из северных пределов. Похожие суда доставили на остров саксов. В такой ладье похоронили на побережье Восточной Англии отца Эльфгивы.

Оффу заинтересовал и груз: изящные гончарные изделия, пятьдесят огромных кувшинов с вином и, для королевского двора, шесть клетей со странным прозрачным материалом, которого он прежде не видел.

– Это стекло, – сказал ему матрос.

В северных землях близ Рейна вино и стекло производили еще с римских времен.

Так Оффа впервые приобрел представление о великом заморском наследии, известном его предкам и некогда наполнявшем пустынный город за стенами, где он любил бродить.

Через несколько дней он получил из римского мира сигнал поважнее.

Оффа снова улизнул в заброшенный город и пару часов провел на западном холме. Коль скоро время на изучение местности у него было – быть может, вся жизнь, уныло подумал Оффа, – нужно действовать методично. Он решил сосредоточиваться на небольшом участке зараз, который будет тщательно обыскивать, пока не уверится, что раскрыл все секреты, и лишь потом переходить к следующему.

Тем днем на полпути от реки по склону он обнаружил многообещающий домишко с погребом. Стоя на четвереньках и орудуя самодельной лопаткой, он разгребал завалы, и вдруг ему почудились в отдалении чьи-то голоса. Оффа выбрался из развалин и глянул на холм.

Западный уступ со стороны реки был обнажен куда больше, чем остальные. Печи для обжига давно рассыпались, хотя о былом их присутствии напоминали многочисленные чере-

пичные осколки. От небольших храмов остались жалкие камни, обозначающие основания колонн. Вокруг образовалось нечто вроде заросшей поляны с видом на реку.

На этом пятачке Оффа увидел двоих мужчин, один из которых, предположительно грум, держал лошадей. Другой, низкорослый, в черной хламиде до щиколоток, расхаживал и что-то высматривал. В сердце Оффы мгновенно закралось дурное предчувствие, и он подумал: небось явились за кладом. Откуда узнали? Он изготовился скрыться, когда человек в хламиде заметил его и наставил палец.

Оффа выругался про себя. Что теперь делать? Тот все указывал, и парню, коль скоро они верхом, далеко не уйти. «Прикинусь-ка я дурачком», – пробормотал он и медленно направился к ним.

В жизни Оффа не видел фигуры занятнее, чем человек в черном. Малого роста, с широким, чисто выбритым овальным лицом, седые волосы выбриты на макушке. Похож на яйцо, подумал молодой человек.

Это впечатление укрепилося, когда он приблизился и разглядел мелкие черты лица и крошечные уши. Оффа глазел на него, не в силах оторваться, но тот не обиделся и чуть улыбнулся.

– Как тебя звать? – осведомился он по-английски, как называли свое наречие англосаксы, но со странным акцентом, которого парень не распознал.

– Оффа, сударь. А вас? – отважно спросил невольник.

– Меллит.

Оффа нахмурился – диковинное имечко; затем огляделся.

– Любопытствуешь, что я тут делаю? – поинтересовался чужак.

– Да, сударь.

Меллит в ответ показал ему начатый контур, который выкладывал из камней в нескольких ярдах от места. Тот напоминал абрис будущего фундамента для какого-то небольшого прямоугольного здания.

– Здесь я намерен строить, – заявил он.

Участок был бесспорно хорош, с отменным видом в трех направлениях с холма.

– Строить?

Странный человек опять улыбнулся.

– Cathedralis, – ответил он, прибегнув к латинскому слову. Заметив недоуменный взгляд собеседника, пояснил: – Храм истинного Бога.

– Водена? – уточнил Оффа.

Но тот помотал головой и ответил:

– Христа.

Тогда Оффа понял, кто перед ним.

Конечно, он знал, ибо всем было объявлено о скором прибытии человека из Кентерберии. Епископа, что бы это ни значило. Так или иначе, но птица очень важная. Оффа взирал на монаха в черной рясе с удивлением и сомнением. Смотреть было не на что. Но все-таки лучше вести себя осторожно.

– А из чего же вы будете строить, сударь? – поинтересовался Оффа.

Он рассудил, что его того и гляди заставят тягать на холм доски.

– Из этих камней, – отозвался Меллит и указал на остатки римской каменной кладки и черепки, сплошь валявшиеся вокруг.

Почему здесь? Оффа не знал, но, вспомнив рассказы скотников о том, что здесь же, неподалеку, на большой круглой площадке, приносили в жертву быков, счел территорию культовой, а потому лишь вежливо кивнул.

– А ты что здесь делаешь? – вдруг осведомился чужак.

Оффа мгновенно насторожился:

– Ничего особенного, сударь. Просто смотрю.

– Ищешь что-то? – Меллит улынулся, и Оффа заметил, что его карие глаза глядели хоть и мягко, но зорко и с любопытством. – Может, я помогу найти, – приветливо произнес Меллит.

Что ему известно? Вправду ли он подыскивал место для стройки, расхаживая и опустив глаза долу? Или имел другие намерения? Мог ли он откуда-то вызнать о спрятанном золоте? Был ли он искренен, предлагая помощь, или пытался выведать, насколько осведомлен сам Оффа? Епископ, ясно, хитрый малый, с ним нужно держать ухо востро.

– Я должен вернуться к хозяину, сударь, – пролепетал Оффа и зашагал прочь, сознавая, что Меллит провожает его взглядом.

Но почему же епископ избрал для постройки собора покинутую крепость близ расположенного на отшибе торгового поста?

Причина была проста и восходила к Риму.

Направив на Британский остров миссионера Августина, папа совсем не хотел, чтобы тот задержался в Кентерберии. С чего бы, в конце концов, понтифику испытывать пристальный интерес к Кентскому полуострову, не считая возможности, предложенной франкской принцессой? Он намеревался взять весь остров. А что он знал о Британии? То, что она была римской провинцией, пока, к несчастью, не оказалась отрезанной.

– В записях ясно сказано, – доложили ему архивариусы, – что она разделена на провинции и в каждой есть столица: Йорк – на севере, Лондиниум – на юге. И Лондиниум главенствует.

А потому, когда Августин со своими присными сообщил о любезности кентского короля и о том, что Лондиниум пуст, из Рима последовал недвусмысленный ответ: «Пусть у короля будет в Кентерберии епископ. Лондиниум же и Йорк обустроить без промедления». Римскую традицию надлежало хранить.

По этой причине епископ Меллит ныне стоял среди заброшенных развалин Лондиниума. Священник смекнул, что в этом были свои преимущества. Место находилось возле развивающегося торгового поста и в то же время пребывало отдельно, окутанное древним величием, как бы в пределах огромного монастыря. Участок близ старых храмов производил сильное впечатление. Церковь, которую здесь возведут, станет его собором; небесный покровитель уже был выбран.

Это будет собор Святого Павла.

Тем вечером епископ остановился в доме Сердика. Его свита была невелика: всего трое слуг, два молодых священника и пожилой дворянин из окружения короля Этельберта. Сердик порывался закатить пир, но миссионер умолил его не делать этого.

– Я несколько устал, – признался он, – и спешу к королю Эссекскому. Я вернусь через месяц с проповедью и крещением. Тогда и готовьте пир.

Однако он не сказал, что утром намерен отслужить мессу при закладке новой церкви. Сердик уговорил епископа ночевать в его доме, не отсылая свиту; сам же с семьей перебрался в амбар.

Ранним солнечным утром епископ Меллит повел своих немногочисленных спутников в покинутый город. Один молодой священник нес флягу с вином, второй – суму с ячменным хлебом. Придворный короля Этельберта имел при себе простой деревянный крест высотой примерно семь футов. Дойдя до места, они вкопали его в землю. Меллит и священники приготовились служить нехитрую мессу.

Наблюдавший за всем Сердик был премного доволен. Сближение налицо. На глазах у семьи он преломит хлеб с посланником короля Этельберта, совершив евхаристию. Он гордился

участием в таком событии. «На севере Темзы я, несомненно, окажусь единственным крещеным человеком», – заметил он дворянину. Когда же чин чином построят собор, на освящение, видно, придут со своими дворами короли Кента и Эссекса. Тогда и ему воздадут должные почести за помощь епископу в строительстве.

Одна досада: накануне вечером двое его старших сыновей испросили дозволения не участвовать в событии.

– Почему? – осведомился он.

– Мы собирались на охоту, – небрежно ответили те.

Он пришел в ярость и загремел:

– Вы все останетесь при мне и будете вести себя как подобает!

Когда же мальчишки попросили растолковать смысл церемонии, он до того рассвирепел, что лишь проорал:

– Не ваше дело! Уважайте отца и короля, и чтобы я больше не слышал об этом!

И сейчас, взирая на их превосходные плащи, светлые волосы и ухоженные юные бороды, он решил, что в общем и целом его уважили, а потому шел к мессе в лучшем расположении духа.

Служба не затянулась. Меллит прочел короткую проповедь, в которой подчеркнул достоинства короля Кентского и радость, коей им всем надлежало исполниться в этом священном месте. Он неплохо говорил по-англосаксонски, с чувством и красноречием. Сердик одобрительно кивал. Затем перешли к причастию. Благословили хлеб и вино, и таинство евхаристии свершилось. Сердик гордо шагнул вперед на пару с получавшим крещение дворянином.

Эльфгива мало что смыслила в этих чужеземных обрядах, но хотела доставить удовольствие мужу, который, быть может, все еще любил ее, подтолкнула четверых своих сыновей:

– Идите и делайте, как отец.

Те, помявшись, нехотя подчинились.

И вот сыны Сердика, слегка краснея, направились к римскому священнику, совершавшему евхаристию. Неуверенно поглядывая друг на дружку, они преклонили колени, дабы принять Святые Дары. Сердик, уже коленопреклоненный, не видел, как они подошли, не ждал этого и не заметил их присутствия, пока не встал и не повернулся, чтобы уйти, но тут услышал голос епископа:

– Крещенные ли вы?

Четыре парня уставились на него с подозрением. Меллит повторил вопрос. Он уже сообразил, что – нет.

– Чего ему нужно, безбородому чудику? – буркнул младший.

– Давай волшебный хлеб, и ладно, – брякнул старший. – Как отцу. – Он указал на Сердика.

Меллит уставился на него:

– Волшебный хлеб?

– Да. Он-то нам и нужен.

И один, не имея в мыслях ничего дурного, потянулся к чаше за куском.

Меллит отпрянул. Теперь он осерчал.

– Это гостию, да чтобы так?! Иль нет в вас почтения к телу и крови Господа нашего? – возопил священник. Затем, видя их крайнюю обескураженность, гневно повернулся к Сердику и прогремел, колебля эхом городские стены: – Этому ты, значит, научил своих сыновей, болван? Так ты чтить своего высочайшего Повелителя?

Сердик, вообразивший, будто епископ имел в виду короля, пошел пятнами от унижения и стыда.

Воцарилась жуткая тишина. Глава семьи посмотрел на сыновей.

– Что вы здесь делаете? – процедил он, обращаясь к старшему.

Тот пожал плечами и указал на мать:

– Она велела идти за хлебом.

Какое-то время Сердик вовсе не шевелился. Он был слишком потрясен. Суть заключалась в том, что купец не только не научил сыновей и не призвал к порядку семейство, но и сам не до конца разобрался в тонкостях евхаристии. Он подражал королю. Ему казалось, что этого достаточно. И вот Сердик опозорен перед придворным, унижен этим епископом, выставлен тряпкой и дураком. Он никогда не считал себя ни тем ни другим. Страдание его было неимоверно. В горле пересохло, лицо побагровело. Едва не задыхаясь, он знаком повелел сыновьям встать, и те неуклюже повиновались. Затем он направился к Эльфгиве. А когда он взглянул на нее, ему вдруг показалось, что она-то и виновата во всем. Без ее упрямства и вероломства ничего не случилось бы. Она послала сыновей ввергнуть его в немилость. И пусть в глубине души он понимал, что не нарочно, но разницы уже не было никакой. Вина лежала на ней, и точка.

С холодным бешенством Сердик залепил ей пощечину.

– Вижу, тебе надоело у меня в женах, – изрек он, едва сдерживаясь.

Затем устремился к коню и вскачь пустился с холма.

Через несколько часов от Лунденвика отъехали пятеро всадников. Они миновали рошу и направились к речушке, называвшейся Флит и протекавшей у западных стен римского города. Они, однако, не воспользовались деревянным мостом, проехали чуть выше по течению, спешили и направились к травянистому берегу, где ждали Меллит и священники. Там, под прищмотром Сердика, четверо юношей разделись и по команде священника прыгнули в ледяную воду.

Епископ Меллит был милостив. Он продержал их там совсем недолго – перекрестил и дозволил, дрожащим, поспешно выскочить и вытереться. Крещение состоялось.

Сердик спокойно наблюдал. После несчастья на мессе ему пришлось приложить все усилия, дабы убедить взбешенного епископа не уехать тотчас. Однако в итоге Меллит рассудил, что для его миссии будет лучше отложить путешествие на несколько часов и совершить таинство над этими юными язычниками.

– Полагаю, – с улыбкой заметил он священникам, – что в скором времени нас призовут крестить молодчиков похуже, чем эти.

При виде вымокших сыновей у Сердика появился еще один повод к тайному удовлетворению. Ярость, которую он излил на них по возвращении в факторию, пошла на пользу. Он восстановил свой авторитет. Они покорно отправились креститься, уже не заикаясь об охоте.

Не хватало лишь одного человека.

Эльфгива осталась в усадьбе и безгласно рыдала.

На следующий день новость облетела всех. В Кент был отправлен грум с депешей: господин пожелал объявить свою новую невесту. Госпожа Эльфгива оказалась в опале. Натянутые отношения между хозяевами установились давно, но домочадцы были потрясены до глубины души. Впрочем, никто не посмел и слова сказать. Сердик был тих, но мрачен. Эльфгива, худая и бледная, проводила дни с чинным достоинством, которое все боялись оскорбить. Одни гадали, останется ли она, непокорная Сердику, здесь. Другие считали, что госпожа вернется в Восточную Англию.

Однако для Эльфгивы самым болезненным в этой истории была даже не унижительность ее положения. Дело не в том, что случилось, а в том, чего не произошло.

Ибо она рассчитывала на сыновнюю защиту или хотя бы на протест, но ответом было молчание.

По правде сказать, трое старших явились к ней, поочередно. Они соболезновали и предположили, что воссоединение еще, быть может, возможно, если она обратится в христианскую веру.

«Все дело в том, – сказала она себе однажды, стоя возле реки и взирая на воду, – что отца они боятся больше, чем любят меня. И даже охота, по-моему, им отчасти милее родной матери».

За исключением Вистана. Тот, когда явился, был безутешен. Отец настолько огорчил его, что ей пришлось умолять сына не нападать на Сердика и не гневить его пуще.

– Но ты же не можешь смириться, – воспротивился тот.

– Ты не понимаешь.

– Ладно, я не могу, – торжественно изрек Вистан и больше ничего не сказал.

Через три дня после этого разговора Сердик, возвращавшийся по тропинке с острова Торни, не слишком удивился, обнаружив у себя на пути юного Вистана.

Купец, помрачнев лицом, едва удостоил его кивком, полагая, что этим повергнет юнца в молчание. Но Вистан не струсил и твердо произнес:

– Отец, я должен поговорить с тобой.

– Ну а мне незачем – прочь с дороги! – воскликнул Сердик с холодной властью, заставлявшей большинство людей трепетать, но Вистан отважно заступил ему путь.

– Речь о матери, – сказал он. – С ней нельзя так обращаться.

Сердик был крепкий орешек. Сильный характером, он знал все уловки власти. При желании он мог и до смерти напугать. Сейчас он свирепо воззрился на сына и буквально заревел:

– Это наша забота, а не твоя! Помалкивай!

– Нет, отец, не могу.

– Можешь и будешь. Прочь с дороги!

Он воспользовался намного большим весом и сшиб юношу. В бешенстве, сверкая глазами, Сердик устремился по тропе.

«Но парень многих стоит», – подумал он втайне.

Однако мнения об Эльфгиве не изменил.

Грум, посланный Сердиком в Кент, вернулся через четыре дня с ответом от отца девушки. Невесту обещали доставить в Боктон две недели спустя после Йоля.¹¹

У Сердика и Эльфгивы издавна повелось возвращаться в Боктонское имение задолго до больших саксонских торжеств по случаю Йоля, но с прибытием сих новостей купец лаконично объявил:

– Я отпраздную Йоль здесь, в Лунденвике. Потом на всю зиму уеду в Боктон.

Что ж, смысл ясен. Старым порядкам пришел конец. Близились новые.

Когда домашние усвоили эти сведения, настроение на торговом посту начало меняться. Сперва неуловимо, однако с течением дней ошибиться уже было нельзя.

Эльфгива оставалась на месте. Формально, коль скоро Сердик не отослал ее, она продолжала быть ему женой. Однако люди исподволь уже вели себя так, будто госпожа исчезла. Так, если она о чем-то распоряжалась, ей учтиво повиновались, но что-то в глазах слуги говорило, что тот уже прикидывал, как ублажить новую госпожу. «Словно я сделалась гостьей в собственном доме, – говаривала себе Эльфгива и с горькой иронией добавляла: – Изрядно подзадержавшейся».

Но если все вокруг гадали, когда же она уедет, сама Эльфгива еще не решила, что делать. В Восточной Англии у нее был брат. «Но я не виделась с ним годами», – напомнила она себе.

¹¹ Йоль – средневековый праздник зимнего солнцеворота у германских народов.

В нескольких милях от дома ее детства жили какие-то далекие родственники. Может быть, к ним? «Но не отправит же меня Сердик в лес?» – завопила она. На короткое время, хотя женщина этого не осознала, ее охватила странная апатия. Эльфгива постановила для себя принять решение до Йоля. И ничего не делала.

Молчал и Сердик. Она не знала ни его желаний, ни планов насчет нее. Он просто оставил ее в своеобразном заточении, сохранив за ней статус жены.

Рикола обнаружила, что все чаще бывает при госпоже. Хотя Эльфгива отличалась немногословием и чопорностью, в своем одиночестве она снизошла до рабыни и доверилась ей. Рикола не сомневалась в полном разрыве Сердика с женой. «Хозяин больше не спит с ней, – поделилась она с Оффой. – Я совершенно уверена». Она с тайной нежностью расчесывала и заплетала Эльфгиве волосы. И вот однажды, когда та призналась, что пока не решила, куда податься, Рикола осторожно спросила:

– Но, госпожа Эльфгива, если супруг хочет вас отослать, то почему никак не устроит это дело?

– Очень просто, – печально улыбнулась Эльфгива. – Я знаю своего мужа. Он осмрительный торгаш. Разведется со мной, лишь когда заполучит новую девицу. Не раньше. До тех пор он будет ждать.

– Я бы сама взяла да и ушла! – выпалила Рикола.

На что старшая женщина ничего не ответила.

Однако эта неопределенность породила затруднение, которым Оффа однажды ночью поделился с Риколой:

– Если ее отошлют, то что, по-твоему, станется с нами? С тобой и мной? – Парень был озабочен. – Купила нас она. Означает ли это, что мы отправимся с ней?

– Надеюсь, что да! – негодуяще воскликнула девушка и сама удивилась силе своего чувства. – Эльфгива спасла мне жизнь, – добавила она, объясняя свой пыл. И, пристально посмотрев на Оффу, осведомилась: – А разве ты не хочешь остаться с ней?

Сначала Оффа лишь озадаченно посмотрел на жену. Куда заберет их Эльфгива? Он подумал о темном эссекском лесе; у него не было ни малейшего желания туда возвращаться. Затем прикинул, как мало он знает о бескрайних холодных просторах Восточной Англии. А после переключился на пышную пойму Темзы и опустевший город с кладом золота.

– Не знаю, – произнес он наконец. – Решительно не знаю.

Дни текли, и в жизни Риколы произошли два события, которые она ни с кем не обсудила. Первое оказалось связано с купцом.

Он обратил на нее внимание всего через неделю после крещения сыновей. В том не было ничего особенного. Девушка, слегка пригнувшись, выходила из низких дверей господского дома, а купец в это время возвращался с пристани. Она прошла близко, и он посмотрел на нее.

Рикола не испытала ни удивления, ни потрясения. Она была чувственна и чувственность свою признавала. Рикола подумала, что у него неделю не было женщины, и пошла по своим делам. Не слишком встревожило ее и то, что на следующий день все повторилось. «Лучше держаться от него подальше, – решила она, а после с усмешкой добавила про себя: – И Оффе не говорить».

Второе событие было приятнее. На исходе блодмоната Рикола заподозрила, что беременна. «Но выжду-ка я лучше еще месяц», – подумала довольно. Впрочем, теперь она немного встревожилась, не ведая, где и как они будут жить после рождения ребенка.

Оффа, как и прежде, старался угодить господину. Сумел он и пару раз ускользнуть в брошенный город, где смастерил небольшую кирку и лопату и вторгся в места, казавшиеся

ему перспективными. Однажды вечером он как раз возвращался с такой тайной вылазки, когда заметил, что на торговый пост доставили новый груз.

Там было с полдюжины рабов, связанных веревкой. Их вел отталкивающего вида грубый купец, но Сердик приветствовал его довольно учтиво.

– Что-то ты припозднился, – заметил он.

Невольники – сплошь малые видные, темноволосые. Коротко остриженные волосы и печаль на лицах выдавали их новое положение.

– В прошлом году король Нортумбрии устроил набег на скоттов, – объяснил торговец и ухмыльнулся. – Пленные. Когда уезжал с севера, была сотня. Вот все, что осталось.

– Отбросы?

– Сам посмотри. Они неплохи.

Сердик осмотрел рабов и придирается к товару не стал.

– Выглядят крепкими, – согласился он. – Но мне придется кормить и содержать их всю зиму. Работоторговлю принято открывать весной.

– Ну так заставь их работать!

– Да чем их занять, когда выпадет снег?

– И то правда. Коли так, то сколько за них даешь?

Любям нравилось вести дела с Сердиком, ибо тот был откровенен и никогда не тратил времени понапрасну. Оффа увидел, как оба проследовали в дом. А скоро торговец отбыл.

Шестерых парней разместили в жилье для рабов и каждую ночь заковывали в цепи. Днем их натаскивали, а одного или двух обязали переносить шерсть и ремонтировать склад. Оффа наблюдал за ними, сочувствовал им и гадал об их дальнейшей судьбе.

Исчезновение юного Вистана заметили лишь на исходе дня. Никто не знал, куда он делся – разве что брату сказал, будто пошел на охоту. Охотиться в одиночку уже казалось странным для него, а когда он не вернулся, Эльфгива забеспокоилась. Сердик был настроен оптимистичнее.

– Девка, должно быть, – сказал он коротко. – Вернется.

Когда же прошла еще одна ночь, Сердик мрачно заметил:

– Придется ему держать ответ, коли скрылся без разрешения.

Но прошли еще день, ночь, а Вистан так и не объявился.

Вистан поднялся рано. Едва забрезжил рассвет, он уже шел через брод близ пустоши возле Торни. Был отлив. Конь проплыл совсем немного, и юноша выбрался на южный берег почти сухим. Цель увлекла его примерно на милю к югу. Сперва – по склонам над топиями, затем он повернул на восток, держась параллельно реке.

День выдался холодный и ясный. Проехав поверх болот и через дубраву, Вистан различил примерно в двух милях на другом берегу смутные развалины покинутого города. Почва начала вздыматься, перетекая в две гряды, которые становились все выше. Еще две-три мили – и ему, едва взошло солнце, явился великолепный вид на поворот сверкающей реки. А дальше – грандиозная череда изгибов на пути к устью. У подножия длинного склона под грядой, вблизи от берега, ютилось крохотное селение, известное как Гринвич. Хребет постепенно расширялся, дубравы сдавались перед огромной пустошью. Вистан устремился через нее по плотному дерну, покрывшему щебенчатую римскую дорогу, что должна была привести его в поселение Рочестер к полудню следующего дня.

Он собирался повидаться с девушкой.

Ночевал он в Боктоне. Рано же утром Вистан, приободренный восхитительным видом Уилда, поехал к ее дому.

Семью он, конечно, знал, но девушку не видел уже несколько лет. «В самом деле, – скривился юноша, – в последний раз, как встречались, она была таким же костлявым недорослем, как я». Ему не верилось, что отец вознамерился на ней жениться.

Вистан добрался до места, когда утро было в разгаре, однако за дело взялся не сразу. Он остался в отдалении за деревьями, выжидая. Наконец он увидел ее выходящей из дому: ему повезло – она пошла по соседней тропинке, тянувшейся в подлесок.

Во всяком случае, Вистан предположил, что это она. Вблизи же он едва узнал ее, ибо вместо нескладного подростка перед ним оказалась молодая женщина. И милая притом. Почти с него ростом, с прежним пушком на губе, волосы забраны в косу, голубые глаза умны и яркие – сие прекрасное создание всего пятнадцати лет от роду находилось от него в каких-то десяти ярдах, и Вистан негромко окликнул ее по имени:

– Эдит!

Она не испугалась, когда ей заступил дорогу кроткий юноша с едва пробившейся бородкой, однако удивилась. Невозмутимо взглянув на него, она улыбнулась.

– Да я же тебя знаю. – (Юноша, к своему изумлению, покраснел.) – Ты Вистан, – сказала она и просияла. Он кивнул. – Что ты здесь делаешь? – Девушка явно заинтересовалась. – И почему прячешься в лесу?

– Обещаешь никому не говорить обо мне? – спросил Вистан.

– Не знаю. Наверное, да.

– Я здесь... – Он сделал глубокий вдох, вдруг осознав всю чудовищность своих действий. – Я приехал сказать, что ты нам не нужна.

Они проговорили почти час. Ей не составило труда вывести у него все. К его облегчению, Эдит не разгневалась.

– Значит, ты приехал спасать свою мать? – подытожила она. И с улыбкой продолжила: – Ты столько порассказал об отце, что, похоже, решил спасти и меня заодно.

Вистан смутился, и она рассмеялась. Затем услышала, как ее зовут.

– Уходи, – сказала она внезапно. – Давай, живо.

Он кивнул, девушка развернулась.

– Что будешь делать? – негромко спросил он вдогонку.

Но Эдит уже спешила через подлесок.

День Тунора, день Громовержца.

Вистан объявился неделю назад. Сердик закатил скандал и грозился выпороть его. Однако оправдания юноши, сводившиеся к тому, что он пошел на охоту, встретил друзей и заблудился, звучали настолько неправдоподобно, что купец усмехнулся и заявил складским рабочим: «Я же сказал, что девка какая-то». Он даже послал парню пару дружеских, понимающих взглядов.

Однако сегодня, как гром среди ясного неба, прибыли новости. Молодая невеста передумала. Гонец ее отца, откровенно смущенный, с сожалением сообщил, что вышла ошибка. Она не приедет.

Сердик знал, насколько был огорчен его младший сын предстоящим разводом. Теперь тот побледнел, и он вмиг обо всем догадался. Хватило нескольких секунд яростного натиска, чтобы правда вышла наружу. Не помня себя от бешенства, Сердик схватился за кнут, и если бы Вистан не удрал после нескольких ударов, убил бы.

А следом возник вопрос: что делать? Он поиграл с идеей послать за девушкой вновь и напомнить отцу о данном слове, но счел это низким. Вдобавок, если он хотел избежать неприятностей со стороны Эльфгивы, в иных отношениях верной, то зачем настаивать на браке с юной девицей, которая, похоже, уже созрела, чтобы причинить головную боль?

В безмолвной ярости он несколько дней тяжело шагал по торговому посту. Младший сын вел себя мудро и не попадался ему на глаза. Но постепенно, по мере затухания гнева, Сердик начал томиться. Он сам себе не признавался в тоске по налаженной супружеской жизни и нехотя рассудил, что та, по крайней мере, была получше беготни за переменчивыми девушками.

Однако Эльфгива, когда он нет-нет да и бросал на нее задумчивые взгляды, не отвечала ничем, кроме холодного упрямства и немоты в его присутствии.

Прошла добрая неделя, прежде чем он решительно вошел в дом к жене, сидевшей в обществе хорошенькой рабыни, и спокойно уведомил ее в том, что, если она последует за сыновьями и примет крещение, он бросит поиски новой супруги и вернет ее.

– День тебе на раздумья будет нелишним, – изрек он любезно.

Секундой позже купец вылетел вон в негодовании большем, чем ранее.

Она отказалась.

Рикола долго таращилась на госпожу, пока не обрела дар речи.

– Вы спятили. Понимаете? Спятили!

Неделей раньше подобные слова в устах невольницы, обращенные к хозяйке, были немислимы, но за последние дни эти женщины пережили слишком многое.

Именно Рикола, единственная из всех домочадцев, сидела с Эльфгивой по вечерам, когда та молча лила слезы, не в силах скрыть скорбь. Потеряв юного Вистана, сбежавшего от разъяренного отца в лес, Эльфгива обратилась именно к рабыне. Рикола отправила мужа на поиски и после спрятала юношу на ночь в их крохотной лачуге. «Господину и в голову не придет искать его здесь», – заметила она с улыбкой. Пока же Сердик торчал на молу, Рикола, и никто другой, тайком провела Вистана к матери и услышала его мольбы: «Я остановил девушку, она не придет. Покрестись же и возвращайся к нему!»

Поэтому Эльфгива не осаждала рабыню за дерзость и только молча вперила взгляд в огонь.

Беда была в том, что она не знала, как поступить. Ее глубоко тронули увещевания сына и все, что он для нее сделал. Как можно отказать ему, такому любящему? Но это было нелегко. Что изменилось? «Сегодня меня просят уступить, – размышляла она. – Твердят, что ничего страшного. А завтра? Угломонится ли мой муж? Не выйдет ли так, что все повторится и будет еще мучительнее?»

Она внимала уговорам Риколы.

– Если вы не обратитесь в его веру, он обязательно захочет себе другую жену. Иначе снова выставит себя глупцом. Конечно, он всяко может вас бросить, но почему не рискнуть? – И, покачав головой, девушка твердо произнесла: – Вам нечего терять.

– Кроме чести.

Рикола откровенно усомнилась. «Но честь, – подумала Эльфгива, – дешевле, когда тебе всего пятнадцать и ты рабыня».

И вот они сидели в молчании, так ничего и не решив, пока госпожа не утомилась и не отослала ее. Рикола ушла, но не раньше, чем развернулась у двери и бесстрашно сказала:

– Он не настолько плох, ваш муж. Не забывайте об одном: не будет вашим – станет чьим угодно еще. За него любая пойдет.

Здравомыслие подсказало ей, что это даст госпоже пищу для размышлений.

С приближением Йюля жители Лунденвика оживились. Оффа помог затащить в обитель Сердика огромное бревно, которому предстояло неспешно сгорать там многие дни: символ того, что пусть погаснет солнце – здесь, на земле, англосаксонский очаг будет теплиться до прихода весны. Рикола помогала женщинам. К йольскому пиру готовили оленину. Со склада доставят огромные сосуды с фруктами, заготовленными с лета, – яблоками, грушами и шел-

ковицей. Будет и выпивка, в том числе национальный напиток саксов из меда и тутового сока – морат.

И каждый божий день, по мере трудов и приближения праздника, женщины судили да ржали: останется ли госпожа Эльфгива?

Что до той, она пребывала в чувствах расстроенных чуть ли не больше, чем прежде. Чем ближе был Йоль, тем сильнее одолевали ее счастливые воспоминания об этой поре. Идти ей некуда. Муж снова без обиняков предложил ей восстановить былое. Она согласилась бы даже на его условия. Эльфгива вполне понимала, сколь предан он долгу; его гордость была отлично известна ей. Но разве не вправе она рассчитывать на ту же гордость и самоуважение?

Ему стоило лишь попросить. Проявить хоть сколько-то ласки, пусть даже толику раскаяния. Но он бросил ее, как несчастную животину на привязи, забытую в ненастье.

В это нелегкое время и наступил вечер, когда у Риколы созрел план спасения госпожи. Он был типичен для ее мироощущения: приземленный, чувственно-осязаемый, дерзкий и, надо признать, исключительно смелый. Оффа, услышав, пришел в ужас.

– Теперь и ты рехнулась! – воскликнул он.

– Но дело выгорит, – настаивала девушка. – Я уверена. Главное, повернуть все правильно. – Она улыбнулась. – Вспомни, как она нам помогла. Да и что нам терять?

– Все, – отозвался он.

Вестник, прибывший от короля Кентского Этельберта, застал их врасплох; его послание даже слегка раздосадовало Сердика.

– Епископ Меллит возвращается, как обещал, и выступит с проповедью, – объявил гонец. – Вам надлежит собрать всю округу, дабы внимали.

– В Йоль?! – завопил купец. – Почему именно в Йоль, как будто мало других дней?

Однако он сделал, как велели, и когда через два дня прибыл епископ в сопровождении десяти священников и двух дюжин придворных, Сердик согнал им навстречу внушительную толпу в несколько сот человек из прибрежных селений.

– Сегодня суббота, – заявил Меллит. – Завтра буду проповедовать и крестить.

Остаток дня прошел в лихорадочных трудах. Всю честную компанию требовалось подобающим образом разместить. В служебных постройках не осталось и ярда, который не был бы застелен одеялом или соломенным ложем. Хлопотали не покладая рук все, включая Эльфгиву. Та распоряжалась в точности на былой манер, а потому Сердик не раз и не два смотрел на нее восхищенно. Со складов доставили мясо. Когда же в ходе этих приготовлений волшебным образом нарисовался и взялся за дело Вистан, Сердик решил не обращать на это внимания.

Идиллию испортила лишь мелочь. Не приходилось удивляться, что некоторые монахи стали неодобрительно коситься на подготовку к пышному пиру – в аскетичный-то адвент, да еще и в канун субботы. Но Меллит с улыбкой сказал им:

– Об этом пока не время тревожиться. – Затем, еще пуще возмутив некоторых, изрек: – Что до меня, то нынче и я вкушу от доброй трапезы с нашими саксонскими друзьями.

Он так и поступил.

В субботу же ближе к полудню епископ Меллит, сопровождаемый примерно полутора сотней людей, вступил в опустевший город и взошел на холм к месту, где надлежало вырасти собору Святого Павла. Облаток он не взял, но в помощь своим трудам захватил примечательный предмет, который несли впереди.

То был большой деревянный крест. Укрепленный в земле, он поражал размерами – добрых двенадцать футов в высоту – и придавал окружающей местности величественный вид, как любая церковь. Но истинным чудом была великолепная резьба.

В центре креста покорно раскинул руки распятый Христос, взиравший запавшими глазами так, что каким-то образом передавал наблюдателю и римскую божественную иерархию, и

мрачное северное чувство рока. Однако по-настоящему внимание саксов приковалось к орнаменту, ибо вокруг Спасителя каждый дюйм был покрыт искусными изображениями растений, цветов, животных, а также красиво переплетенными узорами, чем издавна славилось англосаксонское искусство, которому теперь, соединенному с христианскими фигурами и символами, предназначалось явить славу островной Церкви.

Это было еще одно великое правило миссионеров: «Не разрушай укоренившегося – поглощай».

Потому-то и прибыл в Лунденвик добрый епископ Меллит, готовый отпраздновать саксонский Йоль. Разве столетия назад христианская Церковь не приложила все усилия, чтобы преобразовать языческие римские, порой непристойные зимние Сатурналии в праздник более одухотворенный? Разве не стало каким-то образом рождество персидского бога Митры, отмечавшееся в двадцать пятый день декабря, Рождеством Христовым?

– Если англосаксам нравится Йоль, – втолковывал своим монахам Меллит, – то пусть Йоль станет христианским.

Сейчас же, стоя перед саксонским деревянным крестом, Меллит обзирал собравшихся.

Явились все. Крестьяне, складские трудяги, пришли даже Оффа с Риколой и госпожа Эльфгива. Не зная, на кого оставить северных рабов, Сердик в последний момент приказал привести их тоже и держать подальше, позади остальных.

Стало быть, такова его паства – простецкий люд, едва ли не все – язычники. Возможно, они будут наведываться в маленький каменный собор, который воздвигнет Меллит посреди сей позаброшенной крепости. Он должен возлюбить их, пестовать и даже, если Господь ниспошлет ему благодать, вдохновлять.

Миссионер был реалистом, но также человеком веры и неустанно повторял священникам: «Господь наш спас мир. Вам же приличествует кротость. Коль вашей проповедью спасете вы единственную душу, то и того довольно». Взирая на неотесанную толпу, епископ улыбнулся про себя и пробормотал: «Которую же из этих спасем? То ведомо лишь Тебе, Создатель».

Оффа заворуженно наблюдал. Служба длилась недолго. Десять священников пели псалмы и ектении по-латыни, а потому он понятия не имел, о чем шла речь. Пение звучало странно гнусаво, хотя в нем присутствовала тоска, мучительная в этих холодных, сирых развалинах. Оффа заскучал и уже собирался улизнуть, не дожидаясь конца, но неожиданно ему стало интересно: яйцеголовый епископ обратился к собранию не на латыни, а на англосаксонском.

И на каком! Речь Меллита поразила Оффу. Он вспомнил, что в первую встречу странный жрец изъяснялся на островном языке, однако сейчас его речь повергала в изумление. Оффа подумал, что не иначе тот учился у поэтов, певших при королевском дворе.

Англосаксонский язык был несказанно богат. Гласные, сочетавшиеся многими способами, обогащали его массой оттенков и настроений. Германские согласные могли греметь и шептать, скрежетать и выстреливать. Даже в строгих виршах строчки разнились ударениями и длиной, сообразуясь с естественным ритмом картины, задуманной к воспроизводству поэтом. Это был язык скандинавских саг и людей, проживавших вблизи лесов, морей и рек. Когда поэты выступали, слушатели почти улавливали свист топора, видели, как гибнут герои, чувствовали присутствие оленя в чаще, внимали музыке лебединых крыльев по-над водой. Но прежде всего искусство поэта заключалось не в рифмовании, но в умелой аллитерации, столь свойственной этому могучему языку; в обнаружении среди многих его сокровищ неистощимого запаса эвкативных¹² повторов.

¹² Эвкативный – напоминающий.

И проповедник уже начал овладевать этим мастерством. Его речь была простой и сладкозвучной. Он рассказал о пришествии Создателя на землю – то был Богочеловек, который, похоже, даровал человечеству возможность попасть в удивительное место, именовавшееся раем. Юный Оффа узнал, что очутиться там могли не только герои, павшие в битвах, не только короли и вельможи, но и бедняки, женщины и дети, даже рабы вроде него самого. Это не укладывалось в голове.

И кем же был этот Бог? Героем, но все же больше, чем героем, объяснил Меллит. То есть, по его словам, походил на Фрейра, но выше. И он был рожден зимой, в эту самую пору. Явился в зимнее солнцестояние, однако возвестил новую весну и наступление вечной жизни.

Оффа знал Фрейра. Это был бог прекрасный и юный, добрый и любимый всеми англосаксами. Епископ, пользуясь англосаксонскими понятиями, пламенно заявил:

– Фрейр, ведомый людскому роду, сей молодой герой, был Бог Всемогущий. Он Тот, кто смывает прегрешения наши водой, даритель жизни.

В дальнейшем этого Фрейра, именовавшегося Христом, принесли в жертву на кресте – англосаксы называли оный словом «good» – распятие.

– Распятием убиенный, Он вновь восстал! – вскричал проповедник. – Он принес Себя в жертву за наши грехи и даровал нам вечную жизнь!

Чудо, как это звучало. Меллит знал свое дело.

Зачем же Фрейра распяли на кресте? Оффа не очень это понял. Но духовная составляющая, заключенная в словах проповедника, была ясна. Молодой Бог каким-то образом пожертвовал собой ради всех. Странно, но дивно. Впервые в жизни Оффа ощутил, что сама судьба – мрачный, непознаваемый вирд – могла преобразиться в нечто радостное и утешительное. Он задрожал от внезапного невыразимого восторга.

Посланием же епископа в сей день было следующее: коль скоро Христос смог положить Свою жизнь за людей, насколько же большей должна быть их собственная готовность пожертвовать собой, примириться друг с другом, чтобы оказаться достойными Его?

– Среди нас нет места жестокости, гордыне и злой воле, – изрек Меллит. – Если поссорились с соседом, слугой или женой – ступайте исправить дело. Простите их и попросите прощения в ответ. Не думайте о себе. Приготовьтесь пожертвовать своими желаниями, ибо Бог обещал защитить нас, провести даже смертной тенью, как только мы уверуем в Него.

И он звучно завершил проповедь стихами, будучи вдохновлен англосаксонской поэзией:

Выс́око на холм под взором небес
Возведен Господь наш и поднят на крест.
Сей добрый Воитель пришел в мир стенаний и слез;
И страшная тень пожрала свет солнца и звезд.
Ибо для нас Он повергся и крови не пожалел,
Распятый Христос, Царь творенья, за всех претерпел.

Какое-то время ошеломленная толпа молчала. Затем пронесся шелест, подобный вздоху. Римский священник растрогал сердца.

Оффа взирал на него и дивился. Не относились ли слова о примирении и прощении к Сердику и его жене? Что до прочего – обещания рая, призыва к жертве, – то юноше, к его удивлению, почудилось, хотя он и не понял всего, что для него это не пустые звуки. Переполненный чувствами, еще дрожа, он оставался на месте до конца службы.

Епископ же повел свою паству принять крещение, однако на сей раз не за стену, к Флиту, а к небольшому ручью, бежавшему между городскими холмами. Всех пригласили подойти ближе, и домочадцы повиновались под строгим взглядом Сердика. Оффа, Рикола и даже сильно обескураженные северные невольники ступили в ручей; за ними удовлетворенно

наблюдали те, кто уже вымок в ходе этого короткого ритуала. Сердик, его сыновья и кентские придворные, уже ставшие христианами, взирали на это с чувством выполненного долга.

И только в самом конце процедуры суровый взор Сердика пал на Эльфгиву.

Говоря откровенно, в тот самый момент она еще не знала, как поступит, ибо ее проняло, как и Оффу, против собственной воли. Епископ, сам того не зная, обратился прямо к ее сердцу. Возможна ли надежда бо́льшая, чем та, которую предлагали ее суровые нордические божества? Неужто заоблачное провидение полнилось любовью, способной утешить страждущих вроде нее? Будь она одна и не смотри на нее Сердик, могла бы даже шагнуть с остальными. Но тот не сводил с нее глаз, как обычно жестких и беспощадных. Она колебалась, считая, что он хотел одного – капитуляции.

Епископ Меллит направился от ручья напрямик к ней. Он глянул, распознал сомнения, увидел мрачное лицо ее мужа и, припомнив недавний досадный эпизод, встал рядом и поманил к себе Сердика.

– Ты хочешь принять крещение? – мягко осведомился он у Эльфгивы.

– Так хочет мой муж.

Меллит улыбнулся и повернулся к Сердику:

– Друг мой, я окрещу твою жену, когда она придет ко мне с чистым сердцем. Когда желает этого, а я надеюсь, что так и будет, и не раньше. – И уже тверже он добавил: – Ты должен явить христианскую милость. Тогда она будет охотно повиноваться тебе. – И он вернулся к своим обязанностям, надеясь, что выказал понимание и тем улучшил отношения этой четы.

Сердик страстно просил Меллита задержаться в Лунденвике до утра, однако епископу не терпелось продолжить путь, несмотря на субботу.

– Братия ждет меня к вечеру в Эссексе, – объяснил он. – Путь неблизкий.

Вскоре он и его свита уже ехали через город тропой, что вела к восточным воротам. Сердик же и остальные медленно двинулись в Лунденвик, и Оффа замыкал шествие.

К вечеру атмосфера чуть потеплела. После душевных речей проповедника поселение объял некоторый покой. Юному Оффе казалось, что и мужчины, и женщины обрели в лицах некую кротость. Он был уверен, что нынче его хозяин распахнет свое сердце, утешит жену и воссоединится с ней. Но, несмотря на всю убежденность в том, что купец был потрясен не меньше других, Оффа увидел, как Сердик отправился почивать в соседнюю хижину, оставив жену в одиночестве.

А потому далеко за полночь Оффа, уже лежа в объятиях Риколы и все еще глубоко взволнованный дневными событиями, пробормотал:

– Я думал о господине и госпоже.

– Так.

– Мы обязаны ей очень многим. Она спасла нам жизнь, хочу я сказать.

– Верно.

– Просто позор. Если бы мы только могли что-нибудь сделать.

– Вроде того, что я давеча предложила? Ты это имеешь в виду?

– Не знаю. Что-нибудь.

Когда муж уснул, Рикола еще долго лежала в раздумьях.

Главное йольское торжество приходилось на канун самого короткого дня, двумя сутками позже отъезда Меллита.

Зимнее солнцестояние! Сколь недолгим казался дневной свет! С запада набежали серые тучи, слившиеся над рекой в подобие одеяла. Когда мужчины установили в зале обеденные столы и разожгли в очаге огонь, все сошлись на том, что снежная буря разразится еще до пира. И в самом деле, в середине дня небо на западе приобрело оранжевый оттенок, знаменующий скорый снегопад.

Риколла хлопотала. Она пекла хлеб и овсяные лепешки, а также помогала двум женщинам вращать вертелы с огромными кусками оленины. Мясо, скворча, распространяло божественный аромат, и дым поднимался к соломенной крыше. Но при этом девушка не забывала о своем плане. И чем дальше, тем больше она твердила себе, что затея выгорит – не важно, верил в это Оффа или нет.

План, составленный Риколой и столь ужаснувший ее мужа, зиждился на двух чрезвычайно простых посылках. Во-первых, она знала мужчин. Во-вторых, понимала госпожу.

– Стало быть, так, – объяснила она Оффе. – Я наблюдала за ней. Она не в состоянии передумать. Считала, что потеряла его, но теперь ей известно, что можно и воротить. Эльфгива хочет уступить, но так боится лишиться его снова, что шагу не может сделать. А он тоже не станет, потому что... – Она поискала ответ, неуверенная в охвате всех возможных причин, и припечатала: – Потому что он мужчина. – Тут девушка осклабилась. – Ты знаешь, как госпожа себя ведет? – Риколла встала и великолепно изобразила особу, мнущуюся на берегу и все никак не решающуюся нырнуть. – Вот на кого она похожа. Она уже совсем созрела, надо лишь чуточку подтолкнуть. – Риколла снова улыбнулась Оффе. – Малюсенький толчок, Оффа! И дело сделано.

– И кто же толкнет?

– Мы, – ответила она, готовая вспылить.

Время, похоже, пришло.

– Я понимаю ее, – повторила Риколла. – А что до него, ему будет достаточно легко.

– А если дело пойдет слишком далеко? Если ничего не выйдет...

Последствия представлялись ужасными.

– Выйдет, – пообещала она. – Главное, делай, как я скажу.

На пир явилось с десятков гостей. Они с удовольствием прибыли в Лунденвик, зная щедрость хозяина.

В зале горело множество светильников. Длинный стол ломился. Участвовать в торжествах позволили даже домашним рабам – Оффе, Риколле и еще четверым. Повсюду были видны развеселые лица, раскрасневшиеся от эля. Один из работников только что порадовал компанию песней. Свет угасал, и крошечные снежинки ложились морозной пудрой на соломенную крышу, прежде чем медленно истаять. Небо оставалось подкрашенным в оранжевый тон.

Оффа нервничал. В голове так и звучали слова Риколлы:

– Пустяки, глупыш! Он положил на меня глаз. Это естественно. Но мы можем этим воспользоваться. Неужели не понятно?

А права ли она? Риск ужасал его, но Риколла умела убеждать:

– Она мне друг и не рассердится на меня. Если мы будем сидеть сложа руки, а госпожу отошлют, что станет с нами? Отправимся за ней или куда похуже.

До проповеди Оффа не допускал и мысли об этом. И даже теперь не мог сказать толком, почему передумал. Должен ли он рискнуть ради этой женщины, которой они обязаны жизнью? Или дело заключалось в чем-то большем – чувстве, что он воспринял от проповедника: мол, все каким-то чудом наладится благодаря удивительному новому Богу? Проповедник наказал одно: верить в Его имя. Он поверил. Он в этом не сомневался. Фрейр защитит их.

Однако Оффа вновь призадумался. Попытался отогнать неприятные мысли. И постепенно, разомлев от жара оленины и густого, пряного эля, мало-помалу начал признавать правоту Риколлы. Пустяк. Все быстро закончится. Если получится – хорошо; нет – вреда никакого не будет. Он потянулся за деревянным кубком и отхлебнул еще эля.

Хозяин тоже ел и пил так, что за ушами трещало. Он выглядел довольным, хоть и оставался начеку. Эльфгива, в золотом ожерелье, выглядела, по мнению Оффы, не хуже любой

молодки. Госпожа грациозно обносила гостей медовухой и элем. Ее благодарили и поднимали кубки за хозяев, клянясь в дружбе и верности. Все шло своим чередом.

Оффа заметил, что Сердик, разгоряченный медом, то и дело посматривал на Эльфгиву. Да оглянись же ты на него, беззвучно молился Оффа. Хватило бы мимолетного покорного взгляда. Если она уступит, затея Рикола станет ненужной и все разойдутся счастливые по постелям.

Однако Эльфгива, исправно игравшая свою роль, не подала Сердику знака, и тот потемнел лицом. Другие мужчины улягутся нынче с женами, но только не купец. Оффа вздохнул. План оставался в силе. Пир продолжался, а Оффа напряженно размышлял.

Гулянье было почти на исходе, когда Рикола сделала свой ход.

Люди бродили туда-сюда. Мужчинам, перебравшим эля, приходилось отлучаться. Одна или две пары, насытившиеся и раскрасневшиеся, уже удалились. Когда вышел Сердик, а Рикола с Оффой выскользнули следом, никто этого не заметил.

Чуть позже Сердик обнаружил возле своей хижины девушку-невольницу. Ее силуэт выдавался в слабом отблеске огня, выхватывая также короткие светлые волосы и придавая им странный блеск. Милашка, подумал купец. Шерстяная шаль соскользнула с плеч, приоткрыв груди – маленькие, но округлые. Если она и замерзла, то и сама не замечала. Сердик замедлил шаг.

– Где твой муж?

Она улыбнулась и кивнула на хижину:

– Спит. До утра не протрезвеет.

– Всю ночь одна, получается? – хмыкнул он.

Девушка взглянула на него, чуть помедлила и ответила:

– Похоже на то.

Сердик начал было поворачиваться, но остановился. Задумчиво посмотрел на нее. Внутри разлилась истома. Другие с женами, а он, хозяин дома, вынужден спать один.

С какой стати?

План был довольно прост. Даже груб. Но не так уж глуп.

– Нам нужно, чтобы она увидела, как он пойдет со мной. Больше ничего.

– Тогда она тебя и обвинит, – возражал Оффа.

– Нет, – мотала головой Рикола. – Не обвинит, если мы сделаем все правильно. Ему захочется женщину. Госпожа будет знать об этом. Я как бы перепугаюсь, потому что он господин и мне непонятно, что делать. Ты сходишь за ней. Скажешь, что это я послала тебя и зову на помощь.

– Она разгневется на него.

– Может быть. Но он все равно ее муж. Она не позволит ему спать с рабыней у нее на глазах. Быстро все прекратит, а женщина может сделать это только одним способом.

– Ляжет с ним сама?

– Она знает, что это возможно. На сей раз ей придется решать: либо принять его, либо он уцепится за другую. Да или нет. На месте. Она его жена! Если госпожа хотя бы наполовину женщина, то не стерпит. В конце концов, – мудро добавила Рикола, – будь она и вправду готова расстаться с ним, ее бы здесь уже не было.

Таков был план. Небольшой толчок, в котором нуждалась Эльфгива.

Оффа взглянул в темный двор из амбара, где прятался. Они были всего в двадцати шагах, и он отчетливо видел обоих на фоне тускло освещенного дверного проема. Рикола отлично справлялась, смеясь над какими-то словами хозяина и чуть запрокинув голову. Она

вела себя дружелюбно, естественно, приветливо и соблазнительно, не искушая его всерьез. Девушка увидела, как Оффа скрылся внутри.

Дело было проще простого, но ему следовало поторопиться.

В доме Сердика царил жар. У Оффы на миг защипало глаза от дыма, напитавшего воздух. Очаг и светильники заливали помещение теплым сиянием. Вопреки ожиданиям он не сразу разобрал, где сидела Эльфгива. Стол тянулся через весь небольшой зал. На полпути Оффе помешали пройти двое складских рабочих, которые вздумали отключиться в обнимку и мирно храпели. Обогнуть их не удалось, пришлось перелезть. Те ничего не заметили.

Наконец он добрался до госпожи, готовый произнести слова, которые Рикола заставила его много раз повторить.

Но Эльфгива беседовала с пожилым землевладельцем с верховья реки. Когда с ней попытался заговорить раб, она отмахнулась. Малый, однако, оказался настырен, и она велела ожидать. Эльфгива продолжила учтивый разговор со стариком, который выкладывал какую-то нескончаемую историю. Это утомляло, но нужно было выказать уважение. Предок землевладельца сразил в бою не меньше трех человек, включая видного северного вождя, – на этом месте Эльфгива вновь посмотрела на раба и заметила, что тот пришел в величайшее нетерпение.

Сообщение, отрепетированное Оффой, было очень простым. «Леди, меня послала жена. Она умоляет о помощи. Ей не хочется оскорбить господина». Верная рабыня, очутившаяся в неловком положении. Остальное же пусть он предоставит Риколу, велела та.

Но время истекло. Похоже, что землевладелец настроился поведать Эльфгиве еще и о братьях своего пращура. Оффа обеспокоился всерьез. Когда же госпожа чуть раздраженно повернулась к нему, он смешался.

– Моя жена... – начал он.

– Она мне сегодня не понадобится, – улыбнулась Эльфгива и стала отворачиваться.

– Нет же, госпожа! Моя жена...

– Не сейчас. – Она вновь вознамерилась показать ему спину.

– Госпожа, моя жена... – попробовал он опять, уже не без отчаяния. Затем продолжил, забыв заученное: – Ваш муж и моя жена... – Он указал на дверь.

Эльфгива нахмурилась:

– О чем ты говоришь? – Она наскоро улыбнулась землевладельцу.

– Они вас зовут! – выпалил парень, смутившись уже вконец.

Госпожа наконец пожала плечами, извинилась и направилась к двери.

Где же Оффа? Рикола так тщательно все рассчитала! Она хотела, чтобы купец дошел до известного предела и дальше не лез, но время шло, и Сердик возбудился. Она не знала, как быть. Прошло еще сколько-то времени, купец положил ей руку на плечо. Либо дать ему отпор и рассердить, либо...

Тех же все не было. Сердик улыбался шире и шире. Она чуть не скривилась в осторожной попытке убрать его лапу, которая уже нащупала грудь. Не сейчас, хотелось ей взвизгнуть. Не сейчас.

Но тот уже распалился до поцелуев.

Когда Эльфгива шагнула из низкого дверного проема в темный двор, то отчетливо различила у входа в хижину силуэты мужа и рабыни. Муж целовал девушку, которая ничуть не противилась. Платок валялся на земле. Когда они расцепились и глянули в ее сторону, Сердик улыбнулся одновременно виновато и торжествующе. Но девушка, изобразив странную пантомиму, будто отталкивает его, посмотрела на Эльфгиву со страхом.

Эльфгиве вспомнилось лишь одно. О чем имела дерзость заявить ей маленькая невольница? «Не будет вашим – станет чьим угодно еще». Что-то вроде этого. А теперь она решила, что может забрать его и сама.

Женщина повела плечами. Конечно, она была уязвлена. Да просто пришла в бешенство! Однако с горечью подумала, что если муж предпочел развлекаться с рабыней, то будет ниже ее достоинства обратить на это внимание. Не глядя более ни на Оффу, ни на любовников, госпожа вернулась на пир, преследуемая юношей, который порывался что-то сказать. Но она не слушала.

Ибо несчастная Рикола не осознала одного. Горюя, Эльфгива могла ей довериться, однако Рикола была для высокородной саксонской госпожи всего лишь рабыней и никакая не соперница. Дело не стоило и ломаного гроша. Она невольница, которой муж мог воспользоваться ночью за неимением лучшего, а после избавиться от нее. Эльфгива же даже в таких обстоятельствах легко могла выбросить ее из головы.

Что и сделала. Возвращаясь к болтливому старику, она просто махнула юному Оффе, чтобы шел прочь.

Когда тот снова вышел наружу, Сердик с Риколой исчезли.

Ночь показалась Оффе долгой. Ветер стих. Поначалу, сидя у двери хижины, он видел, как из господского дома напротив выходили люди и, спотыкаясь, брели по двору. Иногда он слышал приглушенное бормотание и пьяный смех. Не купец ли с Риколой?

У той не осталось выхода. Оффа понимал это. Даже окажи она сопротивление, купец был больше и намного сильнее, а прав у них с Риколой, как у рабов, немного. Его поразила ирония ситуации. В родном селении, будучи вольным человеком, он мог противостоять старейшине – по крайней мере, потребовать возмещения ущерба. Но, потеряв голову, а за ней и свободу, обеспечил себе повторение этой истории, на сей раз оказавшись совершенно беспомощным.

Оффа застонал, сокрушаясь о собственной глупости.

Недолгое время он тешил себя тщетной надеждой на то, что Риколе удалось сбежать от купца. Может, Сердик оказался слишком пьян или она как-то сумела отвертеться. Это упование было в лучшем случае призрачным. Оно иссякло, когда ночь сгустилась, а Рикола так и не пришла.

Вопреки здравому смыслу Оффу подмывало отправиться на поиски. Где они – может, в амбаре? Или в какой-то хижине?

«Но что я сделаю? – буркнул он себе под нос. – Воткну и в него булавку? – Обдумывая безнадежность ситуации и свою глупость в том, что он позволил Риколе эту затею, Оффа покачал головой. – Никогда бы такого не сделал, если бы не проповедник. Много же мне проку от его нового бога!» Фрейр-на-Кресте показался ему бессильным божеством.

Рикола же, покоившаяся в могучих руках Сердика, размышляла. Сперва она уплыла мыслями к мужу, затем к Эльфгиве. Чем обернется для них нынешняя ночь? Для ее брака, положения при госпоже, дальнейших отношений с купцом? Она мягко провела рукой по его груди, ощутив жесткие волосы. Хотела уйти, но тот уснул, прижимая к себе крепкой рукой. В предутренние же часы купец пробудился.

Рикола знала, по крайней мере, одно. Она уже понесла новую жизнь, принадлежавшую ей и Оффе, которую была обязана защищать при любых обстоятельствах.

Однако Рикола несказанно удивилась бы, разгляди она в предрассветные зимние сумерки свою госпожу.

Эльфгива не спала. Она лежала без сна, беспокойно ворочаясь. Перед глазами вновь и вновь проходили события минувшего вечера, и вскоре гнев уступил место другому чувству,

попроще, – сожалению. «Почему я не остановила его?» И дальше, словно обращаясь к кому-то еще: «Он был твоим, и ты его отвергла».

Она была оскорблена, но и мужа жалела. Ей было известно о его нуждах, но она отказала ему. И почему? Из-за верности своим богам. Из страха унижения. Из гордости. Но счастлива ли она в гордыне? Хуже ли унижение этого безобразия? А что до богов ее предков и верности оным, то разве утешили ее этой зимней ночью Воден, Тунор и Тив? Ей казалось, что нет.

Чуть до того, как забрезжил рассвет, Эльфгива закуталась в тяжелые меха и сошла по склону к реке. Вода текла еле слышно и в темноте казалась черной. Сгорбившись, Эльфгива присела на мол и уставилась на реку.

Как поступил бы отец? Он поднял бы парус и отправился к далеким берегам, доверившись богам и бросив вызов морю. Но он был мужчина. Ночь длилась, и выбор старого мореплавателя казался ей все менее важным. И все же эта бесстрашная душа могла бы одобрить решительность, с которой Эльфгива устремилась вверх по склону.

В конце концов юная Рикола оказалась права. Ее уловка сработала, хотя и позднее, чем ей хотелось. Эльфгива решила восстановить свою власть над браком.

А потому наутро Сердик внимал жене с облегчением и теплым довольством, та же твердо рекла:

– Я приму твоего нового бога. Скажи своему жрецу – пусть крестит. – Однако добавила: – Девчонка-рабыня должна уйти.

Тот улыбнулся и обнял ее.

– Девчонка должна уйти, – повторила Эльфгива.

Он пожал плечами, как будто это не имело значения.

– Все, чего пожелаешь, – сказал он. – В конце концов, она принадлежит тебе.

Той долгой ночью произошло еще одно событие, неведомое никому из них.

Прибыл гость.

Едва над протяженным эстуарием Темзы занялся рассвет, течением понесло одинокое судно. И с наступлением тягостного, промозглого дня оно только-только нырнуло в большое колено книзу по течению от поселка.

Когда с приплюснутого ходкого судна стала видна пристань Лунденвика, стоявший на баке невысокий и коренастый человек в предвкушении уставился на него. Ему было за сорок, он отличался довольно грубым лицом и пегой, очень коротко стриженной бородой. Из всех фризийских торговцев он один отваживался путешествовать к острову в это холодное и опасное время года. Он делал это потому, что был бесстрашен, умен и алчен. Товар свой он покупал задешево, ибо его владельцы экономили на обустройстве и пропитании оногo в зимние месяцы. Купец этот также оказывался обычно единственным, кто доставлял припасы, остро потребные до прихода весны. Он промышлял людьми. Всему североευропейскому побережью было известно: «Зимой рабов дождешься только от этого хитрого фриза». Он достиг Лунденвика к полудню.

При виде фризийского судна Сердик улыбнулся.

– Так и знал, что прибудет, – заметил он десятнику.

– Рассчитывал, – ухмыльнулся тот.

– Верно. – Торгуя северными рабами, Сердик предоставил купцу думать, будто потратится на их содержание в течение всей зимы, а потому приобрел по намного более выгодной цене. – Я и не говорил, что не сумею продать их до весны, – напомнил Сердик. – Я только сказал, что работорговля обычно начинается весной.

– Разумеется.

Сердик никогда не лгал.

К середине дня фриз осмотрел северных рабов и дал хорошую цену. Он удивился и восхитился, когда Сердик сделал жест доброй воли и предложил еще двоих сверху – мужчину и женщину – со скидкой.

– Я просто хочу избавиться от них, – объяснил Сердик. – Но они не доставят тебе никаких хлопот.

– Беру, – сказал фриз и заковал обоих в цепи вместе с прочими.

Совсем без хлопот, впрочем, не обошлось. На закате девка принялась вопить, что хочет поговорить с хозяйкой. Но та, похоже, разговаривать не желала, а потому работороговец быстро утихомирил ее кнутом, после чего отправился трапезничать к Сердику. Утром он собирался отчалить с отливом.

В англосаксонском календаре самая длинная ночь в году называлась *модранехт* – мать всех ночей.

Сердик с женой уже давно не спали вместе, но нынче, когда легли, купец словно вернулся домой, а что до Эльфгивы, то ей показалось, будто этой долгой ночью в ней что-то раскрылось вновь. Нечто чудесное и загадочное.

Утром она проснулась с мирной, особенной улыбкой.

Судно подготовили к отплытию.

Это была скандинавская ладья с высоким килем, очень похожая на ту, которую осенью разгружал Оффа. Ширина позволяла рабам сидеть в средней части с вытянутыми ногами. Во избежание неприятностей лодыжки у них были скованы.

И все же Рикола продолжала лихорадочно размышлять. Несчастливая пролежала в невольничьей конурке всю ночь, надеясь на помилование. Пыталась поговорить с Эльфгивой. Ей было нужно всего несколько секунд – она объяснила бы все. Рикола не сомневалась в этом. Однако с момента, когда наутро за ними с Оффой пришли люди Сердика, хозяйка как в воду канула. Для Эльфгивы и ее мужа оба они вдруг перестали существовать. Когда Рикола воспротивилась и попыталась криком донести свое сообщение до людей вне жилища рабов, фриз жестоко избил ее кнутом. После этого к месту, где жили рабы, не подходил никто. Ни одна живая душа.

Конечно, сочувствующий найдется. Хотя бы Вистан, раз не его мать. Рикола сочла свою изоляцию преднамеренной. Кто-то об этом распорядился – либо Эльфгива, либо ее супруг. Приблизиться к ним с Оффой запретили. Никакого общения. Этих рабов надлежало вычеркнуть из жизни.

Но если бы только Эльфгива знала ее секрет! Сказать бы ей лишь о беременности! Неужто женщина не исполнится сострадания? Когда наконец рассвело и Риколу почудилось, что вокруг ходят люди, ее надежды чуть укрепились и сосредоточились на одном, жизненно важном деле. Неведомо как, но по пути от жилища рабов к лодке она должна передать Эльфгиве это единственное сообщение. Без разницы, сколько безжалостных ударов кнутом она заработает. Рикола была обязана сказать.

Миновал час. Под дверь проникал свет. Немного позже она распахнулась, вошел фриз. Он молча выдал им ячменные лепешки с водой и скрылся вновь. Прошло еще какое-то время, пока он не вернулся с четырьмя матросами из своих восьми и не вывел всех в холодное, серое утро.

Как и ожидала Рикола, на берегу столпились люди, желавшие посмотреть на отплытие. Она увидела складских рабочих, десятника, женщин, с которыми трудилась изо дня в день. Но не было никого из семейства Сердика – даже ни одного из четверых сыновей. Если они и следили, то пребывали вне поля зрения.

Очутившись на прибрежной возвышенности, Рикола прошла вблизи от одной из женщин – стряпухи.

– Я понесла, – шепнула она. – Передай госпоже Эльфгиве. Скорее!

– Молчать! – рявкнул фриз.

Рикола умоляюще взглянула на женщину.

– Ты что, не понимаешь?! – крикнула она. – Я понесла!

В следующую секунду ее плечи ожгло; затем на шею легла рука фриза и толкнула вперед. Больно вывернув шею, девушка изловчилась оглянуться на женщину. Широкое саксонское лицо стряпухи было бледным – возможно, слегка испуганным, но она не шелохнулась.

Фриза что-то отвлекло. Он отнял руку и направился в начало строя. Рикола же проходила мимо десятника.

– Я понесла, – обратилась она к нему. – Передай госпоже, это все! Я понесла.

Тот бесстрастно уставился на нее, как на скотину. Хрясь! Со свистом кнут опустился вновь. Один раз, другой, обвиваясь вокруг шеи, понуждая к страдальческому крику.

Теперь Рикола была вне себя. Терять было нечего. Достоинства не осталось, о боли можно забыть.

– Я тяжелая! – закричала она во всю мощь своих легких. – Госпожа Эльфгива! Я понесла! Неужели вы не понимаете? Понесла! У меня будет дитя!

Четвертый удар пришелся на место первого и рассек глубоко. На миг Рикола едва не лишилась чувств. Она ощутила, как сильные руки волокут ее вниз, и все причитала:

– Дитя... У меня будет дитя...

Она содрогалась всем телом от потрясения и боли. Но никто так и не сдвинулся с места.

На судне она сидела тихо и минут пять приходила в себя. Фризские матросы равнодушно грузили товар. Сам торговец, руководивший ими, как будто забыл о ней, словно и не было вспышки ярости.

Крик ее, разумеется, разнесся по всему торговому посту. Эльфгива или хоть кто-нибудь из семьи не могли не услышать. Рикола посмотрела на северных рабов впереди. У них, по крайней мере, и надежды-то не было. Их ждала какая-нибудь далекая франкская ферма или средиземноморский порт. Этим рабам предстоял тяжелый труд, пока они не ослабеют, после чего им, вполне вероятно, придется работать еще усерднее. А потом наконец они отдадут себя до капли и умрут. Если только не повезет очень и очень крупно.

А как поступали с беременными? Позволят ли ей остаться с мужем? Рикола подумала, что вряд ли. А что будет с ребенком? Кто бы ее ни купил, он мог сохранить ему жизнь. Но вероятнее... Об этом она едва могла думать. Вероятнее, как говорили, дитя утопят, едва оно родится. Какая польза хозяину от младенца?

Ее взгляд упал на высокий изогнутый нос ладьи. До чего же он был безжалостен, подобный некоему огромному холодному клинку, готовому резать воду! Или, подумалось ей, напоминает клюв зловещей хищной птицы. Она обратила взор к берегу.

Лунденвик. Последнее место, где ноги их ощутили британскую почву. Серый, угрюмый Лунденвик – причал, откуда англосаксы продавали своих сыновей и дочерей. Она ненавидела его вкупе с бесстрастными лицами на зеленом берегу.

– Похоже, им дела нет до нашего отплытия.

Рикола вдруг поняла, что в своем отчаянии не говорила с Оффой с минувшего вечера. Бедняга Оффа, воткнувший булавку в старейшину, поверивший в ее неудачный замысел. Оффа, отец ее ребенка, которому, быть может, суждено умереть. Она взглянула на него, но ничего не сказала.

Фриз шел назад. Матросы на корме и носу приготовились отчалить. Все было кончено. Сокрушенно трясая головой, Рикола уставилась в днище, а потому не увидела Эльфгиву, спускавшуюся по травянистому склону.

Она слышала.

Но сломил ее не только вопль Риколы. То был вопль вкупе с чем-то еще – тем, что произошло между мужем и женой в усадьбе Сердика, когда сошла мать всех ночей – крохотное семя радости долгой ночью зимнего солнцестояния. Утром она проснулась, потянулась и ощутила мужнин поцелуй, а после услышала крик девушки. Сжалиться над несчастной Риколой и ее мужем Эльфгиву заставило это новое, тайное тепло.

Потому вскоре, к своему великому изумлению, чета вновь оказалась во дворе длинного, крытого соломой здания перед своей госпожой.

Беседа, однако, не затянулась. Эльфгива оказалась лаконична. Она велела им замолчать немедленно, как только те попытались объясниться. У нее не было желания слушать.

– Радуйтесь, что вы не на невольничьем судне, – заявила она. – И можете считать, что вам повезло еще больше. Я возвращаю вам свободу. Идите куда хотите, но чтобы ноги вашей не было в Лунденвике.

Она повелительно махнула им, и те поспешили уйти.

Чуть позже Сердик, с причала наблюдавший за их уходом, испытал соблазн сделать девчонке подарок, но передумал.

Днем посыпал снег. Размеренный, неспешный. Побережье укрыло белым одеялом.

Рикола и Оффа ушли недалеко. Оффа сладил шалаш неподалеку от брода на острове под названием Торни. Снег был ему в помощь. Работая проворно, мужчина окружил строение снежными стенами. К сумеркам они с Риколой неплохо согрелись в этом подобии дома, укрепленном хворостом и валежником. У входа он развел костер. У них было немного еды:стряпуха снабдила их ячменными лепешками и мясом, оставшимися с пиршества; этого должно было хватить на несколько дней. Но с приходом ночи к их маленькому лагерю подъехал всадник. Голову скрывал капюшон; он спешился, и пламя высветило дружелюбное лицо юного Вистана.

– Держите, – ухмыльнулся он и бросил наземь предмет, крепившийся к седлу, – оленью ляжку. – Завтра наведаюсь опять, чтобы узнать, все ли у вас ладно, – пообещал он, прежде чем уехать.

Так молодая чета начала новую жизнь среди дикой природы.

– Пусть волосы отрастают, – с улыбкой напомнил Риколе Оффа. – Отныне мы хотя бы не рабы.

Из оленьего жира он как мог изготовил немного масла, чтобы смазать следы от кнута на ее шее и плечах. Она поморщилась, когда муж дотронулся до них, но ничего не сказала, и Оффа продолжил.

Ни тогда, ни впоследствии они не говорили о ночи, проведенной Риколой с купцом. Но когда Оффа спросил, действительно ли она беременна и та кивнула, он испытал облегчение. Теперь вторжение купца в его жизнь почему-то казалось не столь уж важным.

– Проведем здесь несколько дней, – заявил Оффа. – Потом я что-нибудь придумаю.

Река была протяженной. Долина – изобильной. Река позаботится о них.

Той же зимой на реке зародилась еще одна жизнь. Ко второму месяцу года Эльфгива убедилась, что зачала.

– Я уверена, что это случилось в модранехт, – заметила она мужу, к его удивлению и восторгу, однако не поделилась с ним своим предчувствием, что на этот раз будет девочка.

Эльфгиве осталось исполнить единственный долг. Епископ Меллит вернулся проинспектировать строительство маленькой соборной церкви Святого Павла лишь к весне, в четвертый месяц года, когда англосаксы отмечали древний праздник богини Эостры. Стройка теперь продвигалась стремительно. Окрестные землевладельцы, не исключая Сердика, выделили дополнительную рабочую силу. Под надзором монахов и с применением римских камней и плитки,

лежавших повсюду, строители возвели скромный четырехугольник стен с маленькой круглой апсидой с одной стороны. Крышу сделали деревянной, не умея выстроить ничего сложнее. Постройка, выросшая близ вершины западного холма, смотрелась очень неплохо.

И вот накануне чествования Эостры Эльфгива в присутствии четверых своих сыновей была препровождена мужем к речушке Флит, где преклонила колени на берегу, а епископ Меллит окропил ее водой в простом обряде крещения.

– Коль скоро имя твое, Эльфгива, означает «дар эльфов», – улыбнулся епископ, – я крещу и нарекаю тебя новым. Отныне ты будешь зваться Годивой, что означает «дар Бога».

В тот же день он обратился к жителям Лунденвика с очередной проповедью, в которой подробнее растолковал смысл Страстей Христовых и то, как сей невиданный Фрейр воскрес из мертвых после распятия. По его словам, этот великий праздник имел первостепенную важность в христианском календаре и всегда выпадал примерно на эту пору.

А потому с тех пор Пасха – главный христианский праздник – на английском звучит как Easter, и это название идет от имени языческой богини весны Эостры.

Переход англосаксов в христианскую веру и восстановление древнего римского города Лондиниума, или Лундена, как называли его саксы, не был окончательным.

Миновало чуть больше десяти лет, и короли Кента и Эссекса упокоились вечным сном. Их народы восстали против новой религии, и новоявленным епископам пришлось уйти.

Но Римская церковь, единожды утвердившись, так просто не сдавалась. Епископы вскоре вернулись. На протяжении следующего столетия или около того великие миссионеры – епископ Эрконвальд среди них – устремлялись в отдаленнейшие уголки, и Англосаксонская церковь пополнилась видными святыми и стала одним из ярчайших светочей христианского мира.

В последующие века Лунденвик разросся в важный саксонский порт. А много позднее, в эпоху короля Альфреда, над ним снова возобладал римский город, после чего старый торговый пост в миле к западу вспоминали как «старый порт» – auld wic, или Олдвич. Но это явилось делом далекого будущего. И на протяжении веков после Сердика Лондиниум, заключенный в стены, стоял особняком. Там отстроили лишь несколько религиозных строений да, может быть, скромный королевский замок. На западном холме, где девочкой бегала дочь Годивы, домов было мало. Однако она навсегда запомнила, как каждый месяц или два примечала веселого рыбака с прядью белых волос на лбу, который отчаливал от мыска на южном берегу в долбленной лодочке, сопровождаемый несколькими своими детьми, и все бродили в развалинах, исследуя почву.

Только кто они были и что искали – она так и не узнала.

Завоеватель

1066 год

6 января в год от рождения Господа нашего 1066-й, в праздник Богоявления, знатнейшие лица англосаксонского королевства Англии собрались на островке Торни в непосредственной близости к порту Лондон для участия в чрезвычайных событиях. Явились все: Стиганд, саксонский архиепископ Кентерберийский, весь королевский совет – витенагемот, могущественные горожане Лондона. Они держали двухнедельный пост.

Тем холодным зимним утром не было ничего примечательнее, чем место, где они встретились.

На протяжении поколений островок возле старого брода был населен скромной монашеской общиной. Церковь, посвященная святому Петру, могла вместить только их и небольшой приход. Однако ныне на реке выросло новое святилище. Ничего подобного в Англии не бывало с римских времен. Возведенный на просторном, обнесённом стенами участке, с основанием в форме креста, этот храм из белого камня затмевал даже старый собор Святого Павла на ближнем городском холме. Поскольку монастырь Торни находился к западу от Лондона, он получил название Вест-Минстер,¹³ и этой новой достопримечательности предстояло в дальнейшем именоваться Вестминстерским аббатством.

Всего за двенадцать дней до того, в рождественское утро, дряхлый белобородый король Эдуард, делом жизни которого было аббатство, гордо взирал на архиепископа, освящавшего новое здание. За этот праведный труд ему предстояло прославиться под именем Эдуарда Исповедника. Но бдение завершилось. Дело сделано, и он обрел свободу искать себе вечный покой. Этим утром короля Эдуарда погребли в аббатстве, и знатные люди, покидавшие церковь, знали, что к ним обращены взоры всего христианского мира.

О приближении смерти английского короля было известно от папского двора в Риме до скандинавских фьордов. И он не оставил сына. В тот самый миг плели интриги авантюристы Нормандии, Дании и Норвегии, и в каждом монаршем дворе северного мира звучал единственный вопрос: кто примет корону?

Человек, лицо которого скрывал капюшон, безмолвно и неприметно наблюдал за небольшой компанией.

Двое мужчин, закутанных в тяжелые одежды, стояли снаружи, отчасти оставаясь под покровом великого аббатства. Было сказано, что ничто не сокрушит их дружбы, но он в это не верил. Вражда упорна. Дружба не столь надежна. Особенно в подобные времена.

Посыпал снежок; в сотне ярдов от них члены витенагемота пересекали огороженное пространство, направляясь к вытянутому низкому строению на берегу реки, где находились покои усопшего короля и где теперь им предстояло выбрать нового. Река позади волновалась, но вяло, что указывало на скорое изменение течения. Меньше чем в паре миль над грязевыми проплешинами близ большого изгиба реки сквозь падавший снег проступали стены Лондона и длинная деревянная крыша саксонского собора Святого Павла.

Человеку слева было около сорока; он отличался хорошим сложением; волосы поредели, зато золотистая борода знатная. У него, как и у его предка Сердика, переправлявшего рабов с древнего торгового поста, именовавшегося ныне Олдвичем, была широкая грудная клетка;

¹³ То есть западный кафедральный собор или монастырская церковь.

опять же широкое германское лицо с печатью бодрого, уверенного самообладания и острые синие глаза, за сто шагов примечавшие недомер и недoves. Он славился исключительной осторожностью, в которой иные видели достоинство, другие – недостаток. Но ни разу не случилось, чтобы он нарушил данное слово. Единственный его изъян – большая спина, поврежденная падением с лошади, но он гордился тем, что о его частых мучениях знал только самый близкий круг. То был Леофрик, лондонский купец.

Если Леофрик был дороден, то его спутник был настоящим великаном. Хротгар Датчанин нависал над своим саксонским товарищем. Голову покрывала пышная рыжая грива; такая же рыжая борода имела два фута в ширину и три – в длину. Сей громоздкий потомок викингов мог поднять взрослого человека одной рукой, любой на выбор. О его гневных вспышках, когда лицо наливалось краской под стать волосам, ходили легенды. От удара по столу его кулака бледнели могучие мужи; едва звучал его дикий рев, на улице спешно захлопывались двери. Тем не менее сей богатый и властный знатный муж пользовался любовью соседей. Это могло объясняться происхождением. Двумя веками ранее его прапрапрадед снискал репутацию свирепого воина-викинга, не выносившего убийства детей. Его команда «Bairn ni Kel» – «Детей не убивать», – предвзявшая каждый набег, приобрела такую известность, что сделалась прозвищем. Пятью поколениями позже его потомков все еще называли семьей Бар-ни-кель. Поскольку он жил на восточном лондонском холме, а торговал с нижней пристани, имевшей название Биллингсгейт, его нарекли Барникелем Биллингсгейтским.

Зеленый плащ сакса был оторочен рыжим беличьим мехом, но синий плащ Барникеля – дорогим горностаевым из вотчины викингов, именуемой Русь: знак того, что тот и впрямь был богат. И если сакс задолжал состоятельному датчанину, то что за дело промеж друзей? Дочери Леофрика, его старшему чаду, предстояло в следующем году выйти замуж за сына норманна.

Мало что могло доставить Барникелю большую радость. При виде девушки его огромное лицо неизменно смягчалось и расплывалось в улыбке. «Свезло же тебе, что я выбрал ее для тебя», – говаривал он сыну удовлетворенно. Ей же, скромной, с милой улыбкой и мягким, задумчивым взором, было всего четырнадцать, но она отменно усвоила домоводство, умела читать, а ее отец признавал, что в делах его дочь разбиралась не хуже, чем он сам. Рыжебородый датчанин-гигант уже испытывал к ней отеческие чувства. Ему не терпелось увидеть ее за своим семейным столом. Он бодро приговаривал: «Уж там-то я присмотрю, чтобы сынок мой обращался с тобой подобающе». Супруге же признался: «Насчет же Леофрика – не сказывай ему, но долг я после свадьбы прошу».

Витенагемот открыл заседание, и двое мужчин ждали, переминаясь на холоде.

Человек в капюшоне задумчиво наблюдал за ними. Он знал, что обоим было чего нынче бояться, но полагал, что в большей опасности находился сакс. Это вполне устраивало его. На датчанина ему плевать, но сакс был совсем другое дело. Днем раньше он направил Леофрику послание. Сакс пока не ответил, но вскоре ему придется ответить. «И тогда, – пробормотал человек, – он будет в моих руках».

Сакс и датчанин. Однако спроси у Леофрика или Барникеля, где их дом, оба без колебаний назвали бы себя англичанами. Чтобы понять их, равно как уяснить выбор, стоявший перед витенагемотом тем судьбоносным январским утром 1066 года, не обойтись без рассмотрения важных перемен в северном мире.

На протяжении четырех столетий по завершении британской миссии святого Августина многочисленные англосаксонские королевства медленно, но верно сливались в единую Англию, хотя кельтские Шотландия и Уэльс оставались особняком. Однако в дальнейшем, два века назад, Англия была чуть ли не уничтожена при добром короле Альфреде.

Набеги ужасных викингов на северные земли длились несколько веков. Этих норманнов именовали купцами, первооткрывателями и пиратами. Они и являлись и тем, и другим, и тре-

тым. Покинув свои фьорды и гавани, они бороздили в драккарах моря, заселяли Русь, Ирландию, Нормандию, Средиземноморье. Побывали даже в Америке. От Арктики до Италии они торговали мехами, драгоценностями и вообще всем, что прибирали к рукам. Сорвиголовы эти, с неистовыми синими очами, пылающими бородами, увесистыми мечами и грозными топорами, беспробудно пьянствовали, клялись друг другу в верности и носили скучные длинные громоздкие имена, вроде Рагнара Волосатого, Умертвителя Тостига Гордого, будто оставаясь героями нордических саг.

Викинги, растекшиеся по острову в девятом веке, были преимущественно данами. Они вступили в окруженный стенами торговый центр под названием Лондон и спалили его. Но если бы не героические сражения короля Альфреда, они захватили бы и весь остров; даже после побед Альфреда они продолжали удерживать обширные английские территории на севере Темзы.

Край, где они осели, стал известен как Денло. Его английскому населению пришлось жить по датским законам. Впрочем, это было не так уж плохо. Даны являлись северным народом, их язык был похож на англосаксонский. Они даже приняли христианство. И если на юге саксонскую бедноту постепенно закабалили, то датские флибустьеры жили вольнее – крестьяне сохраняли независимость и никому не принадлежали. После того как потомки Альфреда восстановили контроль над Денло и объединили Англию, южане по-прежнему пожимали плечами: «С северянами не поспоришь. У них там вольница».

Но мир был редкостью на лихом севере, и вот даны, не успев наступить год тысячный, снова вторглись на изобильный остров.

В сей раз им повезло больше. Англией правил уже не Альфред, а его бездарный потомок Этельред, который, поскольку не имел обыкновения прислушиваться к добрым советам, прославился как Этельред Неразумный. Год за годом этот дурной король платил им дань – данегельд, пока англичане, уставшие от него, не сделали монархом датского короля. Дед Леофрика однажды обронил: «Раз уж плачу данегельд, так пусть хоть будет какой-то порядок».

Он не разочаровался. Правление короля Кнута, который быстро занял как датский, так и английский троны, было долгим и образцовым. Его могущество наводило страх, о его житейском здравом смысле слагали легенды. Датский род Барникелей нашел радушный прием при дворе, но того же удостоились дед Леофрика и многие подобные ему саксы. Справедливо владея над Англией как английский король, Кнут привел землю к единству, миру и процветанию, и если бы сын его не скончался вскоре после наследования престола, тем самым вынудив английский витенагемот избрать из древнего саксонского рода благочестивого Эдуарда, Англия могла остаться англо-датским королевством.

Это слияние саксонской и датской культур нигде не происходило столь успешно, как в разраставшемся порту, ныне известном как Лондон. Он находился на старой границе между саксонской и датской Англией, а потому культуры объединились самым естественным образом. Хотя общегородской сход у старого креста возле собора Святого Павла, куда трижды в год сзывал большой колокол, оставался саксонским фольксмутом, собрание отцов города, управлявших торговлей, именовалось на датский манер: хастингс. И если некоторые деревянные церквушки посвящались саксонским святым, например Этельбурге, другие носили скандинавские имена, такие как Магнус или Улаф. А вдоль дороги на Вестминстер расположился сельский приход бывших викингов-колонистов, названный Сент-Клемент Дейнс.

Поэтому нынешним холодным зимним утром датчанина Барникеля и сакса Леофрика свело единое чаяние: им был желанен английский король.

Из благостного прозвища можно было бы заключить, что Эдуарда Исповедника почитали, но это не так. Он оказался не только проходной фигурой, но и чужаком. Хоть и саксонского происхождения, он вырос во французском монастыре, взял в жены француженку, а горо-

жане и знать, давно привыкшие к купеческим французским и германским общинам в Лондоне, не были допущены ко двору и должностям. Аббатство Эдуарда говорило само за себя. Саксонские церкви обычно представляли собой скромные деревянные строения, изобиловавшие искусной резьбой. Даже немногочисленные каменные выглядели так, будто задумывались из дерева. Но массивные колонны и округлые арки аббатства были выдержаны в строгом романском материковом стиле. В них не было ничего английского.

Однако последний удар нанес Вильгельм Нормандский.

У витенагемота было три кандидатуры. Легитимной являлась только одна – племянник короля Эдуарда, но он был юн, воспитан матерью-иностранкой и не имел приверженцев в Англии.

– Не бывать ему королем, – заявил Леофрик.

Еще был Гарольд. Не королевского рода, но благородный англичанин, отличный полководец и любимый в народе.

И был нормандец.

Прошли поколения с тех пор, как предприимчивые викинги колонизировали эту западную прибрежную область Франции. Они смешались с местным населением и уже стали франкоязычными, но тяга к странствиям никуда не делась. Последний герцог Нормандский, не имевший законного преемника, передал бразды правления сыну-бастарду.

Безжалостный, честолюбивый, возможно подстегиваемый чувством собственной незаконнорожденности, Вильгельм Нормандский являлся серьезным противником. Заключив брак, благодаря которому породнился с женой Эдуарда Исповедника, он усмотрел подходящий случай наследовать бездетному монарху и стать королем. Он возглашал из-за Английского канала, что Эдуард посулил ему трон.

– Зная короля, скажу, что так оно, может статься, и было, – мрачно заметил Барникель.

Но оба тотчас умолкли. Витенагемот устремился на выход.

– Внемли же нашим робким молитвам и благослови слугу Твоего, которого мы в скромном рвении избрали быть королем англосаксов...

Так говорилось при удерживании короны над главой нового монарха. Затем наступал черед коронационной клятвы, в которой тот обещал мир, порядок и милость. После же этого епископ взывал к Аврааму, Моисею, Иисусу Навину, царю Давиду и Соломону Премудрому, вновь испрашивая Божьего благословения, и помазывал короля миррой. И только затем водружал корону доброго короля Альфреда и вручал скипетр, как символ власти, и жезл, как символ правосудия.

Именно так, через считанные часы после похорон короля Эдуарда, в стенах Вестминстерского аббатства впервые состоялась традиционная английская коронация. Леофрик и Барникель зажглись надеждой при взгляде на ладно сложенного человека с каштановой бородой и ясными голубыми глазами, отважно взиравшего с трона. Саксонскому королю Гарольду предстояло славное будущее.

На выходе из аббатства по окончании службы Барникель Биллингсгейтский совершил большую ошибку.

Следивший за ними человек в капюшоне стоял у двери. Теперь он обнажил голову, отбросив капюшон на плечи.

То была странная личность. Вблизи массивной колонны сей тип мог быть принят за статую, темный каменистый наrost. Черный плащ сложен подобно птичьим крылам. При непокрытой голове стало видно чисто выбритое лицо и волосы, коротко остриженные по норманнской моде в кружок изрядно выше ушей. Однако поистине замечательной была другая особенность. Бледное овальное лицо с внушительнейшим носом. Тот был не столько широк,

сколько длинен, не заострен, а скруглен на кончике, не красен, но отчасти блескуч. Нос до того особенный и нешуточный, что при склоненной голове упирался в складки плаща, словно клюв зловещего ворона.

Когда собрание потянулось к выходу, человек остался на месте, и теперь два друга увидели его. Он поклонился.

Леофрик ответил коротким поклоном.

«Сакс осторожен, – подумал тот. – Оно и к лучшему».

Но датчанин, красный от волнения, повернулся к нему и презрительно рыкнул:

– Благодарение Богу, у нас есть английский король! Поэтому не суйся своим французским носищем в наши дела.

Он выкатился прочь, тогда как Леофрик смутился.

Станный незнакомец промолчал. Он не любил, когда люди отзывались о его носе.

Леофрик посмотрел на девушку. Поморщился. Он простоял на холоде целый день, и спина разболелась невыносимо. Но он скривился не от боли.

До чего же она невинна! Он всегда считал себя человеком порядочным. Человеком слова. Хорошим отцом. Как же он мог столь низко предать ее?

Он восседал на прочной дубовой скамье. Перед ним на длинном столе коптила жировая лампа. Помещение было просторным. Деревянные стены грубо оштукатурены, на одной – гобелен с изображением оленьей охоты. Три оконца затянуты промасленной тканью. Пол покрыт камышом. В середине стояла большая жаровня, полная тлевших углей, дым от которых впитывался в соломенную крышу. Внизу – вместительный подвал, где складировались товары; снаружи – двор, окруженный служебными постройками, и маленький сад. По сути, то была улучшенная версия старой усадьбы в Олдвиче, где жил его предок Сердик.

Леофрик еще раз вспомнил послание, полученное накануне. Он не был уверен в его смысле, но думал, что догадался. И что, если он прав? Возможно, существовал какой-то выход, но купец не видел его. Ему придется совершить этот ужасный поступок.

– Хильда, – поманил он.

Та покорно приблизилась.

Снег перестал. Осталась лишь пелена облаков, под которыми мирно раскинулся город Лондон.

Хотя главной резиденцией саксонских королей оставался Винчестер, расположенный на западе, Лондон купца Леофрика был шумным местом. Ныне здесь обитало свыше десяти тысяч человек – торговцев, ремесленников и священнослужителей. Древний город постепенно оживал, подобный некоему огромному, обнесенному стенами и долго пробывшему в запустении саду. Король Альфред восстановил римские стены. На холмах-близнецах раскинулась грубая сетка улиц вкупе с парой саксонских селений, каждая с собственным рынком – англосаксы называли их чипами. Появились пристани и новый деревянный мост. Здесь же чеканили монету. Но в саксонском Лондоне с его бревенчатыми, соломой крытыми домами, амбарами, усадьбами, деревянными церквями и раскисшими улочками по-прежнему витал дух большого ярмарочного города.

Кое-что, впрочем, напоминало о римском прошлом. Отчасти уцелела нижняя из двух знаменитых дорог, тянувшихся через город. Вступая в западные ворота, теперь называвшиеся Ладгейт, он пересекал западный холм рядом с собором Святого Павла и заканчивался на речном склоне восточного, на саксонском рынке Ист-Чип. Верхняя римская магистраль сохранилась хуже. Начинаясь от западной стены возле ворот Ньюгейт и проходя севернее собора Святого Павла, она тянулась под протяженным, открытым пространством Уэст-Чипа, далее, однако, переходила на восточный холм и бесславно терялась среди коровников. Оттуда к вер-

пшине, названной Корнхилл из-за посевов зерновых, уходила теперь саксонская проселочная дорога.

От знаменитого форума не осталось и следа. Амфитеатр превратился в приземистые руины, над которыми высились несколько саксонских построек да разрослись ясени. Однако то там, то здесь все еще можно было найти обрушенную арку или кусок мрамора – случалось, что первая подпирала соломенную крышу оживленной лавки, второй же скрывался под плетеной изгородью.

Единственной городской достопримечательностью являлось вытянутое, похожее на амбар саксонское здание собора Святого Павла с его высокой деревянной крышей. А самым колоритным местом – длинный отрезок Уэст-Чипа, отходивший от собора и неизменно забитый торговыми прилавками.

На полпути по Уэст-Чипу с его южной стороны, близ крохотной саксонской церкви Святой Марии, тропа спускалась к старому колодцу, возле которого высился красивый особняк, украшенный по причине, уже забытой, увесистой вывеской с нарисованным быком. И поскольку дом принадлежал богатому саксонскому купцу, того прозвали Леофрик, который живет под знаком Быка.

Хильда смиренно стояла перед ним, одетая в простую шерстяную рубаху. Что за славная девонька! Он улыбнулся. Сколько же ей? Тринадцать? Грудь только-только обозначились. Чулки, обвязанные кожаными ремешками, обтягивали красивые икры. Немного тяжеловата в лодыжках, но это мелкий изъян. У нее был широкий чистый лоб, возможно, белокурые волосы чуть тонки, зато светло-голубые глаза очаровывали спокойной невинностью. Скрывался ли в ней огонь? Наверняка не узнаешь. Быть может, это не имело значения.

Проблемой же для обоих являлось то, что лежало на столе. Короткая, в девять дюймов длиной, палочка для подсчета долгов, испещренная зарубками неодинаковой ширины и глубины. Они показывали, что Леофрик на грани разорения.

Как его угораздило попасть в такую беду? Он, как и прочие крупные лондонские купцы, вел дела в двух направлениях. Через купца из нормандского города Кана он ввозил французские вина и товары, а английскую шерсть продавал на экспорт, отправляя ее в Нижние страны знаменитым портным Фландрии. Беда была в том, что в последнее время его деятельность чересчур разрослась. Мелкие колебания цен на вино и шерсть могли явиться критическими для его состояния. Затем груз шерсти сгинул в море. Барникель предоставил ссуду и помог уладить эту неприятность. «Но даже при этом, – признался Леофрик жене, – я остаюсь должен Бекету из Кана за последний корабль с вином, и придется ему подождать».

Его семейство издавна владело старым Боктонским имением в Кенте. Такие имения были у многих удачливых лондонских купцов. У Барникеля был крупный земельный надел в Эссексе. Леофрик же ныне держал свое дело на плаву лишь благодаря доходам от Боктона.

И в этом заключалась опасность.

«Если на Англию нападут, – рассуждал он, – и Гарольд проиграет, то победитель, верно, отберет многие поместья, в том числе и мое». Так или иначе, урожай мог пропасть. При финансах, висевших на волоске, это могло означать разорение.

Леофрик размышлял. Он глянул в угол, где сидели в потемках жена и сын. Вот было бы маленькому Эдварду не десять, а двадцать, чтобы удачно жениться и обеспечить себя! А еще бы не печься о приданом для дочери! И были бы поменьше его долги! Мальчонка уже здорово похож на отца. Как сохранить для него владения?

А теперь еще это письмо, странное и тревожное. Насколько осведомлен носатый нормандец в его делах? И почему он взялся помочь? Что же касалось его предложения...

Леофрик не привык к моральным дилеммам. Будучи саксом, он, как и его предки, различал лишь «плохо» и «хорошо», ничего сверх. Но это было нелегко. Он пристально посмотрел на Хильду и вздохнул. Ей уготована простая, даже безмятежная жизнь. Неужто он и впрямь

пожертвует дочерью ради сыновних владений? Многие, конечно, так и поступили бы. В англосаксонском мире, как и везде в Европе, дочери становились разменной монетой во всех сословиях.

– Мне может понадобиться твоя помощь, – сказал он.

Какое-то время он говорил тихо, она же кротко внимала. Какого он ждал ответа? Хотел, чтобы она возразила? Он знал лишь, что выслушает ее с замиранием сердца.

– Отец, если ты нуждаешься в помощи, я сделаю все, что пожелаешь.

Леофрик уныло поблагодарил ее и жестом отослал.

Нет, решил он, этому не бывать. Должен найтись какой-то выход. Но почему же, поразился он, проклятый внутренний голос предостерег его, напомнив, что ничего не дано предугадать?

Именно в этот момент его мысли прервал сосед, позвавший снаружи:

– Леофрик! Иди сюда и взгляни!

Он задумчиво смотрел на шахматную доску, как будто фигуры могли стронуться сами собой. Длинный нос отбрасывал на нее тень в свете свечи.

На миг мысли унесли его к дневным событиям. Он рассчитал все действия, учел все случайности. Ему придется лишь немного подождать. Он мог позволить себе терпение, коль скоро прождал уже двадцать пять лет.

– Твой ход, – заметил он, и юноша напротив подался вперед.

Сыновья были похожи на отца. Оба угрюмые, оба отягощены фамильными носами. Однако Анри обладал отцовской смекалкой, которой не было у чуть более крупного и дородного Ральфа. Последний где-то шляется. Наверное, пьянствовал. Анри сделал ход.

Никто не знал точно, когда шахматы добрались до Англии. Но король Кнут был уже с ними знаком. Родом с Востока, на Западе они претерпели известные метаморфозы. Восточный визирь превратился в королеву, а пара великолепных слонов с паланкинами – в фигуры, понятные европейцам, – в епископов, благо очертания паланкинов отдаленно напоминали митры.

Дом, где разворачивалась игра, был выстроен из камня, что редкость для саксонского Лондона, и находился рядом с собором Святого Павла на вершине крутого холма, спускавшегося к Темзе. Это был красивейший лондонский квартал, где жили священники и дворяне.

Четверть века прошло с тех пор, как он прибыл в Лондон из нормандского города Кана, где принадлежал к видной купеческой фамилии. В таком переезде не было ничего необычного. В устье ручья, сбегавшего между холмов-близнецов, расположились две закрытые пристани. На восточной стороне находился причал для германских купцов, на западной – для франкоязычных из нормандских городов Руана и Кана. Занимаясь в основном доходной виноторговлей, эти чужеземцы получили много привилегий, а некоторые обосновались в Лондоне навсегда.

Остался бы он здесь, не потеряй в Кане девушку? Наверное, нет. Он был убежден, что она принадлежала ему; любовь родилась еще в детстве. Но что он любил? Не курносый ли носик, столь разительно отличавшийся от его шинобеля? С течением лет то было единственное в ней, что помнилось наверняка. И все-таки в глубине души хранилось острое напоминание о былой боли. Оно и направляло его, подобно путеводной звезде.

Когда бы ни зародилась вражда этих купеческих семейств, она определенно существовала еще при его деде. Дело не только в промысле. Что-то особенное скрывалось в самой их натуре. Беда заключалась не в том, что они были расторопны и отличались живостью, смекалкой и обаянием, хотя и это достаточно скверно. Во всех них присутствовала напористая свирепость, глубоко сокрытое самомнение, которое раздражало многих и за которое их возненавидела его родня.

Девушка была его сокровищем. В пятнадцать лет он подслушал из-за угла их разговор с молодым Бекетом. Они потешались.

– Прелесть моя, но как же ты будешь с ним целоваться? Его носище – препятствие совершенно непреодолимое! Разве не видишь? Непрístupная крепость! Конечно, он великолепен. Достоин восхищения, как горная вершина. Но знаешь ли ты, что со времен Потопа в этой семье никого не целовали?

Он отвернулся. Уже на следующий день она охладела к нему. Через год вышла замуж за юного Бекета. После этого родной дом стал ему ненавистен.

Годы правления Эдуарда Исповедника явились для него доброй порой. В Лондоне он женился и преуспел, завел важных друзей при космополитичном дворе Эдуарда и сделался ценным покровителем собора Святого Павла, видной фигурой.

Он также взял себе новое имя.

Это случилось в одно прекрасное утро, вскоре после женитьбы. Прохаживаясь по торговым рядам Уэст-Чипа, он задержался у длинного стола, за которым трудились серебряных дел мастера. Заинтересовавшись, он склонился через стол понаблюдать за ними и так какое-то время простоял. И уже уходил, когда до него донеслось: «Глянь-ка на богатея. Рукава сплошнякам в серебре!»

Посеребренные рукава. Он задумался, прикинул так и сяк. Рукава в серебре. Поскольку прозвище не относилось к его носу и намекало на состоятельность, он решил сохранить его. Силверсливз – подходящее имя для богатого человека.

– Недалек час, когда я его заслужу, – пообещал он жене.

Сейчас, взирая на шахматную доску, Силверсливз позволил себе слабую улыбку. Шахматы нравились ему: властная игра, основанная на тайной гармонии. За годы торговли он научился выискивать аналогичные партии в своих делах. И находил. Дела людские, порой незаметные, нередко жестокие, напоминали Силверсливзу хитроумную игру.

Он любил играть в шахматы с Анри. Хотя сыну доставало отцовского стратегического мышления, он был блестящим тактиком и прекрасным импровизатором, когда приходилось принимать неожиданные решения. Силверсливз пробовал научить и младшего сына, но Ральф не мог усидеть и бесился, тогда как Анри взирал на него с легким презрением.

Но Силверсливз, если втайне и был разочарован в Ральфе, никогда этого не показывал. На самом деле он, подобно многим умным отцам, любовно заботился о сыне-тупице, всячески стараясь подружить братьев и уверяя их мать: «Они разделят мое наследство поровну».

Тем не менее перенять его дело предстояло именно Анри. Юноша уже отлично разбирался в тонкостях изготовления, перевозки и хранения вина. Он знал и заказчиков. В минуты же покоя, вроде нынешней, Силверсливз делился с ним и более глубокими соображениями, дабы тот лучше понимал, что к чему. Этим вечером, держа в уме многочисленные расчеты последних дней, он решил коснуться самого важного.

– У меня есть любопытная задача, – начал он. – Имеется должник. – Он многозначительно посмотрел на сына. – Кто чаще оказывается сильнее, Анри, человек с мошной или человек с долгами?

– С мошной.

– Допустим, он должен тебе и не может заплатить. Что тогда?

– Разорится, – хладнокровно ответил Анри.

– Но тогда ты лишишься того, что одолжил.

– Если не заберу в уплату все, что у него есть. Но если оно ничего не стоит, то плохи мои дела.

– Значит, коль скоро он должен тебе, ты его боишься? – Анри кивнул, и Силверсливз продолжил: – Однако подумай: как быть, если в действительности он в состоянии вернуть долг, но

предпочитает не возвращать? Ты боишься его, потому что у него твои деньги, но он, поскольку может расплатиться, не боится тебя.

– Согласен.

– Отлично. Теперь предположим, Анри, что тебе отчаянно нужны эти деньги. Он предлагает меньше, чем задолжал. Возьмешь?

– Может быть, и придется.

– Да, это так. Теперь смотри: разве он не заработал на тебе? По той причине, что оказался сильнее, будучи должен?

– Зависит от того, хочет ли он и впредь вести со мной дела, – произнес Анри.

Силверсливз помотал головой:

– Нет. Это зависит от многих вещей. От времени, от вашей нужды друг в друге, от иных возможностей, от важных связей – у кого их больше. Это вопрос скрытой расстановки сил. Совсем как в шахматах. – Он выдержал паузу, подчеркивая сказанное. – Анри, никогда не забывай об этом. Люди торгуют ради прибыли. Ими движет алчность. Но долг сопряжен со страхом, а страх сильнее алчности. Долг – истинная власть, оружие, превосходящее всякое прочее. Глупцы охотятся за золотом. Мудрый изучает долги. Это ключ ко всему. – Он улыбнулся и вновь простер руку. – Шах и мат.

Но ум Силверсливза был занят игрой куда большей – игрой, где долг окажется оружием, в которую он тайно играл последние двадцать пять лет против Бекета, купца из Кана. И в этом поединке он изготавился нанести сокрушительный удар. Его намерениям должен был послужить человек весьма подходящий – Леофрик Сакс. Осталось лишь немного выждать. Еще был датчанин. Огромный рыжебородый хам, сегодня оскорбивший его. Барникель пребывал на периферии игры ничтожной пешкой, но можно было подключить и его. План отличался столь безупречной сокровенной симметрией, что позволял изящнейшим образом разобраться и с Барникелем.

Он все еще улыбался, когда Анри подошел к окну и взволнованно позвал:

– Посмотри, отец! Там что-то в небе!

За последний час облака разошлись, явив холодное и суровое зимнее небо, полное звезд. А посреди него нарисовалась в высшей степени необычная картина.

Нечто спокойно висело, распушив длинный хвост. По всей Европе, от Ирландии до Руси, от Шотландских островов до каменистых побережий Греции, люди в ужасе, не понимая, что сие значит, взирали на огромную бородастую звезду.

Явление кометы Галлея в начале 1066 года подробно описано в хрониках того времени. Все были едины в том, что это зловещее знамение, предвещавшее некую катастрофу, готовую поразить человечество. Особые причины бояться существовали в островной Англии, которой угрожали со всех сторон.

Мальчик с белой прядкой в светло-каштановых волосах заворуженно смотрел на великую комету. Его звали Альфред, в честь славного короля. Ему было четырнадцать, и он только что принял решение, которое взбесило отца, а мать наполнило скорбью. Он ощутил ее тычок.

– Альфред, тебе не следует идти. В звезде знамение. Ты должен остаться.

Он усмехнулся, сверкнув голубыми глазами:

– Матушка, неужто ты думаешь, что Всемогущий Господь послал эту звезду, дабы предостеречь меня? По-твоему, Он возжелал, чтобы весь мир взглянул и сказал: «Ба, да это же Бог предупреждает юного Альфреда не ходить в Лондон»?

– Как знать...

Он поцеловал ее. Мать – простая, сердечная женщина, и он любил ее. Однако все уже решил.

– Вы с отцом прекрасно управитесь. У него уже есть сын, чтобы пособить в кузнице. Мне здесь нечего делать.

Яркий свет кометы Галлея выхватывал красивый пейзаж. Темза, несшая свои воды через низину, что раскинулась на двадцать миль к западу от Лондона, текла среди сочных лугов и плодородных полей. В одной-двух милях вверх по течению находилась деревня Виндзор, королевское поместье; неподалеку над потоком нависал, подобно сторожевой башне, холм – единственный силуэт в равнинном ландшафте. Семья проживала в этом пленительном окружении еще со времен славного короля Альфреда, когда покинула леса к северу от Лондона, спасаясь от грабителей-викингов. Они ни разу не пожалели об этом решении, ибо земля была богата и жилось им отменно.

Жизнь их скрашивало и другое. Отец неизменно напоминал мальчику: «За правосудием, Альфред, мы всегда можем отправиться к самому королю. Никогда не забывай, что мы вольные люди».

Это было исключительно важно. Англосаксонская деревня уже обустроилась вполне на манер прочей Северо-Восточной Европы. Территорию разбили на шайры – графства – с шерифом в каждом; тот собирал королевские налоги и осуществлял правосудие. Все шайры делились на округа, в каждом – множество земельных владений. Последние принадлежали танам и лендлордам помельче, которые, подобно владельцам материковых поместий, чинили собственный суд над своими крестьянами.

Но в отношении крестьянства англосаксонская Англия держалась особняком. Если европейские землепашцы были, как правило, либо вольными, либо сервами, то в Англии все оказалось куда сложнее. Сословий развелось видимо-невидимо. Одни крестьяне были рабами, обычными невольниками. Другие являлись крепостными – сервами, привязанными к земле и подчиненными владельцу. Третьи – вольными, платили лишь за аренду. Четвертые – наполовину свободными, но аренду оплачивали; пятые – свободными, но служили особую службу; имелось и много промежуточных разрядов. И положение, конечно, не давалось раз навсегда. Раб мог стать вольным; свободный человек, слишком бедный, чтобы платить налоги и за аренду, ввергался в рабство. Картина, как явствует из судебных отчетов, зачастую бывала ужасающе пестрой.

Впрочем, семья молодого Альфреда отлично понимала свой статус. Сей род всегда был свободен, если не брать в расчет недолгого и давно забытого периода, когда пращур Оффа пребывал в рабстве у купца Сердика. Правда, они были лишь скромными крестьянами-батраками, располагая наделом крохотным, как фартинг. Но отец Альфреда мог честно сказать: «Мы платим денежную ренту в серебряных пенни. Мы не трудимся на господина, как делают рабы».

А потому юный Альфред, как всякий вольный местный, гордо носил на поясе символ своего драгоценного статуса: изящный новенький кинжал.

Семья жила кузнечным ремеслом со времен деда. К семи годам Альфред умел подковывать коня. К двенадцати махал кувалдой едва ли хуже брата, который был на два года старше. «Вам незачем быть большими и сильными, – внушал сыновьям отец. – Мастерство – вот что важно. Пусть за вас работают инструменты». И Альфред учился хорошо. Ему не мешали родовые перепонки между пальцев.

– Двум кузнецам в этой деревне делать нечего, – отметил он. – Я обошел все окрест – Виндзор, Итон, даже Хэмптон. Пусто. Поэтому, – изрек он горделиво, – я отправляюсь в Лондон.

Но что он знал о Лондоне? Немного, откровенно говоря. И уж конечно, ни разу в нем не бывал. Однако сызмальства усвоил семейное предание о золоте, зарытом в Лондоне, и город приобрел для него магическое значение.

– Там и вправду закопано золото? – донимал он родителей.

А потому неудивительно, что отец укоризненно бросил ему:

– Небось за кладом собрался!

Может быть, раздраженно подумал Альфред. А стоило матери робко осведомиться, когда же в путь, он неожиданно выпалил: «Завтра утром».

Наверное, диковинная звезда с ним все же поговорила.

К Пасхе 1066 года Английское королевство переполошилось. Саксонский флот спешно готовился патрулировать море. Король занялся этим лично.

Донесения поступали ежедневно. Бастард Вильгельм, герцог Нормандский, готовился к вторжению. К нему примыкали рыцари со всей Нормандии и прилегавших территорий.

– И хуже всего то, – уведомил Леофрик Барникеля, – что он, как рассказывают, получил папское благословение.

Угроза исходила и от других авантюристов – норманнов. Вопрос заключался лишь в том, когда и как будет нанесен первый удар.

Ранним утром в это тревожное время, когда улицы подморозило, Барникель Датчанин возвращался от Леофрика к себе на восточный холм.

Он только что миновал ручей, сбегавший между холмами-близнецами, который теперь, поскольку проходил сквозь северную городскую стену, назывался Уолбрук, и был остановлен скорбной картиной.

Тропа шла вдоль нижней римской магистрали. Справа, на восточном берегу Уолбрука, когда-то стоял дворец римского губернатора, хотя память об изящных постройках давно истерлась – их скрыла пристань германских купцов. На улицах, где некогда расхаживали стражи, теперь разместились лотки и свечные лавки. Ее называли Кэндлвик-стрит. От имперского величия не осталось и следа, за исключением одного любопытного предмета.

Каким-то образом уцелел мильный столб; он высился близ того, что сохранилось от дворцовых ворот, напоминая упрямый пенёк древнего дуба, пустившего здесь корни лет девятьсот назад, а то и больше. Поскольку горожане смутно догадывались, что сей привычный, но загадочный предмет явился из седой старины, они уважительно именовали его Лондонским камнем.

Именно возле него Барникель заметил жалкую фигурку.

Альфред не ел уже три дня. Он съезжился у камня, плотно завернувшись в грязный шерстяной плащ. Лицом он был очень бледен. Ноги онемели от холода. Позднее, если ему повезет согреться возле жаровни, они разболятся.

В свой первый месяц пребывания в Лондоне Альфред представлял собой обычного паренька, ищущего работу. Правда, он ничего не нашел, поскольку не имел друзей-покровителей. Во второй месяц он попрошайничал, выклянчивал еду. К третьему превратился в бродягу. Лондонцы не отличались особой жестокостью, но бродяги угрожали обществу. Вскоре он понял, что на него донесут. Ему было известно лишь, что его отволокут в Гастингс-корт. А потом? Он не знал. Поэтому, заслышав тяжелую поступь, еще отчаяннее вжался в холодный камень. Альфред поднял глаза, только когда к нему обратились: над ним навис великан, какого он в жизни не видел.

– Как тебя звать? – (Альфред сказал.) – Откуда ты?

– Из Виндзора.

– Какого сословия?

И снова Альфред ответил. Вольный ли он? Да. Когда в последний раз ел? Не воровал ли еще? Нет. Только ячменную лепешку, подобранную с земли. Допрос продолжался, пока наконец рыжебородый исполин не хрюкнул, значения чего Альфред не уразумел.

– Вставай.

Он подчинился. И сразу упал. Тряхнул головой и попробовал еще, однако ноги вновь подкосились. В ту же секунду он скорее удивленно, чем в страхе, ощутил, как ручки Датча-

нина подхватывают его и забрасывают на плечо, словно небольшой куль муки, – и вот великан зашагал к Ист-Чипу, гудя что-то под нос.

Вскоре Альфред очутился в большой усадьбе с крутой деревянной крышей на дальней стороне восточного холма. Да что в усадьбе – перед огромной жаровней, над которой тихая седая женщина с широким лицом разогревала котел с похлебкой, и запах показался Альфреду божественным, лучше всего, что он когда-либо вкушал.

Покуда она занималась похлебкой, мальчик осмотрелся. Все выглядело колоссальным – от здоровенного дубового стула до прочных дубовых дверей, а на стене красовался внушительный, двуручный боевой топор. Датчанин маячил под другую сторону жаровни, и Альфред не мог рассмотреть его толком. Тотчас последовало:

– Мы накормим тебя, мой юный друг, но после ты отправишься домой, откуда пришел. Понятно?

Альфреду вообще не хотелось говорить, но Датчанин повторил вопрос, и поскольку лгать явно не следовало, он нашел в себе силы помотать головой.

– Что? Никак ты мне перечишь?

Это был сущий рев. Парень вдруг испугался, что великан передумает и не станет его кормить. Тем не менее ему хватило мужества ответить:

– Нет, сударь, я не перечу, но домой не пойду.

– Ты с голоду околеешь! Тебе это известно?

– Как-нибудь перебыюсь. – Он понимал, что это нелепость, но тем не менее. – Я не привык сдаваться.

Это было встречено таким ором, что Альфред решил: сейчас этот викинг ударит его, но ничего не случилось.

Тем временем женщина перелила похлебку в небольшой котелок и поманила Альфреда к столу. Альфред повиновался, однако заметил, что великан направился к нему.

– Ну, – обратился тот утробным гласом к жене, – что ты о нем думаешь?

– Бедняга, – отозвалась та сострадательно.

– Верно. И все же... – (Альфред различил смешок.) – В этом мальчонке бьется сердце героя. Слышишь? Могучего воина. – Загоготав, он хлопнул того по спине и чуть не опрокинул в котел с похлебкой. – А знаешь почему? Он не сдастся. Так и сказал мне. Он не шутит. Этот малыш не сдастся!

Жена вздохнула:

– Значит, мне его содержать?

– Ну разумеется! – воскликнул тот. – Ибо скажу тебе, юный Альфред, – обратился он к мальчику, – что у меня есть для тебя работа.

Саксонский флот курсировал по Английскому каналу все лето. Набег был всего один, ему подвергся кентский порт Сэндвич, и его быстро отбили. Затем – тишина. За горизонтом выжидал Вильгельм Нормандский.

Однако для юного Альфреда, невзирая на эту опасность, прошедшие месяцы стали счастливейшей в жизни порой.

Мальчик быстро перезнакомился с семейством Датчанина. Жена Барникеля была строга, но добра; старшие дети уже обзавелись своими семьями, а восемнадцатилетний сын, который собирался жениться на дочери Леофрика, все еще жил с родителями. Он был здоровяк, вылитый отец, и научил юного Альфреда вязать морские узлы.

Датчанина же будто веселило общество деревенского мальчишки. Его дом на восточном холме располагался неподалеку от саксонской церкви Всех Святых и выходил на пустынные травянистые склоны, где обитали вóроны. Каждое утро мужчина отправлялся по тропинке в Биллингсгейт инспектировать суденышки с грузами шерсти, зерна и рыбы. Альфреду нрави-

лась пристань, пропитанная запахами рыбы, дегтя и водорослей, но еще больше – визиты к Леофрику на западный холм. Теперь, когда он перестал быть бродягой, ему доставляло огромное удовольствие ходить от собора Святого Павла по Уэст-Чипу. Там каждый закоулок был связан с отдельным промыслом или товаром – Бред-стрит, Вуд-стрит, Милк-стрит и так до Полтри в самом конце. Торговцы галдели, выкрикивая все эти товары; там обитали и продавцы специй, сапожники, ювелиры, меховщики, торговцы одеялами, гребнями и многие, многие другие. Одно его удивляло – количество свиinarников. Такого он от города не ожидал, но Барникель объяснил: «Свиньи пожирают мусор и держат место в чистоте».

Благодаря Барникелю Альфред стал лучше понимать характер Лондона. Отчасти город оставался сельским. Саксонское поселение не заполнило огромного пространства, обнесенного стенами; здесь сохранились поля и фруктовые сады. Вокруг раскинулись обширные земли, принадлежавшие королю, его придворным и Церкви.

– Город разделен на округа, – растолковывал Барникель. – Примерно по десять на холм. Но некоторые из них находятся в частном владении. Мы называем их сока.¹⁴

Он назвал нескольких дворян и духовных лиц, содержавших эти имения в границах Лондона.

И все-таки Лондон был сам по себе. Слушая Датчанина и наблюдая, Альфред не уставал поражаться.

– Город настолько богат, – объяснил Барникель, – что облагается налогом, как целый шайр.

Он с гордостью перечислил свободы, отвоеванные городом: торговые концессии, права на рыбный промысел в пределах нескольких миль по Темзе, права на охоту во всем графстве Мидлсекс, располагавшемся на северной стороне, и многие другие.

Но дело было не в этом, а в чем-то еще – в разлитом в воздухе, но вполне осязаемом и производившем на мальчика по-настоящему глубокое впечатление. Ему какое-то время не удавалось облечь его в слова, но однажды ему нечаянной репликой помог сам Датчанин.

– Стены Лондона касаются моря, – произнес тот.

Да, подумал мальчик. Вот оно.

Покоясь издавна в верховье эстуария Темзы, неизменно смотревшего в море, огромное поселение среди стен на протяжении поколений служило приютом мореплавателям и торговцам всего северного мира. И эти люди не собирались себя ограничивать, пусть даже признавали власть островных королей – саксонских и датских. Защищаясь и организуя торговлю, они основывали собственные гильдии. Они знали о своей важности для короля, и с этим считались. Дед Барникеля, крупный купец, трижды ходивший в Средиземноморье, стал дворянином. Три поколения этого семейства возглавляли гильдию защиты, способную выставить значительные силы. Городские стены были столь крепки, что заслужили признание короля Кнута. «Лондон не взять никому, – похвалялись англо-датские бароны, выходцы из купечества. – И никакой король не король, пока мы не одобрим».

Гордыню Лондона и уловил Альфред.

– Ибо граждане Лондона свободны, – изрек Барникель.

Существовал старинный английский обычай: если серв убежал в город и жил там невосстановленным в течение года и одного дня, то становился вольным. Да, некоторым землевладельцам и богатым купцам прислуживали сервы и даже рабы, но большинство подмастерьев были, подобно Альфреду, вольными. Однако в Лондоне он открыл, что слово «вольный» несло в себе нечто еще. Купец, заплативший вступительный взнос, или ремесленник, завершивший ученичество, становились полноправными гражданами. Они получали возможность заниматься ремеслами, поставить торговый лоток и голосовать на фолькмоте. Такие люди платили

¹⁴ Речь идет о маноиальных хозяйствах. «Сака» означала предмет спора, а «сока» – процесс передачи дела в суд сеньора.

королевские налоги, а все остальные, явись они из соседнего графства или из-за моря, считались чужеземцами и не имели права торговать, пока не удостоятся гражданства. Неудивительно, что лондонцы пеклись о своей свободе. Ощупав кинжал на боку, мальчик вспыхнул от удовольствия при мысли, что и он станет частью этого целого.

Через неделю, когда силы Альфреда полностью восстановились, Барникель обратился к нему с утра пораньше:

– Сегодня начинается твое ученичество.

Квартал, куда теперь вел его Датчанин, располагался сразу за восточной городской стеной. Здесь в Темзу сбегал небольшой ручей, вдоль берегов которого разместились многочисленные мастерские. Это было бойкое место, находившееся в ведении гильдии защиты. Когда они приблизились к вытянутому деревянному зданию, Альфред различил знакомые удары молота о наковальню. Мальчик решил, что его определяют в кузнецы. Но обмер, едва вошел и огляделся.

Они находились в помещении арсенала.

Из всех ремесленников оружейник выделялся мальчику, воспитанному в кузнице, принцем среди мастеровых. Альфред лишился дара речи, обзревая кольчуги, шлемы, щиты и мечи.

Подошедший главный оружейник оказался высок, сутул и с угловатым лицом. Взор синих глаз был добр, однако при виде диковинной перепонки на руках мальчика он в сомнении повернулся к Барникелю:

– А работать-то он сможет?

– Сможет, – уверенно отозвался Датчанин.

Так и началось обучение Альфреда.

В его жизни, наверное, не было дней светлее. Как новичка, Альфреда приспособили к черной работе: носить воду из ручья, поддерживать огонь и раздувать мехи. Он подчинялся беспрекословно, и никто не обращал на него большого внимания.

По завершении первого дня он отправился с другими подмастерьями на ночлег. Обычно ученикам не платили, но жили они свободно, в хозяйском доме, однако оружейник был вдовцом и невзлюбил эту моду. У его сестры стоял дом на склоне Корнхилла, разделенный на комнаты, а сразу за ним – служебная постройка, где и кучковались шумные ученики.

Арсенал был велик, подмастерьев всех возрастов набралось восемь душ, и Альфред, делая работу, имел возможность понаблюдать за ними. Один стучал кувалдой неравномерно, другой слишком крепко сжимал щипцы, привнося в свой труд напряжение. Третий не умел обращаться с долотом. Альфред все подмечал, но помалкивал.

Однако через пару дней ему дали небольшое задание: поработать напильником, выправить вмятину на шлеме. Он все прилежно выполнил и вручил дело рук своих мастеру, который забрал оба предмета без слов.

На следующий день мастер призвал его на помощь другому ученику, годом старше, клепавшему шлем. Альфред держал, тот ставил заклепки. Затем мастер велел:

– Дай попробовать новичку.

Старший недовольно поменялся с Альфредом местами. Тот взялся за дело, но получилось черт-те что. Досадливо хрюкнув, мастер приказал старшему:

– Покажи ему, как нужно.

Он ушел, но Альфред ошибся, решив, что тем оно и кончилось. Вечером, когда подмастерья потянулись к выходу, мастер позвал его и, сторбившись над горном, осведомился:

– Зачем ты это сделал?

– Что именно, сударь?

– Я наблюдал за тобой. Ты держишь молоток, как будто это часть твоей руки. Ты напор-
тачил нарочно. Зачем?

Альфред опасливо взглянул на него и признался:

– Сударь, я работал у отцовского горна сколько себя помню. Но здесь я новичок и чуть
не помер с голоду до того, как Барникель привел меня к вам. Если другие подмастерья будут
завидовать, они превратят мою жизнь в ад. А то и вовсе выживут. – Он криво усмехнулся. –
Поэтому пусть учат, пока не подружимся. – Альфред покраснел, испуганный тем, что выра-
зился так заносчиво. – Но я простой кузнец, – добавил он поспешно. – Я хочу выучиться на
оружейника.

Оружейник задумчиво кивнул.

– Трудись усердно, – сказал он негромко. – Тогда и поглядим.

Недели шли, и юный Альфред не только осваивал оружейное мастерство, но и учился
кое-чему крайне важному для англосаксонского королевства. Если флот готовился оборонять
остров с моря, то сухопутные приготовления представляли собой совершенно другое дело.

– Мы ждали нападения еще зимой, – удивленно заметил Альфред, – а никто не готов.

В английском королевстве не было ни регулярной армии, ни наемников. Его армией
был фирд – ополчение из землевладельцев и крестьян. Не проходило и дня без того, чтобы
не прибыл какой-нибудь взволнованный землевладелец-сакс, чье оснащение заслуживало ско-
рейшего внимания: либо меч затупился, либо топор, а то еще постоянно возникала нужда в
замене ременных лямок на тяжелом круглом саксонском щите.

Делом первостепенной важности были доспехи.

Воины англосаксонской Англии носили такие же кольчуги, что и во всей Европе. Коль-
чуги, известные еще, наверное, с бронзового века, были простыми и удобными. Клепанные
металлические колечки, обычно четыре десятых дюйма в диаметре, соединялись так, что обра-
зовывали рубаху ниже колен. Просторную и гибкую, в отличие от позднейших панцирных пла-
стин, кольчугу можно было подогнать под разных владельцев. Многие из тех, что видел Альф-
ред, достались воинам от отцов. Они стоили дорого – обычные пехотинцы редко могли их
себе позволить, – а потому обращались с ними бережно.

Но имелось у них и два недостатка. Они изнашивались, рвались, а главное, стреми-
тельно ржавели при столь обширной поверхности, состоявшей из многих звеньев. Альфреду,
как самому молодому подмастерью, поручили нудную работу по их очистке; поэтому стоило
появиться владельцам этих одеяний, как мастеровые бодро голосили: «Альфред! Ржа!»

Тем не менее он был счастлив. Ученики быстро приняли его в свою среду. Не забыл
о нем и Барникель. Каждую неделю его призывали в усадьбу трапезничать, и Альфред, хотя
был лишь бедным подмастерьем в богатом доме, ощущал себя едва ли не членом семьи. Он
познакомился с дочерью Леофрика, бывавшей там часто, и так восхитился ее милой простотой,
что к середине лета уже и сам наполовину в нее влюбился.

В конце июня его жизнь при оружейной мастерской начала меняться.

Поступил заказ на дюжину новых кольчуг. Альфред обрадовался, хотя его наставник
коротко выругался, а подмастерья застонали. Изготовление собственно кольчуг предвлялось
неприятнейшим занятием – выделкой проволоки для звеньев.

До чего же он это возненавидел! Длинный, тонкий железный прут разогревался и раз-
мягчался в горниле. Далее конец обрабатывался посредством волочительной доски с отверстием
в середине. Самое трудное приходилось на долю ученика: тот протаскивал прут через доску,
затем повторял это с другой, с отверстием поменьше. И снова, и снова, благодаря чему прут
как бы обстругивался и растягивался. Но как только он уменьшался, дальнейшим прокатом
занимался Альфред. Удерживая толстую проволоку клещами, прикрепленными к широкому

кожаному поясу, он отклонялся назад, как в состязании по перетягиванию каната, пока все тело не начинало болеть.

После целого дня такой деятельности подмастерья нацелились на выпивку, но мастер крикнул:

– Мне нужна помощь! Пусть Альфред останется.

Послышались сочувственные смешки, когда он поставил мальчика на мехи, и тот работал еще два часа кряду, прежде чем был отпущен домой.

Через несколько дней история повторилась, за тем исключением, что мастер оставил еще одного ученика и продержал обоих три лишних часа.

Изготовление кольчуг заворачивало Альфреда. До чего просто – и в то же время исключительно тяжело. Сначала проволоку сгибали в разомкнутые кольца. Для этого ее накручивали на металлический вал и разрезали по всей длине катушки. После заготовки пропускали через коническое отверстие в стальной болванке, чтобы концы аккуратно наложились друг на дружку. Кольца размягчали в жаровне и затем, еще горячие, помещали в мульду и дважды ударяли молотком, расплющивая оказавшиеся внахлест концы. Далее подмастерье специальными кусачками проделывал в этих уплощенных кончиках крошечные отверстия. «Сюда заклепку», – объяснил мастер. Затем ученик вновь несколько разводил концы, чтобы можно было соединить кольца, и погружал их в масло. «Пользуйтесь только маслом, – учил оружейник. – В воде горячее железо остывает слишком быстро и становится ломким».

Но больше прочего Альфреда поразило то, что в итоге работа была выполнена настолько точно, что кольца совершенно не отличались одно от другого. Фактически звенья редко разнились больше чем на двенадцать тысячных дюйма.

Когда мастер велел Альфреду задержаться в третий раз, другие подмастерья взвыли, а двое даже предложили его заменить. Но тот жестом отослал их прочь, лишь буркнув: «Всю грязную работу делают новички».

Однако на сей раз после часа работы мастер призвал Альфреда к себе. Без лишних слов он поручал ему поочередно все задания подряд – накручивать и резать, накладывать, пробивать и размыкать. В случае надобности поправлял его и молча кивал, когда у того получалось. Затем подвел мальчика к большому столу посреди мастерской и велел смотреть.

Искусство оружейника было сродни портновскому. Сперва он выкладывал разомкнутые кольца рядами, чтобы каждый сцепился с четырьмя другими – два сверху наискосок, два снизу. Кольчуга имела форму длинной рубахи с рукавами по локоть. В ее нижней части спереди и сзади были разрезы для облегчения верховой езды. Верх переходил в капюшон, который можно было сбросить на плечи. На шее был вырез, как на рубашке, стягивавшийся шнурками, тогда как отворот на ремне обычно поднимали до уровня капюшона, чтобы защитить рот.

Если портной мог кроить и складывать ткань, оружейнику приходилось перестраивать порядок колец, и тот чрезвычайно напоминал вязальный узор. Звено соединялось уже не с четырьмя, а с пятью; одно оставалось висеть свободно. Но по завершении работы изделие оказывалось столь плотным, что стыки почти не удавалось различить.

И вот на протяжении нескольких часов Альфред увлеченно следил за мастером, который показывал ему, как этого добиться, обращая внимание на геометрию, линии разрыва и способы облегчить движения в металлической рубашке, хранившей воинов многие сотни лет. Трудясь при свете лампы, мастер объяснял: «Клепай всегда одинаково, снаружи. Пощупай, тогда поймешь». Когда Альфред огладел кольчугу, то осознал, что наружная сторона была груба, тогда как изнанка с уплощенными заклепками и обращенная к кожаной подложке, оказалась гладкой, как ткань.

На головках отдельных заклепок мастер ставил личное клеймо. После этого кольчуга считалась готовой.

Или почти готовой. Одно еще оставалось. Железо, которым пользовались средневековые оружейники, было довольно мягким. Для битвы его следовало закалить. Поэтому мастер скал изделие, погрузил в угли, поместил все это в железный ящик и отправил в горн. Вскоре кольчуга раскалилась докрасна.

– Железо взаимодействует с углем, – объяснил он, – и превращается в сталь. Но долго не нагревай, иначе станет хрупким. Наружная сторона должна быть крепка, как алмаз, а изнанка оставаться гибкой.

Поделившись этими секретами ремесла, он отпустил мальчика домой.

С того момента Альфреда оставляли минимум раз в неделю. И если прочие полагали, что он работал на мехах или протягивал проволоку, мастер тайком преподавал ему науку, обычно приуроченную только для старших подмастерьев. Часто бывало, что они зарабатывались допоздна, и молоток, щипцы и клещи так и порхали в руках у Альфреда. Оба помалкивали об этом, но мальчик подозревал, хотя и не мог быть уверен, что мастер докладывал о его успехах Барникелю.

Буря разразилась в сентябре.

К невзгодам, грозившим навсегда изменить лицо Англии, привело событие простое и прискорбное. В сентябре, когда созрел урожай, моряки английского флота объявили, что вынуждены разойтись по домам. Король Гарольд ничего не мог возразить. А потому однажды утром Альфред, Барникель и Леофрик стояли на набережной в Биллингсгейте и наблюдали, как швартовались последние суденышки. Всем было ясно, что с этого момента англосаксонское королевство беззащитно перед завоевателями.

Те нанесли удар едва ли не сразу.

Для вторжения, спланированного Вильгельмом Нормандским, время было выбрано отличное. Через две недели после того, как встал на рейде английский флот, норвежский монарх атаковал берега Северной Англии и захватил Йорк. Король Гарольд устремился на север и в славной битве разгромил врага. Однако теперь он находился со своей армией в двухстах пятидесяти милях от южного побережья, где немедленно высадился Вильгельм.

Его армия была невелика, но основательно подготовлена. Отдельные отборные части состояли из высшей знати под предводительством видных магнатов с прославленными именами – Монфора, например, – но большинство представляло собой безземельных рыцарей из Нормандии, Бретани, Франции, Фландрии и даже с юга Италии. Поскольку Церковь неизменно поддерживала Вильгельма, они выступали под папским знаменем. По прибытии в залив Певенси близ небольшого селения Гастингс они воздвигли деревянный форт и отправились на разведку.

События следующих нескольких дней навсегда смешались в памяти Альфреда. Король вернулся в Лондон. Город вооружался. Сталлер,¹⁵ глава городской гильдии защиты, и его командиры призвали к службе всех здоровых мужчин, каких сыскали. Барникель изо дня в день врывался в арсенал с новыми требованиями, и мастера оставались трудиться на ночь.

Но одна сценка навсегда впечаталась в память мальчика. Она разыгралась вечером в доме Барникеля по возвращении Датчанина и Леофрика с большого совета при короле. Датчанин пребывал в возбуждении, сакс – в задумчивости.

– Зачем он тянет? – ревел Барникель. – Нужно ударить сейчас!

Леофрик был настроен не столь оптимистично:

– Армия вымоталась после марша на юг. Лондонский гарнизон отважен, но незачем притворяться, будто он выстоит против обученных наемников. Если мы сожжем урожай до самого

¹⁵ Датское название руководящей должности вообще, сущность которой при тогдашнем английском дворе в настоящее время не всегда бывает понятна.

побережья и уничтожим его телеги, то уморим их голодом. Тогда и перебьем, – добавил он мрачно.

– Эта семья будет биться, – недовольно заворчал Барникель.

Однако, как впоследствии убедился Альфред, советники короля Гарольда настойчиво внушали ему проявлять осторожность.

Вскоре, 11 октября, по причинам не до конца ясным, король Гарольд, не дождавшись и половины подкрепления от шайров, выдвинулся из Лондона к южному побережью во главе приблизительно семитысячной армии. В почетном строю под королевским штандартом шагали сталлер, Барникель и лондонский гарнизон. Сын Барникеля шел с отцом. Леофрик с его больной спиной пойти не смог. Датчанин нес двуручный боевой топор.

Юный Альфред заметил, что, несмотря на все их старания, не весь гарнизон вооружился должным образом. Так, один солдат, нацепивший глупую улыбку, вообще обзавелся ставнем вместо положенного щита.

Леофрик колебался. Войти или нет?

Был вечер, со всеобщей миновал час, и он прибыл в сей важный квартал на западном берегу, расположенный сразу за собором Святого Павла. С того момента, как король и войско покинули город, прошло несколько дней. Никаких вестей не было. Лондон замер в тревожном ожидании новостей.

Позади над крытыми соломой домишками возвышалась деревянная крыша саксонского собора. Слева находился охраняемый дворик Королевского монетного двора. Впереди узкая тропа, усеянная желтой листвой, круто уходила к реке. Сырой неподвижный воздух с ароматом дымка почти сливался со слабым запахом соборной пивоварни. Звучали удары церковного колокола. На западе же небо густо алело цветом богатых одежд.

Дом Силверсливза производил сильное впечатление. Каменная стена перед Леофриком была невысока, но ладно сложена, с наружной лестницей, которая вела на первый этаж. Он начал медленно подниматься, испытывая дурные предчувствия.

Силверсливз и два его сына учтиво с ним поздоровались. Странно, но в собственном доме их чисто выбритые лица и длинные носы казались менее несуразными. Действительно, Леофрик, в зеленом, лучшего сукна плаще до колен, не мог не отметить изящество их более длинных, нормандских плащей.

В конце помещения пылал огромный очаг. Высокое окно было забрано не промасленной, как у него дома, тканью, но зеленым германским стеклом. На стенах красовались дорогие гобелены. На столе вместо коптивших ламп горели дорогие крупные свечи из ароматного пчелиного воска.

Здесь находилось еще несколько человек: фламандский купец, немного знакомый ему ювелир и два священника из собора Святого Павла. Леофрик обратил внимание, что к этим последним относились с особенным уважением. Была и другая компания, причин присутствия которой сакс не понимал. В самом дальнем от огня углу на небольшой дубовой скамье сидели три нищих и отошальных мирских монаха.¹⁶ Они взирали на происходящее со скорбным интересом.

Извинившись, Силверсливз сослался на надобность договорить с остальными и оставил Леофрика возле огня с сыновьями, которых саксу теперь удалось рассмотреть. Анри показался вполне покладистым. Юноша моментально завел учтивую беседу. А вот брат его совсем другой. Молчаливый, угрюмый и неуклюжий, будто природа решила на нем отдохнуть в распределении наследственных черт. Нос был не только длинен, но и груб; глаза странно припухли;

¹⁶ *Мирской монах* – это светское лицо, как правило воин, которого король назначает в подчиненное ему аббатство и который живет за счет этого аббатства.

кисти, у брата вытянутые, у него были корявыми и неловкими. Он подозрительно таращился на Леофрика.

Леофрик же, глядя на них, знал одно: эти юноши стремились жениться на его дочери.

Эта мысль настолько поглотила его, что пару минут он пребывал как в тумане и не сразу понял, о чем с серьезным видом говорил ему Анри.

– Великий день для моей семьи, – разглагольствовал тот. – Отец закладывает церковь.

Церковь! Теперь Леофрик весь обратился во внимание. Он удивленно взглянул на Анри.

Должно быть, нормандец и впрямь состоятелен, намного богаче Леофрика. Неудивительно, что священники так обхаживают его.

В англо-датском городе уже стояло свыше тридцати церквей. Большинство представляло собой неказистые саксонские здания с деревянными стенами и земляными полами; иные были немногим больше частных часовен. Но основание церкви являлось надежным признаком того, что семья стала зажиточной.

Леофрик узнал, что Силверсливз только что приобрел земельный участок чуть ниже своего владения. Хорошее местечко на Уотлинг-стрит перед винными складами, территория которых именовалась Винтри.

– Она будет носить имя Святого Лаврентия, – объяснил Анри и улыбнулся. – И осмелюсь предположить, – добавил он хладнокровно, – что коль скоро поблизости уже есть такая, нашу назовут церковью Святого Лаврентия Силверсливза.

Действительно, обычай двойного наименования церквей в честь святого и основателя уже становился одной из особенностей лондонских храмов.

Но это было не все. Юноша сообщил, что ныне состоялось еще и таинство, касавшееся самого купца.

– Отца посветили в сан, – сказал он гордо. – Поэтому он вправе совершать богослужения.

И это не было редкостью. Невзирая на благочестие самого Эдуарда Исповедника, Английская церковь в его правление погрязла в совершеннейшем цинизме. Да, она оставалась могущественной. Ее земли простирались повсюду, а монастыри уподобились небольшим королевствам. Человек в бегах по-прежнему мог рассчитывать на убежище в церкви, и даже король не смел его тронуть. Но мораль – дело иное. Священники часто и открыто жили с любовницами, а церковные средства передавали не просто детям, но и в качестве приданого. Богатых купцов посвящали, как Силверсливза, в сан и даже, если им страстно хотелось, производили в каноники собора Святого Павла. И папа, благословивший Вильгельма Нормандского на вторжение, питал благочестивую надежду на искоренение этих злоупотреблений.

Однако, что бы ни думал папа, Леофрику было ясно, что дом Силверсливза добился подлинного могущества.

Через несколько минут священники с торговцами откланялись, и Силверсливз вернулся к Леофрику.

– Ну вот, теперь мы побеседуем без помех, – приветливо произнес он. – Надеюсь, вы с нами отужинаете.

Из-за ширмы вышли три служанки, расстелившие на столе большую белую скатерть. Они принесли два глиняных кувшина, ножи, ложки, миски и сосуды для напитков. Когда стол был проворно и безмолвно накрыт, Силверсливз увлек к нему купца.

По церковному календарю день был постный; верующие в сей час вкушали лишь толику овощей с водой и хлебом. Поскольку Силверсливз стал священником, Леофрик рассудил, что он будет строго поститься, но снова недооценил хозяина. Силверсливз обратился наконец взглядом к трем подавленным мирским монахам, которые так и сидели в углу, и поманил их.

– Эти добрые люди соблюдают за нас пост и покаются, – объяснил он жизнерадостно.

Вручив каждой из этих достойных персон по серебряной монете, он отослал их, и те печально ретировались. Затем уже прочел молитву.

Трапеза началась с сытной похлебки из каплуна со специями.

Мужчинам в обычае тех времен приличествовало сидеть лишь по одну сторону стола, а пищу им подавали с другой, как через прилавок. Леофрика посадили справа от Силверсливза, рядом устроился Ральф. Анри оказался дальше всех, по левую руку от отца. Чаши с двумя ручками поставили между каждой парой сотрапезников; этикет требовал, чтобы каждый делился с соседом. Леофрику, стало быть, выпало окунать ложку в одну супницу с Ральфом.

Хоть бы сосед ел поаккуратнее! Обитая среди бородатых портовых норманнов, Леофрик привык ко всяким застольным манерам, однако остатки пищи, видневшиеся в углу чисто выбритого, но жесткого рта Ральфа, почему-то внушали ему особенное отвращение. Его молчаливый сосед, не желая показаться нелюбезным, предложил ему разделить и кубок, с чем Леофрик, естественно, вынужденно согласился.

И все же трапеза вышла богатая. Силверсливз держал стол на манер французского аристократа. За каплуном последовал луковый суп с добавлением других овощей, сваренных в молоке. Далее – рагу из зайца, зажаренного в вине. Скатерть, согласно обычаю, была длинной, чтобы использовать ее и как салфетку, и на Леофрика произвело впечатление то, что оную с каждой переменной блюд меняли, как при дворе короля, – не то из-за свинства Ральфа, не то как очередное свидетельство хозяйского блеска.

Сам Силверсливз был привередливым едоком. Он постоянно омывал руки в чаше с розовыми лепестками. Ел медленно, откусывая понемногу. И все же, как заметил Леофрик, таким вот изящным образом он поглотил удивительно много пищи. Вино в глиняных кувшинах тоже оказалось превосходным – лучшее, из парижских окрестностей. Леофрик выпил достаточно, чтобы ему почудилось, будто три носа, гулявшие туда-сюда над пищей, стали длиннее прежнего.

Наконец подали фрументи¹⁷ – сладкое блюдо с фигами, орехами и приправленным специями вином. Лишь после этого Силверсливз перешел к делу.

Он начал издали. Говорили все больше о вторжении и гадали о скорых новостях.

– Конечно, – начал он задумчиво, – я, как нормандец, знаю кое-кого из окружения Вильгельма. – И назвал де Монфора, Мандевиля и еще ряд доверенных лиц нормандского герцога. – Кто бы ни победил, на нашем деле это вряд ли отразится.

«Но не на моем», – уныло подумал Леофрик.

Силверсливз помолчал, предоставляя саксу погрузиться в его печальные думы. Затем с улыбкой плавно перешел к сути.

– Один из моих сыновей, – заявил он непринужденно, – хочет жениться на вашей дочери. – И прежде чем Леофрик успел сформулировать подобающий ответ, продолжил: – Мы не нуждаемся в приданом – лишь в вашем добром имени.

Леофрик задохнулся. Это было настолько же удивительно, насколько любезно. Однако с дальнейшим ничто не могло сравниться.

– Я также предлагаю сделку, которая может быть вам небезынтересна. Если этот брак состоится, я выплачу два ваших долга, Барникелю и Бекету. Вам больше не придется иметь с ними дело. – С этими словами он окунул нос в свой кубок и вежливо уставился на скатерть.

Леофрик на короткое время лишился дара речи. Ознакомившись с письмом, где Силверсливз заявлял, что может быть ему полезен, он осознал его могущество, но услышанное превосходило всякие мечты.

– Но почему? – спросил он.

Силверсливз удостоил его как бы прочувствованной улыбки и мягко ответил:

– О, исключительно во имя любви.

¹⁷ Сладкая пшеничная каша на молоке с корицей.

Избавиться от долгов! А то и спасти имение благодаря союзу с этим нормандцем в случае победы Вильгельма!

– Который же сын желает мою дочь? – уточнил он угрюмо.

Силверсливз выглядел удивленным.

– Я думал, вы знаете. Анри.

И Леофрик, испытав колоссальное облегчение, что не Ральф, едва ли заметил холодный взгляд молодого Анри.

Но он не мог согласиться даже при столь заманчивых перспективах. Разве не дал он слова Барникелю? И тут, лишь на секунду, честному саксу пришла в голову поистине низкая мысль. Если Датчанин или его сын погибнут в бою, он будет свободен от обещания и сохранит семейное состояние.

– Я подумаю, – произнес Леофрик слабым голосом, – однако боюсь...

– Мы подождем, – ненавязчиво перебил его Силверсливз и поднял кубок. – Впрочем, есть небольшое условие.

Он изготавился продолжить, но Леофрик так и не узнал, о чем шла речь. Ворвался один из мирских монахов. Силверсливз раздосадованно взглянул, и тот проорал:

– Судари! Король мертв! Герцог Нормандский сразил его.

– Где?

– Близ побережья! В местечке под названием Гастингс.

Битва при Гастингсе, столь разительно изменившая ход истории Англии, состоялась в субботу, 14 октября.

У Вильгельма Нормандского было несколько преимуществ. Он атаковал на рассвете, удивив короля Гарольда. У него имелись солидные силы в виде лучников и конницы, которых не было у английского монарха. Кроме того, английское войско слишком тесно сгрудилось на вершине холма, позволив лучникам вести стрельбу с убийственной меткостью.

Но даже при таких условиях бой продолжался весь день. Лучникам не удалось пробить английскую оборону. Когда пошла кавалерия, ей пришлось отступить под ужасающими ударами двуручных топоров от воинов вроде Барникеля, прорубавших стальные кольчуги. Конница отошла, и лишь вмешательство самого Вильгельма предотвратило общее бегство.

Сражение продолжалось час за часом. Конница дважды наступала и притворялась, будто бежит, заманивая многих англичан в ловушку под холм. Постепенно, по мере гибели предводителей, англичане выдохлись, но даже тогда, при смене долгого пасмурного дня сумерками, еще держали оборону и вполне могли простоять до ночи, когда бы не случайная, как говорили, стрела, угодившая в глаз королю Гарольду и смертельно его ранившая.

После этого все было кончено. Лондонского сталлера, тяжело раненного, унесли с поля боя. В числе тех, кто выжил из небольшой группы верных, сражавшихся под королевским штандартом, были Барникель с сыном, отправившиеся его сопровождать.

Спустя два месяца, ясным декабрьским утром, сотни лондонцев наблюдали занятную сцену, разыгравшуюся во дворе собора Святого Павла, где закончил совещаться фолькмот.

Барникель Биллинггейтский раскраснелся. Он ярился на своего друга Леофрика и только что изрыгнул – и это слышала половина Уэст-Чипа – единственное ужасное слово:

– Предатель!

Его гнев был направлен не на одного саксонского купца. Огромный Датчанин рассвирепел на всех.

Недели, прошедшие после битвы при Гастингсе, выдались напряженными. Вильгельм не мог отпраздновать полную победу сразу: его войска были ослаблены битвой, в лагере вспыхнули болезни. Ему пришлось ждать подкрепления на побережье. Тем временем в Лондон

начали наконец прибывать отряды из северных и других шейров. Витенагемот поспешно объявил королем законного наследника, иностранного племянника старого Эдуарда.

– Почему мы не отвечаем ударом? – ревел Барникель.

Но ситуация была достаточно очевидна даже юному Альфреду. Город наполнился вооруженными людьми, однако порядок отсутствовал. Сталлера, еще не оправившегося от ран, носили в паланкине. Молодой принц, король лишь по названию, появлялся редко. Северная знать поговаривала о возвращении домой. Даже до подмастерьев доходили слухи о тайных переговорах архиепископа Кентерберийского с нормандцами.

1 декабря Вильгельм Нормандский наконец снялся с места. Его передовой отряд, прошедший по старой римской дороге Уотлинг-стрит и далее, через Кентербери и Рочестер, достиг южного конца самого Лондонского моста. Деревянный мост был перекрыт, городские ворота заперты. Нормандцы удовлетворились поджогом домов на южном берегу и ретировались.

«Он слишком умен, чтобы атаковать мост, – заметил Леофрик. – Он предпочтет измотать нас».

Именно это нормандец и сделал. Неспешно окружив город, он перешел реку вверх по течению, за Виндзором, и дальше свернул на север, поджигая по ходу крестьянские хозяйства.

«Еще несколько дней, – мрачно изрек Леофрик, – и он явится к нам».

К середине декабря лагерь Вильгельма посетили и архиепископ, и даже сталлер, после чего саксонский купец рассудил: «Город потребует условий».

Те были выставлены. Все древние права и привилегии сохранялись. Вильгельм Нормандский станет горожанам отцом. В то самое утро купец Леофрик, исполненный скорбного здравого смысла, не колебался, чтобы сказать свое слово возле собора Святого Павла: «Мы должны согласиться».

Не возразил даже сталлер. Лондон покорится Вильгельму, и Барникель ничего не мог с этим поделать.

– Предатель! – крикнул он вновь. И затем его услышала половина Лондона. – Оставь себе свою дочь! Мой сын не женится на отроде предателя. Слышишь?

В сложившихся обстоятельствах Леофрик решил, что, сколь бы ни были прискорбны события, ему следует возблагодарить звезды.

– Как пожелаешь, – бросил он и пошел прочь.

Через три дня Барникеля известили о помолвке Хильды и Анри Силверсливза. Тот не сразу поверил.

– Но ты же сказал ему, что нам она не нужна. Ты отказался от брака, – жалобно напомнил сын.

– Он мог бы и догадаться, что я не всерьез, – простонал Датчанин, пока до него не дошло, что Леофрик-то как раз догадался.

И тогда Барникель Биллинггейтский рассвирепел уже не на шутку.

Обитатели Биллинггейта и церкви Всех Святых сходились в том, что на их памяти не было ничего подобного. Даже старики, которые помнили правление короля Кнута и клялись, будто видели Этельреда Неразумного, признавались, что в жизни не видавали зрелища лучше. Люди стояли в дверях и высывались из окон; несколько отчаянных голов примчались с пристани и обосновались в тридцати шагах от двери Барникеля, готовые в любой момент задать стрелкача.

Датчанин бушевал больше часа. На следующий день, когда его родные отважились вернуться в дом, они не смогли удержать соседей, которые тоже вошли взглянуть на ущерб. Тот повергал в трепет.

Вдребезги разлетелись три бочонка эля, семь глиняных кувшинов, шесть деревянных блюд, две кровати, котел, пять деревянных стульев, пятнадцать котелков консервированных

фруктов, сундук. Согнуто: три мясных крюка и вертел – так, что пришли в полную негодность. Поломано: древко двуручного топора. Сокрушено или сильно покорежено: обеденный стол, три деревянных ставня, две дубовые двери и стена кладовой.

Народ судачил, что такие подвиги не посрамили бы и викингов-предков.

Коронация Вильгельма, завоевателя Англии, была приурочена к Рождеству 1066 года. Она состоялась в святой церкви Вестминстерского аббатства.

Силверсливз и Леофрик присутствовали, стояли рядом. Свадьбу назначили на следующее лето. Леофрик избавился от долгов. Единственным условием, на котором настаивал нормандец, оказался ввоз вина исключительно через Силверсливза без всяких дел с канским купцом Бекетом. Леофрик согласился на это не без сожаления, но цена показалась малой.

Немного странно прозвучало предупреждение, сделанное Барникелем Альфреду спустя два дня после коронации, когда мальчик встретил своего покровителя в Ист-Чипе и заметил, что нормандец-король теперь становился повелителем Лондона:

– Жди и смотри.

Сказано это было необычно спокойно для Датчанина. Альфред гадал над смыслом услышанного.

Тауэр

1078 год

И вот на речном берегу под склонами, где обитали вóроны, принялись за новую постройку.

Это место на юго-востоке города всегда было тихим; древняя римская стена спускалась к Темзе, а отрог восточного холма создавал естественную арену. Здесь виднелось несколько фрагментов старых римских построек, подобных стражам или окаменевшим актерам некой античной трагедии. Но если вóроны, каркавшие на склонах, и ждали какого-то представления на травянистой сцене внизу, то им пришлось запастись терпением чуть не на тысячу лет.

До прихода короля Вильгельма.

Ибо теперь на этом зеленом участке начались земляные работы, предвещавшие появление здания. По одному фундаменту было ясно, что быть ему массивным.

Оно строилось из серого камня. Назвали его Тауэр.

Захватив Англию, король Вильгельм I совершил вполне понятную ошибку.

Несмотря на соперников из островного королевства, он вообразил, что его придворные, которых было не так и много, осядут и мирно уживутся с местными. В конце концов, разве не так случилось с датским королем Кнудом? И пусть он говорил по-французски – не был ли таким же норманном?

Поначалу все его действия носили примиренческий характер. Англия сохранила свое саксонское право, Лондон – привилегии, и, хотя многие поместья, как было в обычаях средневекового мира, оказались конфискованными в пользу приближенных к Вильгельму людей, большинство английских аристократов в те ранние годы удержали свои владения.

Так отчего бы этим островитянам не проявить толику рассудительности? Но вместо того нормандскому королю двенадцать лет пришлось терпеть их выходки. Сперва взбунтовались англичане; затем стали угрожать шотландцы, а потом вторглись датчане. Не раз казалось, что Вильгельм лишится своего островного королевства. И всякий раз англосаксонские вельможи, которым он верил, оказывались изменниками, из-за чего доведенный до ручки нормандец был вынужден призывать из-за моря новых наемников и награждать этих чужеземных рыцарей поместьями, отобранными у очередной группы саксонских предателей. Таким образом через десяток лет старую английскую знать полностью заменили. Завоеватель же мог с полным правом заявить: «Сами виноваты».

В те же годы лик Англии менялся под влиянием еще одного новшества.

Норманнский замок в Лондоне был поначалу строением скромным: простая и прочная деревянная башня, поставленная на земляной насыпи и окруженная частоколом, – мотт и бейли¹⁸ Нормандца. Бесхитростная, но крепкая постройка, державшая город в благоговейном страхе. Такие замки уже построили для гарнизонов Уорвика, Йорка, Сарума и многих других английских поселений – боро. Однако для двух ключевых оборонительных рубежей, что находились в Лондоне и на восточном побережье, в Колчестере, задумали нечто более грандиозное: не деревянную массивную цитадель, а каменную. Лондонцам адресовался прозрачный намек: «Твой господин – король Вильгельм».

¹⁸ Термин для обозначения особого типа средневекового замка, представляющего собой обнесенный частоколом двор, внутри которого или рядом находился увенчанный деревянной крепостью холм.

Было утро. Рабочие, подобно муравьям, сновали по стройке возле реки под жарким августовским солнцем.

Ральф Силверсливз, вооруженный хлыстом, стоял перед молодым рабочим, который с надеждой взирал снизу вверх, протягивая, как священное подношение, небольшой предмет.

– Твоя работа?

Юноша кивнул, и Силверсливз задумчиво уставился на вещицу. Она замечательна, спору нет. Затем он вновь посмотрел на просителя. Ральфу приятно было сознавать, что жизнь юнца отныне пребывала в его руках.

Завоеватель явился благом для Ральфа. Тот всегда оправданно считал себя в семье дурачком. Хотя со временем унаследовал бы ровно столько же, сколько брат, семейными делами все-таки заправлял умник Анри. Ральф восхищался Анри, хотел быть на него похожим, но знал, что этому не бывать. Он был никчем, и люди потешались над ним.

Но с приходом короля Вильгельма все изменилось. Отец добился для него должности при очень крупной фигуре – вельможе по имени Жоффруа де Мандевиль, главном представителе короля в Лондоне. Ральф впервые ощутил себя важной птицей. Ральфа не угнетало то обстоятельство, что Мандевиль использовал его на побегушках в примитивных делах. «Я норманн», – гордо заявлял он. Из новой знати. В последний год Ральф был поставлен надсмотрщиком при лондонском Тауэре.

– Так что же, Озрик, нам делать с тобой? – процедил он сквозь зубы.

Это был паренек шестнадцати лет, но его возраст стерся под гнетом тяжелой жизни и уродства. Короткие ноги были изогнуты, пальцы напоминали обрубки, а темные глазки глубоко посажены, голова слишком крупная для его тела.

Он прибыл из деревушки на западе Англии близ древнего поселения под названием Сарум. Вскоре после прихода Завоевателя она перешла к одному из виднейших вельмож Вильгельма. В деревне жили хорошие работники, но среди сотен крестьянских семей в обширных владениях этого богача юный Озрик ценился невысоко. Вельможа не узнал бы о его существовании, не имей тот глупости поставить силки на лошадь его рыцаря, который впоследствии сломал ему руку. Мальчонка мог поплатиться жизнью, но король Вильгельм, все еще тешивший себя надеждой снискать любовь англичан, велел явить милосердие. Поэтому юному Озрику лишь отрезали нос. Теперь посреди угрюмого лица у него красовался маленький и неприглядный иссиня-красный бугорок. Дышал Озрик ртом. И ненавидел всех норманнов.

Поскольку вельможе пожаловали еще и поместье Челси вверх по течению от Лондона, он отослал мальчика туда. Годом позже его управляющий продал Озрика другому вельможе – не кому иному, как Жоффруа де Мандевилю. Мальчик уже и не понимал, кто он такой – серв или раб. Однако одно знал доподлинно: если оплошает, Ральф Силверсливз отрежет ему уши.

Поэтому он беспокойно ждал, пока грубый надсмотрщик обдумывал вердикт.

Солнце палило, и Озрику чудилось, будто они стоят посреди огромной таинственной кузницы. Травянистое плато напоминало большую зеленую наковальню; невидимые глазу плотники, стучавшие молотками, эхо которых негромко разносилось над склонами, казались бесчисленными эльфийскими кузнецами.

К востоку от Тауэра находилась древняя римская стена; на западе и севере сохранился земляной вал и частокол деревянного форта. Внутри же огороженного участка разместилось несколько мастерских, складов и конюшен.

У берега были пришвартованы три большие деревянные баржи: одна заполнена булыжником и щебенкой; вторая – базальтом из Кента; третья – прочным светлым камнем из нормандского Кана. Работники волокли от реки к основанию Тауэра тяжелые тележки.

Закладка впечатляла массивностью. Сам фундамент был площадью больше сотни квадратных футов, и у молодого Озрика замирало сердце всякий раз, когда он заглядывал вниз.

Казалось, что рву, развернувшемуся перед ним каждое утро, не будет конца. Тот был не только протяжен и глубок, но и поражал шириной: толщина стен в основании будущей башни достигала двадцати шести футов. В огромном котловане исчезали, как расплавленная руда в исполинской отливной форме, целые баржи камней.

Труд неимоверно тяжелый. В течение нескольких месяцев Озрик тягал тележки, едва не надорвав свою слабую спину. Нередко, с красным от жары и натуги лицом, с забитыми пылью глазами и ртом, он пытался дать отдых измученному телу, пока ударом хлыста Ральфа или пинком десятника не отсылался, несчастный и жалкий, трудиться дальше. Незащищенные корявые руки покрылись мозолями. Лишь одно скрашивало его существование: наблюдение за плотниками.

Работы же у тех на подобном строительстве было по горло: деревянные пандусы, подъемники, леса, а со временем – балки и половицы. При всяком удобном случае Озрик вертелся среди них, подмечая все, чем они занимались. Это было вполне естественно. Его тянуло к ним, ибо он происходил из семьи, всегда поставлявшей в деревню работников. А плотники, в свою очередь, чувствуя в нем своего, разрешали отираться поблизости и время от времени делились секретами мастерства.

Как же ему хотелось работать с плотниками! Именно это желание побудило его к отважному шагу. Благодаря добросердечному мастеру он три недели упражнялся с деревяшками и вот создал нечто, чем можно было гордиться. Вещицу скромную, простенькое соединение двух брусков, но столь безупречно задуманное и выполненное, что всякий плотник был бы рад назвать ее делом своих рук.

Этот дар он вложил в руки Силверсливза с мольбой:

– Сударь, нельзя ли назначить меня в помощь плотникам?

Вертя изделие в своих лапищах, Ральф задумался. Если сделать из этого серва приличного мастера, то Мандевил, несомненно, будет доволен. Безносый коротышка с большой башкой был всяко бесполезен в роли чернорабочего. И в тот момент Озрик был близок к осуществлению своей мечты.

Если бы не гибельная ошибка.

– Значит, решил, что способен стать плотником? – лениво осведомился Ральф.

Посчитав, что это поможет, Озрик ответил пылко:

– О да, сударь. Мой старший брат – отличный мастер. Я уверен, у меня тоже получится.

И удивился при виде странной, почти болезненной гримасы надсмотрщика.

Бедняга Озрик! Он знать не знал, на какую мозоль наступил. «Если мне не сравняться со старшим братцем, то с какой стати догонять своего этому ничтожеству?» – подумал Ральф.

А потому спокойно и вроде как не без мрачного удовольствия носатый нормандец вынес приговор:

– Твой брат – плотник, Озрик. Но ты всего лишь прах под ногами, а потому, дружок, останешься, где есть.

И он без всякой причины перетянул по унылому лицу мальчика хлыстом, а затем велел возвращаться к работе.

За столом друг против друга сидели двое. Какое-то время они молчали, обдумывая опасное дело, хотя любой мог сказать: «Если нас схватят, смерти не миновать».

Встречу в своем доме близ церкви Всех Святых назначил Барникель – ныне та выходила на поднимавшийся из земли Тауэр. Он сделал это по простой причине. Впервые за десять лет их преступной деятельности Барникель признался, что обеспокоен. И изложил основания.

Альфред же только что предложил выход.

Оглядываясь на прошлое, оружейник нередко дивился легкости, с которой втянулся в это дело. Едва ли он понимал, что происходит. Все началось десять лет назад летом, когда

скоропостижно скончалась жена Барникеля. Его друзья и близкие сплотились всем миром, желая поддержать вдовца. Дети позвали и юного мастерового. Однажды вечером, когда Альфред собрался уйти, Датчанин приобнял его ручищей и шепнул на ухо: «Не сделаешь для меня работенку? Опасную». Альфред не раздумывал. Разве не был он обязан Датчанину всем, что имел? «Конечно», – ответил он. «Твой наставник скажет, что делать», – тихо произнес Барникель и тем ограничился.

Времена были непростые. Король Вильгельм еще далеко не вполне обезопасил свои владения. Мандевиль нервничал в Лондоне и часто вводил комендантский час. Одновременно потребности нормандского гарнизона в оснащении сохраняли востребованность оружейников. Альфред с мастером не раз задерживались после того, как вечерний колокол возвещал окончание рабочего дня.

И вот в один осенний вечер мастер сказал Альфреду:

– У меня есть еще одно дело, но ты можешь идти. – Когда же тот вызвался помочь, он тихо продолжил: – Это для Барникеля. Ты не обязан оставаться.

Последовало короткое молчание. Альфред понял.

– Я займусь, – произнес он.

После той судьбоносной ночи они часто задерживались в мастерской допоздна. Это не вызывало подозрений, поскольку работали якобы на Мандевиля. И все же им приходилось соблюдать осторожность. Они всегда закрывали дверь на засов и держали официальные заказы под рукой, чтобы, войди к ним кто-нибудь, спрятать незаконно изготовленное оружие и предъявить разрешенное.

Для Альфреда это стало превосходной школой. Теперь он мог справиться едва ли не с любым поручением. Шлемы, мечи, щиты, наконечники к копьям – все это он изготавливал дюжинами. То обстоятельство, что он утаивал свои навыки от товарищей-подмастерьев, играло ему на руку вдвойне. Они, хотя и знали о его успехах, были бы удивлены, увидев, как порхают его пальцы в столь поздний час, а сам он пребывает наедине с наставником. Пряча тайно произведенное оружие в подпол, он задавался только одним вопросом: для чего оно?

Как-то ночью Барникель явился с вьючными лошадьми и все забрал. О том, куда направлялся, он не сказал ни слова. Однако вскорости на севере и востоке Британии вспыхнуло крупное восстание. Для его поддержки высадились датчане, а в Восточной Англии мятеж возглавил отважный английский дворянин Хервард Уэйк.

На сей раз король Вильгельм жестоко сокрушил бунтовщиков и разорил значительную часть севера. Через четыре года датчане предприняли новую попытку. В этом же году, притом что сын Вильгельма принял участие в восстании в Нормандии, поползли новые слухи.

Альфред заметил и кое-что еще. Оружие всегда заказывали не во время мятежа, а за многие месяцы до него.

Но это не сильно его удивляло. В конце концов, великая норманнская сеть – грандиозное хитросплетение поселений вингов, связывавших торговцев от Норвегии до Средиземноморья, – была чрезвычайно активна. За эстуарием Темзы простирались бескрайние северные воды. Оттуда до сих пор звучали отголоски саг, и редкий месяц обходился без тех или иных заморских сплетен. Барникель Викинг по-прежнему слышал многое.

Теперь же, когда король был за морем в Нормандии, казалось, что Барникелю известно еще кое-что. В последние три месяца они изготавливали копья, мечи и несметное количество наконечников для стрел. Зачем? Не скрывался ли до сих пор в лесах Хервард Уэйк, как верили некоторые? Может быть, норманны и по сей день готовили свои боевые лады? Никто не знал наверняка, но король строил Тауэр в камне, а Мандевиль, поговаривали, располагал шпионами на каждой улице. Никто, насколько представлял Барникель, не подозревал оружейника, но время выдалось такое, что тревога была понятна.

За последних десять лет изменился и Альфред. Теперь уже полноправный оружейник, он мог уйти от старого мастера давным-давно. Четыре года назад он женился и уже обзавелся тремя детьми. Он стал осторожнее. Конечно, если Барникель был прав и короля Вильгельма заменят, быть может, датским монархом, то его тайная деятельность удостоится крупного вознаграждения. Но если тот ошибался...

– Проблема в том, – объяснил Барникель, – что я больше не осмеливаюсь рисковать выучными лошадьми. Слишком много развелось шпионов. Нам нужно что-то другое.

Тогда-то Альфред и внес свое предложение.

Ныне же Датчанин, обдумав его, кивнул своей рыжей бородищей.

– Может и выгореть, – согласился он. – Но нам нужен хороший плотник, которому можно доверять. Есть у тебя такой на примете?

Спокойным летним вечером двумя днями позже Хильда спустилась с холма от собора Святого Павла и вышла из города через ворота Ладгейт.

Тауэр был в Лондоне не единственным новым замком Завоевателя. Здесь, на западном краю города, у ближайших к реке ворот, возвели пару фортов, пусть и намного меньших. Но их мрачное соседство не повлияло на настроение Хильды. Она даже улыбалась, ибо спешила на встречу с мужчиной, которого называла своим возлюбленным.

Она осознала, что, к счастью, никогда не любила мужа. Благодаря этому избежала разочарования, поскольку всегда видела его таким, какой он есть.

Каким же? Анри Силверсливз – мужик умный и работающий. Она подмечала, как он вел дела. При отсутствии отцовского стратегического мышления Анри был мастером быстрого удара. Он презирал Ральфа, хотя научился держаться с ним вежливо. «Никак не пойму, зачем отец упорно хочет завещать ему половину семейного состояния, – признался он ей однажды. – Слава богу, хоть собственных детей у него нет». Хильда знала, сколь страстно оберегал Анри достояние Силверсливзов. Оно было подобно крепости, у которой он стоял на часах, вовеки не собираясь покидать пост. И преуспел в делах настолько, что отец теперь часто проводил время в поместье неподалеку от Хэтфилда, в одном дне пути к северу от Лондона.

Что до семейства Хильды, то и оно получило от брака желаемое. Хотя, когда Завоеватель конфисковал в Кенте большую часть поместий, ее отец Леофрик лишился, как и боялся, Боктона, но старший Силверсливз подоспел на помощь, и радостно было нынче видеть отца, свободного от долгов. Он даже сколотил солидное состояние для ее брата Эдуарда. Да, сочла она, это было правильно.

А что же с ней? Она жила в прекрасном каменном доме возле собора Святого Павла. Анри уже сделал ей двоих детей, мальчика и девочку. Муж был обстоятелен. Ей оказывал всяческое внимание. И она считала, что из Анри мог выйти вообще идеальный муж. Не будь он совершенно холоден сердцем.

– Ты отлично устроилась, – заметил ей Леофрик.

Это правда. Она даже встретилась с королем в его Вестминстерской резиденции, когда он останавливался там на Троицу. Король Вильгельм – румяный, тучный, с большими усами и пронзительными глазами – заговорил с ней по-французски; стараниями мужа она неплохо выучила язык, и король остался настолько доволен ее ответами, что обратился ко всему двору.

– Смотрите, – объявил он, – этот молодой нормандец с английской женой – образчик того, что можно прекрасно ужитья! – И просиял, взглянув на нее.

– Молодчина, – шепнул Анри, и она возгордилась.

Но на следующий год в том же месте произошел инцидент не столь радостный.

Отец относился к нормандскому королю прагматично: «Мне это не по душе, однако он, вероятно, останется, и нам придется извлечь из этого наибольшую пользу». Впоследствии, прослышав, что королю понадобились охотничьи соколы, Леофрик вошел в великий расход и хло-

поты, но приобрел пару отменных птиц. Когда Хильду с мужем пригласили ко двору, принес их и вручил ей со словами: «Передай их Вильгельму в дар от меня лично».

Она с восторгом смотрела, как слуги внесли две тяжелые клетки; король же довольно воскликнул:

– Я в жизни не видел краше! Откуда они?

И Хильда оказалась совершенно не готовой к тому, что Анри, стоявший впереди, бесстыдно и поспешно вставил слово:

– Я искал по всей округе, сир, – и улыбнулся ей.

Она не смела перечить мужу перед лицом короля. Могла лишь пристально взирать на него. Но миг спустя, будто пронзенная холодной болью, поняла: что-то умерло. В дальнейшем она подумала, что могла бы простить его, когда бы не улыбка.

А потому, отправляясь на свидание, она испытывала по отношению к Анри лишь чувство долга. Больше ничего.

Сразу за деревянным мостом через Флит, где некогда находился священный колодец, стояла каменная церквушка в честь кельтской святой, чье имя часто связывали с водой, – святой Бригитты, или, как ее звали в данном случае, Сент-Брайд.¹⁹ И возле церковки Сент-Брайдс, выходящей на ворота Ладгейт, тот терпеливо ждал.

Барникель Биллингсгейтский был влюблен.

Завоевание Англии нанесло Датчанину тяжкий удар. Его земли в Эссексе были отобраны норманнами. Какое-то время он опасался разорения, но ухитрился сохранить свое дело в Лондоне, а Силверсливз, к его великому удивлению, исправно выплатил ему старый долг Леофрика. Даже его младший сын, столь страстно мечтавший о саксонской девушке, нашел себе превосходную партию. Теперь мальчонка жил с тестем, чье дело ему предстояло унаследовать. «Могло быть намного хуже», – не уставала напоминать жена. Но вскоре она неожиданно умерла, и несколько месяцев Датчанин был сам не свой.

С того времени он обретал опору в двух вещах. Первой была его тайная война против нормандских захватчиков. Он поклялся продолжать ее до гробовой доски.

Второй же – Хильда.

Поначалу они стеснялись друг друга, оба сожалея о размолвке между их семьями, но, когда сын Барникеля женился, они, встречаясь в Уэст-Чипе, уже не чувствовали себя неловко и часто задерживались для обмена парой дружеских слов. Выяснив, где она прогуливается по вечерам, он взял в привычку в то же время пересекать Флит. Датчанин долго, добрый год после кончины жены, считал, что питает к Хильде любовь сугубо отцовскую, тогда как она, куда быстрее постигнув истину, помалкивала.

Лишь раз, пять лет назад, Барникель осмелился зайти дальше. Хильда была печальной и усталой, а он вдруг спросил:

– Что, твой муженек дурно с тобой обращается?

Она помедлила, затем издала грустный сухой смешок:

– Нет. Но если бы и да? Чем ты можешь помочь?

Датчанин, забывшись на миг, придвинулся ближе и горячо произнес:

– Заберу тебя от него!

Она лишь покачала головой, пробормотав: «Мы не сможем встречаться, если будешь так говорить», и он навсегда оставил свои поползновения.

И так, год за годом, длилась их целомудренная любовная связь. Она не видела ничего дурного в приязни старшего, умудренного опытом мужчины, коль скоро ее недолюбили дома.

¹⁹ Брайд (Bride) по-английски имеет также значение «невеста».

Барникель же обнаружил особого рода удовольствие в этой роли пылкого поклонника – быть может, не вполне безнадёжной.

Поэтому он, одетый в новый синий плащ, легко и целеустремленно шагнул навстречу, и вместе они пошли на запад к Олдвичу и старому церковному двору его предков-викингов, что в Сент-Клемент Дейнс.

Сколько же нор будет в этих подвалах! Фундамент рос, и внутреннее устройство огромного Тауэра уже сделалось очевидным.

Всю левую половину внутренней части со стороны берега занимал большой зал. Правая делилась надвое: вытянутую с севера на юг прямоугольную камеру в две трети пространства и малую в переднем, юго-восточном углу. Здесь предстояло быть часовне.

Строительство возглавлял Гандальф, видный нормандский монах и архитектор, недавно вызванный в Англию и провозглашенный в соседнем Кенте епископом Рочерстерским. Гандальф прибыл, вооруженный грузом познаний в европейском материковом фортостроительстве, и король Вильгельм уже назначил ему в разработку несколько проектов. На самом деле великий лондонский Тауэр был одним из двух: его почти идентичный собрат находился в Колчестере в Эссексе.

Озрик, как бы ни ненавидел он свой тяжкий, монотонный труд, был захвачен деталями здания, разраставшегося вокруг. В основе лежали те самые подвалы, которые со стороны реки оказывались примерно вровень с берегом, но из-за легкого наклона площадки почти целиком скрывались под землей у задней стены.

Камень укладывался слоями: сначала кентский базальт, отесанный лишь слегка, затем мелкозернистый песчаник для прочности, далее снова базальт. Все это скреплялось раствором, приготовленным из разных подручных материалов. Часто привозили подводы с древнеримской черепицей, которой изобиловали окрестности, и Озрика ставили работать с мужчинами, разбиравшими ее в пыль для изготовления цементной смеси. От черепицы раствор в стене приобретал красноватый оттенок, и один из строителей мрачно заметил:

– Гляньте, Тауэр замешали на английской крови.

Светлый нормандский камень из Кана предназначался лишь для углов и отделки.

– Он особо прочный, – сказал десятник, – а коль скоро другого цвета, то и здание красивше.

Когда начали подниматься подвальные стены, Озрик заметил и иное: из одного огромного помещения можно перейти в следующее, хотя в наружной стене не было двери. Он обнаружил, что добраться до подвалов возможно лишь по единственной витой лестнице, встроенной в башенку северо-восточного угла. Что же касается окон, то когда он спросил о них десятника, малый улыбнулся и указал на две узкие врезки, видневшиеся высоко в западной стене:

– Присмотрись.

Только когда каменщики принялись за эти участки, Озрик уразумел, что каждому предстояло иметь форму тонкого сужающегося клина.

– Для окон-то маловато места, – заметил он одному из мастеров, а тот лишь рассмеялся.

– Будет просто щель, – ответил он пареньку. – Не шире ладони. Зато никто не войдет и не выйдет.

Озрика заинтересовали еще две особенности подвала. Первая – это большое отверстие в полу главной, западной камеры. Вначале он пришел в недоумение, но вскоре узнал его назначение, так как был самым мелким из всех работяг и Ральф немедленно выбрал его для отправки вниз.

– Копай, – приказал он коротко.

А на вопрос мальчика, сколь глубоко, Ральф обругал его и объяснил:

– До самой воды, дурачина!

Хотя Темза протекала поблизости, а неподалеку от берега имелся еще и колодец, для королевского замка было важно располагать собственным надежным источником воды внутри его стен. А потому Озрик, обвязанный веревками, день за днем спускался с киркой и лопатой и отсылал на поверхность корзины с землей и гравием. Он проникал все глубже и глубже в земляные внутренности Тауэра, пока не добрался до воды. Когда измерили колодец, который он выкопал, тот оказался сорок футов в глубину.

Но Озрик обмирал от другого.

Ральф неожиданно призвал его в тот же день, когда отказал в плотничестве, и заявил:

– Озрик! Ты хорошо роешь норы, и у меня есть для тебя новое дело. – И продолжил, не успев тот измениться в лице: – Туннель – вот твое место.

Канализация была важной частью всякой крупной крепости, и лондонский Тауэр задумывался с умом. Отходя от углового отверстия в полу невдалеке от колодца, водосток должен был под некоторым наклоном пройти под землей около пятидесяти ярдов до самой реки. В отлив он останется относительно сухим, однако в прилив воды Темзы грозили затопить его и выплеснуться.

Было тесно; места, чтобы работать внаклонку киркой, хватало лишь для таких недомерков, как Озрик. Он ежедневно спускался и часами копал, а землю извлекали из туннеля в открытых мешках; плотники установили опоры, чтобы не обвалился свод. Озрик не знал, сколько дней или недель предстояло ему вгрызаться в землю, пока не придут каменщики, не займутся стеной и не сделают крышу. Он казался себе кротом, спина у него постоянно болела.

Через неделю такого труда он предпринял вторую попытку вырваться на свободу.

Епископ Гандальф Рочестерский был человек крупный. Лысая голова, мясистое лицо, тело же и манеры представлялись в равной степени округлыми. Однако в движениях присутствовала некоторая порывистость, указывавшая на очень подвижный ум, который превращал его в отличного руководителя. Если его и смешил на исходе этого августовского дня туповатый надсмотрщик – а может быть, раздражал, – то на лице у него ничего не отражалось. Надлежало проявить такт.

Он только что изменил план лондонского Тауэра, и Ральфу Силверсливзу предстояло кое-что перестроить.

Сначала Ральф не поверил ушам. Он уставился на уже поднимающийся фундамент. Неужто этот жирный епископ и вправду требует от него снести эту каменную махину и начать все заново?

– Только юго-восточный угол, друг мой, – сладко пропел епископ.

– Это двадцать пять барж камня! – взвился взбешенный Ральф. – Зачем, ради всего святого?

Причина оказалась довольно проста. Такой же замок в Колчестере имел в этом углу полукруглый выступ, обращенный к востоку. Создателю лондонского Тауэра понравилось, как это выглядит, и он решил соорудить здесь такую же штуку.

Гандальф со всей обходительностью продолжил:

– Там, видишь ли, будет апсида королевской часовни. Благородное сооружение! И король придет в восторг, – добавил он.

Если последнее и отложилось в тупом мозгу надсмотрщика, то он не подал виду.

– Работа затянется на недели. А скорее, на месяцы, – возразил он угрюмо.

– Король исполнен упований на скорый труд, – учтиво ответил епископ.

Это было слабо сказано: после десяти лет треволнений Вильгельм хотел, чтобы новый каменный замок выстроили в Лондоне без всяких проволочек.

– Невозможно, – буркнул Ральф.

Он терпеть не мог, когда его стращали умники.

Гандальф вздохнул и нанес удар:

– Не далее как вчера я расхваливал тебя и говорил королю, до чего ты хорош для такого великого дела. Скоро мы с ним увидимся вновь.

Ральф капризно повел плечами, хотя даже он уловил скрытую угрозу.

– Как будет угодно, – пробормотал он и начал отступать.

Епископ, дабы покарать грубияна за докучливость, любезно dokonчил:

– Я передам королю, что ты справишься с новым делом в прежний срок. Ни дня простоя! – крикнул он весело. – Он будет очень доволен.

Юный Озрик сделал свой ход через считанные минуты.

Озрик уже не раз наблюдал тучного епископа, когда Гандальф приезжал с инспекцией.

Подобно многим высокопоставленным лицам, епископ с легкостью нацепил маску бодрой учтивости, которая защищает и облегчает жизнь видным фигурам. На обходе стройплощадки ему ничего не стоило любезно кивнуть – даже сервам.

А потому вполне понятен был план, сложившийся в голове маленького невольника, скорбно трудившегося в темном туннеле.

Ему хотелось быть мастеровым до зуда в пальцах, всем существом. Что в этом плохого? Или Бог предназначил ему страдать за грехи? Одно он знал наверняка: Ральф Силверсливз был не орудием Божьего промысла, а дьяволом. Зато епископ Гандальф, отвечавший за все, человек Божий и казался добросердечным. А разве не мог обратиться к Божьему человеку хотя бы и серв?

«Мне все равно терять нечего», – подумал Озрик.

Он ждал удобного случая. И вот, когда он закончил смену в туннеле и увидел епископа, стоявшего перед стройкой, Озрик решил попытать счастья. Сбегав в плотницкую мастерскую, он прихватил свою поделку и робко приблизился к знатному мужу.

При виде серьезного мальчика, перепачканного в земле и с деревяшкой в руках, епископ Гандальф удивился, однако дружелюбно спросил:

– Что это, сын мой?

Озрик в нескольких словах объяснил:

– Это моя работа. Я хочу быть плотником.

Гандальф, разглядывая серва, без труда догадался об остальном. Он видел, что изделие недурное. Его взор скользнул по плотницкой мастерской. Может, и стоит отправить туда мальчонку – поглядеть, что из него выйдет. И он уже собрался устремиться туда, когда услышал позади свирепый окрик.

Это был Ральф.

Тому хватило мгновения, чтобы уразуметь замысел Озрика. Для Ральфа, который уже был взбешен изменением плана, вид увечного серва, обратившегося через его голову к Гандальфу, явился последней каплей. По мере его приближения к епископу крик превратился в вой.

– Он говорит, что хочет быть плотником, – деликатно заметил Гандальф.

– Никогда!

– Способности к ремеслам суть Божий дар. Их надобно применять.

– Вы не понимаете, – вдруг осенило Ральфа, – ему нельзя доверить ни нож, ни какой другой острый инструмент. Он и здесь вкалывает лишь потому, что пытался убить королевского рыцаря. Вот ему нос и отхватили!

– На вид парень не больно грозен.

– Однако так оно и есть.

Гандальф вздохнул и, разумеется, не поверил надсмотрщику. С другой стороны, он достаточно расстроил его за один-то день. А сооружение Тауэра должно продолжаться бесперебойно.

– Как будет угодно, – пожал он плечами.

И Озрик, хотя не понял ни слова, ибо изъяснялись они на нормандском французском, сообразил, что лишился последней надежды.

Через несколько секунд его за ухо препроводили к туннелю.

Ральф пустился орать:

– Думаешь сделаться плотником за моей спиной, да? Ну, оглядись! Видишь землю и камни? Копать тебе до скончания дней, плотничек! Другого тебе не будет, пока не сломишь хребет! – Он мрачно осклабился. – Эта башня, Озрик, станет тебе и жизнью и смертью, потому что я заставлю тебя строить, пока не околеешь. – И собственноручно швырнул его в проем, коротко повелев: – Работай вторую смену!

Будучи слишком занят этим важным делом, Ральф Силверсливз не заметил присутствия посторонних. Но если бы даже обратил внимание, то в Альфреде-оружейнике не было ничего особенного.

Тот же явился в Тауэр с благими намерениями. Ему заказали большие решетки для водостока и колодца, и он пришел выяснить размер.

Альфред с умеренным интересом внимал расправе Ральфа над тщедушным пареньком. Едва же надсмотрщик ушел, Альфред подошел к входу в туннель. На земле он приметил образчик трудов Озрика, который выпал, когда Ральф сбил того с ног. Альфред задумчиво подобрал вещьцу.

Ночью, уже после продолжительной беседы с юным Озриком, Альфред заявил своему другу Датчанину:

- По-моему, я нашел подходящего мальчонку.
- Веришь ему? Жизнь свою доверяешь?
- Пожалуй.
- И почему? Чего он хочет?
- Мести, – усмехнулся Альфред.

Да, месть сладка. План был отчасти рискованный, но Озрик не сомневался в себе. А прежде всего – гордился.

Ночью он тайно выскользнул из рабочего барака при Тауэре и добрался до находившегося неподалеку дома Датчанина. Там, в кладовке, они с Альфредом принялись за работу. Его корявые пальцы мгновенно сообразили, что к чему. Вскоре методом проб и ошибок он изготовил столь толковое, восхитительное изделие, что господин оружейник вскричал: «Да ты и в самом деле мастер!»

Задача, порученная ему Датчанином, сводилась к следующему: превратить свою тележку в тайник для оружия. Но стоило ему указать маленькому плотнику место для потайного отделения – под тележкой, как тот предложил решение получше.

– Туда они сунутся в первую очередь.

Не трогая днища, он сосредоточился на прочном каркасе. Работая усердно и вдохновенно, Озрик выдолбил брусья, прикрыв дело рук своих посредством затычек и скользящих панелей. Парень сработал на совесть: теперь внутри можно было скрыть изрядное количество разобранных мечей и наконечников для копий и стрел. Когда он закончил, внесенные преобразования остались незаметными.

– Сама тележка сделана из оружия! – восторженно возопил Барникель и обнял маленького плотника столь сердечно, что чуть не задушил.

Датчанин сообщил Альфреду, что отправка состоится на следующей неделе.

Спустя два дня Хильда совершенно случайно встретила Ральфа. Это произошло на холме между воротами Ладгейт и собором Святого Павла, и Хильда пребывала в отвратном расположении духа. Правда, к Ральфу это не имело никакого отношения.

Она разозлилась из-за рукоделия.

Как раз в те годы Англия короля Вильгельма узрела полотно столь грандиозное размерами и знаменитое, что равного ему, возможно, не существовало. Гобелен из Байё, как называлось это невиданное изделие, по сути, было не гобеленом, но огромным шитьем из разноцветных стежков – вышивкой по льняному полотну, выполненной в англосаксонском стиле. Имея в высоту всего двадцать дюймов, она, однако, отличалась поразительной длиной: семьдесят семь ярдов. Эта вышивка изображала сотен шесть человек, тридцать семь кораблей, столько же деревьев и семьсот животных. Она знаменовала триумф Нормандского завоевания.

Сверх того, это был первый известный образчик английской государственной пропаганды. Облеченный в форму огромной тканой картины, в своих стилизованных фигурах и десятках битв он являл взгляд нормандского короля на события, приведшие к завоеванию, а также подробное описание битвы при Гастингсе. Гобелен был заказан его сводному брату Одо, который хоть и являлся епископом нормандского города Байё, имея с того приличный доход, был также воином и правителем не менее беспощадным и честолюбивым, чем сам король. И над полотнищем, пока оно не было сшито, трудились английские женщины – большей частью из Кента.

У Хильды имелись все основания разгневаться при виде этой великолепной работы. Она не хотела участвовать, но Анри заставил ее присоединиться к леди, собравшимся в королевском зале Вестминстера для осуществления замысла. «Ты сделаешь приятное епископу Одо», – сказал он, невзирая даже на то, что именно Одо пожаловали половину Кента, а один из его рыцарей ныне обосновался в ее родовом поместье Боктон. Анри знал это, но ему не было дела. Гобелен, живописавший памятные события, неизменно выступал для нее болезненным напоминанием об утрате старого дома, об участи страны и о долгих годах служения холодному и циничному супругу.

А потому, вернувшись утром от вестминстерских дам, Хильда все еще пребывала в негодовании.

И тут она увидела Ральфа.

Тот был откровенно возбужден. Оживленный, сверкая обычно тусклыми глазами, он без спросу зашагал рядом.

– Секрет рассказать? – заговорил родственник.

Хильда порой жалела Ральфа. Отчасти из-за того, что его презирал Анри, но больше, быть может, потому, что тот оставался холостяком.

У него вообще не было женщины. Иногда он ходил через мост на южный берег, где поселилась небольшая община шлюх, но даже эти особы не сильно радовались его незатейливым ухаживаниям. Хильда, бывало, предлагала подыскать ему жену, но Анри отговаривал. «Тогда у него появятся наследники, – напоминал он. А однажды сухо заметил: – За семейными делами присматриваю я. И намерен его пережить». Поэтому, когда Ральф зашагал рядом, она заставила себя улыбнуться.

Возможно, Ральф не был бы столь неосмотрителен, не повстречай он невестку сразу после свидания с великим Мандевилем. Ему нравилась Хильда. Однажды он жалобно заявил ей: «Я не такая дубина, как считает Анри». Теперь же, красный от волнения, он не удержался от соблазна произвести на нее впечатление.

– Я удостоился серьезной миссии, – сообщил он.

Беседа Ральфа с Мандевилем была короткой, но важной. Великому вельможе полагалось быть в курсе всего, и мало что из событий в Юго-Восточной Англии ускользало от его внимания. Ральф узнал от него о нешуточных опасениях насчет новых беспорядков в глубинке.

– Когда они взбунтовались три года назад, – поведал ему Мандевиль, – оружие, по нашему мнению, поступало из Лондона. Этому надо положить конец.

Обдумав положение, Мандевиль решил, что для надзора за небольшой операцией, которую он затеял, ему потребен человек подозрительный, ограниченный и безжалостный.

– У тебя есть неплохая возможность себя показать, – уведомил он Ральфа, когда изложил свой план. – Тебе понадобится терпение, а также шпионы.

– Я разберу на щепки каждую телегу, что выедет из Лондона! – вскричал надсмотрщик.

– Нет, это незачем, – возразил Мандевиль. – Мне нужно, чтобы ты, наоборот, ослабил пригляд за вывозимыми товарами. – Он улыбнулся. – Необходимо усыпить их опасения. Взамен поставь людей в лесу, и пусть идут следом, если заметят что-нибудь подозрительное. Важно не просто пресечь поставки оружия. Я хочу выйти на мятежников. И главное, никому ни слова. Ты хорошо понял?

О да, он понял. Высокое доверие. Тайное поручение. Распираемый гордостью, Ральф шествовал через город. Вряд ли можно было удивляться тому, что при виде Хильды он испытал желание ошарашить ее и моментально решил:

– Ты мне родня, тебе-то я, конечно, скажу!

Если бы не досада на утреннее рукоделие, она могла не проявить ни малейшего интереса к секретам Ральфа. Однако теперь при взгляде на его тяжелое лицо – грубую версию мужниного – и мысли о несчастных англичанах, ее соотечественниках, которых он изловит и, несомненно, убьет, Хильда испытала отвращение.

Она поняла, что ее тошнит от всех них – Анри, Ральфа, нормандцев и их власти. Очевидно, сделать с этим она не могла ничего. Кроме, пожалуй, одного.

– Гордись, – сказала Хильда, покидая его.

На следующей неделе ей предстояло ехать в Хэтфилд, в поместье свекра, и провести там месяц. Ее не сильно радовала сия перспектива, и вечером Хильда выбралась на тихую и приятную прогулку с Барникелем, зная, что они довольно долго не увидятся.

Поэтому, когда они встретились у церкви Сент-Брайдс и отправились обычным маршрутом к Олдвичу, она спокойно выложила ему услышанное от Ральфа, добавив:

– Мне известно, ты нормандцам не друг. Предупредишь, если знаешь кого?

И тут же, заметив откровенное смятение Барникеля и догадавшись со всей очевидностью, что он увяз в этом деле глубже, чем ей казалось, Хильда в порыве внезапном и благородном схватила мужчину за руку и мягко спросила:

– Милый друг, могу ли я тебе чем-то помочь?

Дорога, уходившая из Лондона на север, сперва тянулась через топкие луга и поля, а далее, когда земная твердь начинала забираться вверх, вступала в Мидлсекский лес близ старого саксонского селения Ислингтон.

Через десять дней после встречи с Мандевилем ретивый Ральф Силверсливз, раздосадованный предельно, выехал из леса на юг в сопровождении дюжины вооруженных всадников.

Он только что пообщался со своими людьми, и те его не порадовали.

– Ничего серьезнее вил, – брюзгливо доложил один. – Может, их предупредили.

– Это невозможно! – воскликнул Ральф.

Когда же другой осведомился, вполне ли он понимает, чем они заняты, рассвирепевший Ральф сбил его с ног.

Теперь, возвращаясь, он чувствовал, что вызвал сомнение у оставшихся позади людей. А еще подозревал, что его провели, но не понимал как. Он даже взял на заметку собственных шпионов.

И тут Ральф увидел повозку.

Было в ней что-то подозрительное. Большая, крытая, влекомая четверкой крупных лошадей, она громко скрипела, – похоже, в ней перевозили тяжелый груз. Рядом с возницей сидел человек в капюшоне.

Ральф лишился последнего ума. Нормандцу, доведенному до белого каления, показалось, что он наконец-то напал на след. Забыв о наставлениях Мандевиля, Ральф как на крыльях устремился прямо к повозке и крикнул вознице, чтобы не двигался с места.

– Стоять, предатели! Долой чехлы! – заорал он. – Собаки!

Но стоило ему, запыхавшемуся, подъехать, как загадочная личность отбросила капюшон и взглянула на него с глубочайшим укором. Это была Хильда.

– Болван! – закричала она так, что слышно стало всем. – Анри всегда называл тебя тупицей! – Откинув холстину, Хильда предъявила безобидный груз. – Вино! Подарок от твоего родного брата отцу! Я везу его в Хэтфилд.

И она столь убедительно замахнулась на него кнутом, что он поспешно отпрянул, побагровев лицом.

Полетели смешки. Униженный и взбешенный, Ральф гаркнул на них, чтобы ехали следом, и, даже не оглянувшись, пустил коня в сторону Лондона.

Спустя пять недель у церкви Сент-Брайдс, когда вокруг не было ни души, Барникель Биллингсгейтский позволил себе запечатлеть целомудренный поцелуй на челе своей новой общины.

Затем, довольные, они прошли по берегу.

Ни одному из них не пришло в голову, что на сей раз за ними следили.

1081 год

На двадцатом году жизни Озрик положил глаз на девушку. Той было шестнадцать.

Он никому не сказал о ней, даже другу – Альфреду-оружейнику.

Занятно, что эти мужи сошлись. Альфред стал признанным мастером. Белая прядка во лбу сделалась почти невидимой, ибо волосы поседели. Он изрядно располнел. Научился властно командовать подмастерьями, женой и четырьмя детьми, которые повиновались ему во всем.

Но он не забыл о дне, когда Барникель подобрал его, голодавшего, у Лондонского камня, а потому старался проявить добросердечность к ближнему и помогал своему бедному малолетнему товарищу чем мог. Мало того что Озрик на глазах у родни Альфреда ел досыта как минимум раз в неделю, Альфред неоднократно пытался выкупить серва и дать ему вольную. Но в этом не преуспел. Ральф так или иначе исхитрялся найти препятствия.

– Прости, – сказал однажды юноше Альфред. – Я ничего не могу сделать.

Ненависть же Ральфа к серву, возникшая из-за пустяка, переросла в привычку.

– В каком-то смысле, Озрик, – глумился он, – я почти полюбил тебя.

Чистая правда. Маленький трудяга был единственным живым существом, которое он мог ущемить всякий раз, как вздумается; если Озрик противился, то тем приятнее было Ральфу. И ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем пресечение попыток Озрика освободиться.

– Не печалься, – утешал его Ральф. – Я никогда тебя не отпущу.

Она была миниатюрна. Длинные темные волосы расчесаны на прямой пробор, белая кожа. Единственным цветным пятнышком были губы, тоже маленькие, но алые. Озрик не знал этого, но все в ней говорило о кельтском происхождении и, возможно, римском.

Рабочие селились в деревянных строениях за старой римской стеной на берегу реки. Здесь они обустранивались как хотели. Некоторым, вроде Озрика, хватало охапки соломы. Другие, сойдясь с женщинами, сооружали себе как могли скромные хибары из дерева или тюков той же соломы – так здесь оседали целые семьи. Это было пестрое сборище. Одни являлись сервами, направленными на стройку землевладельцами в уплату служебного долга королю; другие – рабами; третьи, как Озрик, имели увечья, выдававшие провинность в некоем преступлении. Дисциплина хромала.

Ее отец был поваром, и при его жизни они питались неплохо. Но он скончался два года назад, и жить стало тяжело. Мать, трудившаяся на подхвате где попало, болела; ее руки все больше распухали и ныли от артрита. Помощи ждать было неоткуда, и девушке приходилось выживать самостоятельно. В те времена больные и женщины-сервы недолго задерживались на свете. Девушку звали Доркс.

Впервые Озрик обратил на нее внимание в декабре. Работники трудились на строительстве Тауэра в любую погоду, но та зима выдалась особенно суровой. Однажды, через две недели после Рождества, был отдан приказ: «Кончай работу».

– В такой мороз, – объяснил Озрику десятник, – раствор замерзает и крошится.

На следующий день многих сервов разослали по их селам, оставшихся вывели и приказали утеплять и прикрывать стены.

Утепление стен – дело трудоемкое, но необходимое. А также пахучее, ибо в качестве утеплителя применялась смесь подогретого навоза с соломой. «Но она помогает», – заверил Озрика десятник, и вскорости массивные серые стены были увенчаны слоями компоста.

Озрику, несмотря на холод, к концу дня не терпелось вымыться, а потому он спускался к Темзе и прыгал, не раздеваясь, в воду, после чего мчался в амбар высушить у жаровни свою

одежду. Именно тогда он открыл, что в лагере жил еще один человек, привыкший мыться на рассвете и на закате. Это была Доркс.

Девушка была очень опрятна и тиха. Эти ее особенности паренек заметил первыми. Вдобавок она выглядела довольно неразвитой физически. Он улыбнулся: мышка! Но в остальном поначалу не обратил на нее внимания. Ему было чем занять голову и без нее.

С начала его работы на Альфреда и Барникеля три года назад беспорядков не случилось. В Англии царил покой, если не принимать в расчет бунта на севере. На что бы ни надеялся Барникель, переправляя оружие, дело кончилось ничем. Озрик подозревал, что старый Датчанин продолжал запасаться, однако наверняка не знал.

Впрочем, жизнь у Озрика пошла сносная. Конечно, большую часть времени парень занимался обыденной тягомотиной: возил тележки со щебенкой, переправлял к каменщикам корзины с камнем и доставлял столярные изделия. Однако постепенно он приобщился и к другому занятию.

Удачно разобравшись с тележкой Барникеля, паренек не мог утомиться – все подбирал деревянные и выклиничивал у плотников обрезки. Вечерами при свете жаровни он вырезал, и каждую неделю что-нибудь да выходило: фигурка, детская игрушка. И в скором времени даже плотники и каменщики окрестили его крошкой-умельцем. Это говорилось любовно, но не без юмора, как если бы он был своеобразным талисманом. В конце концов, Озрик не принадлежал к их братии, оставаясь лишь презренным преступником. Но он не унывал, продолжал свое дело, и те нередко объясняли ему, чем занимаются и что к чему.

И вот же диво – всякий раз, вступая в мрачные стены Тауэра, Озрик бывал заморожен, хотя и был принесен им в жертву.

Огромные подвалы уже были готовы и прикрыты здоровенными настилами вкупе с половицами, за исключением юго-восточного угла с каменными сводами. Витые подвальные лестницы уже запечатали массивной, обитой железом дубовой дверью, которая запиралась на ключ, изготовленный Альфредом-оружейником.

– Там будет храниться оружие всего гарнизона, – сказал Озрику десятник.

Стены первого этажа стремительно вырастали. Здесь, как было заведено в подобного рода нормандских крепостях, находился главный вход – величественный проем в южной стене, к которому снаружи вела высокая деревянная лестница. Стены же, почти такие же толстые, как в подвалах, изобиловали нишами с узкими окнами и другими проемами. Две последние особенно заинтересовали юного работника.

Первая ниша – около десяти футов в ширину, в западной стене первого этажа. В нее можно было войти, как в небольшую комнату. Взглянув вверх, Озрик прикинул ее высоту – футов двенадцать; сразу под потолком в стене виднелось маленькое отверстие, выходившее наружу.

– Для чего оно? – спросил он у каменщиков.

Те рассмеялись.

– Для огня! – При виде недоумения Озрика они объяснили: – Над этим помещением будет королевский зал. Король пожелал иметь камин вместо жаровни посреди зала, которая дымит в щели между половицами. Во Франции, знаешь, такие уже есть. В восточном крыле будет то же самое.

Любопытство вызвали и два других помещения в северной стене. Узкие проходы вели к наружному краю стены, где в закутке стояла каменная скамья с отверстием.

– А ну-ка, загляни в дырку, – пригласил каменщик.

Озрик повиновался и узрел короткий крутой скат, выходивший наружу на высоте двадцати футов.

– Французы называют это *garderobe*,²⁰ – пояснил каменщик. – Сообразил для чего? – Озрик кивнул, и он продолжил: – Мы приладим к скату деревянный желоб, чтобы торчал из стены. И все полетит аккурат в выгребную яму. Пороешься потом!

Озрик прикинул:

– В задницу будет дуть.

Каменщик расхохотался:

– Оно и лучше! Засиживаться не захочется.

Случай произошел в июне – на самом деле пустяк. Теплым вечером, когда Доркс спустилась к воде, на берегу сидела и выпивала мужская компания. Доркс не задержалась – лишь ополоснула лицо и руки. Но когда она проходила мимо мужчин, кротко потупив глаза, один, слегка захмелевший, прихватил ее за талию и объявил:

– Мышку поймал! Ну-ка, поцелуй нас!

Другая бы высмеяла его, но Доркс не знала, как вести себя с пьяным мужиком. Уткнувшись подбородком в грудь, она замотала головой и попыталась вырваться. Пьянчуга нашарил ее маленькие груди, оценил и ухмыльнулся остальным.

Тут он заработал удар.

Подоспевший Озрик не стал разбираться и ждать. Парень набросился на врага с такой яростью, что тот полетел на землю, хотя коротышка был вполтину его роста. Секунду Озрик думал, что либо верзила, либо пьяные дружки швырнут его в реку, но вместо этого разразился хохот:

– Да он боец, наш крошка-умелец! Озрик, мы не знали, что она твоя девушка.

С того дня на стройке только и язвили:

– Озрик, как поживает твоя подружка?

Так он впервые и разглядел ее.

Возможностей было много. Порой ранним утром он видел ее идущей к реке. Наступило лето, и Доркс ходила в одной сорочке. Подобно большинству женщин, она вошла в воду не раздеваясь, а когда вышла, парень получил полное представление о ее сложении. Он обнаружил, что избранница его не была, как ему мнилось, плоскогрудой – маленькие груди оказались вполне оформлены и выглядели изящно.

Ночами, когда она сидела с матерью у огня, Озрик садился чуть поодаль и изучал ее лицо. И очень скоро то, что казалось бледным и невзрачным профилем, предстало красивым.

Однако острее даже, чем эти черты, он замечал и другое. Пусть она была робкой, но мать защищала со спокойной решимостью, ибо бедная женщина с каждым месяцем становилась все бесполезнее из-за своих увечных рук. Доркс, неизменно сохраняя достоинство и ничего не кланча, выполняла разные мелкие поручения, за которые с ней расплачивались едой, а то и кое-какой одежкой. Тем самым она хранила себя и мать от полной нищеты.

После того как Озрик вступился за нее, девушка расположилась к нему. Они часто болтали и прогуливались. Иногда он видел, как ее иссохшая мать с беспомощными, узловатыми пальцами наблюдала за ними, но мысли ее оставались тайной, и Озрик не хотел их выяснять, поскольку никогда не удостоивался от нее благодарности большей, чем печальный кивок. Доркс знала, конечно, что из-за нее над ним посмеивались, но ничуть не переживала. Однако Озрик заметил, что она, несмотря на кроткую улыбку, по-прежнему вела себя с ним настороженно. Была ли тому причиной застенчивость или что-то другое?

В июле он понял, что влюбился. С чего вдруг – и сам не знал. Однажды вечером Озрик, глядя на нее, неожиданно ощутил прилив нежности и стремления защитить. На следующий

²⁰ Уборная (уст.).

день он продолжил ее высматривать. Ночью она ему снилась, а днем казалось, что жизнь обрела бы некоторый смысл, живи они вместе.

– Тогда, – пробормотал он, – я бы за ней приглядел.

Эта мысль настолько разволновала его, что даже жалкие хибары, где они ютились, показались ему залитыми новым, теплым светом.

Через несколько дней они с Доркс на пару повстречались с Ральфом Силверсливзом.

У Ральфа была привычка с утра пораньше, еще до начала работ, обходить участок. Иногда он останавливался осмотреть жилье, чаще – нет. Однако всегда, как личный замок, с гордостью огибал растущий Тауэр. Он только покончил с этим, когда увидел юную пару, шедшую от реки.

Ральф слышал шуточки в адрес Озрика и девушки, но считал коротышку-работника созданием настолько ничтожным, что не верил в желание хоть какой-нибудь девушки иметь с ним дело. Теперь же, увидев их вместе, вдруг поразился: неужто правда? Могла ли быть женщина у жалкого Озрика, если ее не было у самого Ральфа? Охваченный тайной завистью, он уставился на девушку:

– Чем это ты занята? Шляешься с этим недомерком? – Затем обратился к Озрику: – Оставил бы ты, Озрик, эту милашку в покое. Ей стыдно с таким. Ты же страшный урод. – И, отвесив ему легкий подзатыльник кнутовищем, продолжил путь.

Те же не вымолвили ни слова.

Чуть позже девушка шепнула:

– Я вообще не обращаю на него внимания.

Но Озрик, хотя и знал, что Ральф ему враг, был потрясен словами нормандца и промолчал.

Во время отлива на берегах Темзы существовало несколько мест, где чистая вода собиралась в заводи. Тем же днем, когда солнце уже светило так ярко, что небо отражалось в воде, Озрик ускользнул к реке в одиночку.

С годами, забыв о боли, испытанной при отсечении носа, и привыкнув к затрудненному дыханию, Озрик не особенно задумывался о своей наружности. Да и трудно взглянуть на себя в мире, почти лишенном стекла. Однако теперь он изумленно уставился на свое отражение в воде.

Затем ударился в слезы.

Он знать не знал, что его волосы уже поредели. Парень забыл о мелком недоразумении, в которое превратился нос. Разглядывая свою огромную башку, согбенное тщедушное тело и безобразную кляксу посреди лица, он испытал желание завывать, но, побоявшись привлечь внимание, подавил вопль и глухим шепотком сказал себе:

– Плохо дело. Я страшила.

Совершенно раздавленный, он печально побрел работать.

И все-таки в последующие дни, хотя поначалу его подмывало прикрыть в ее обществе свое непривлекательное лицо, Озрик ни разу не заметил отвращения, которое девушка, как он считал, должна была испытывать. Если она скрывала его, то очень умело. И, как обычно, спокойно улыбалась ему.

Он начал посматривать на других мужчин, оценивая их недостатки. Один был хром, у другого сломана рука, у третьего гноилась язва. Озрик подумал, что сам, быть может, не столь уж непривлекателен.

«Вот бы она полюбила меня», – мечтал парень. Он бы ее защитил. Жизнь за нее отдал бы! В таком настроении Озрик прожил еще три недели.

Каменщики занимались криптой часовни. Та была просторна и вдавалась в восточную апсиду примерно на сорок пять футов. Они уже начали возводить свод.

Озрику нравилось наблюдать. Сперва работали плотники; они соорудили большие полукружные арки, вздымавшиеся на лесах, как череда горбатых мостов. Затем наверх вскарабкались каменщики и положили камни, аккуратно обтесав их в клинья и разместив расширенным основанием кверху, благодаря чему арка, когда все они оказались на месте, приобрела необычайно прочную опору.

Но вскоре Озрик познакомился с новой особенностью Тауэра.

Однажды утром он стал свидетелем того, как каменщики ворчали по случаю очередной проклятой переделки. В считанные секунды нарисовался Ральф и злобно велел ему убираться и заняться своим делом. Озрик ушел и быстро погрузился в работу.

Стена между криптой и камерой на восточной стороне Тауэра получилась около двадцати футов в толщину. Когда каменщики проделали в ней узкий вход для крипты, Озрику и еще троим велели выдолбить внутри стены полость. И вот, под защитой возведенных плотниками опор для каменной кладки, они вгрызались в стену день за днем, подобно рудокопам, пока не соорудили потайной отсек площадью около пятнадцати квадратных футов.

– Прямо пещера, – осклабился Озрик.

Сравнение точное, ибо стены средневековых замков предназначались не только для разделения помещений. Они имели собственную структуру; в них можно было проделать ходы, как в скале.

– Здесь будут храниться ценности, – сказал им Ральф.

Хранилище предполагалось оборудовать массивной дубовой дверью.

Одним хмурым воскресным утром в начале осени Озрик признался в любви.

Вдоль старой римской стены близ Тауэра высились лестницы, восходившие к бойницам, и Озрик с девушкой, поскольку день был нерабочий, поднялись туда полюбоваться видом на реку. Там стояла отрадная тишина, и паренек, очутившись с подругой наедине, внезапно настолько исполнился нежности к ней, миниатюрной и бледной, что бережно приобнял за талию.

И миг ощутил, как она застыла. Он повернулся взглянуть на нее, но Доркс отпрянула. Затем, натолкнувшись на опечаленный взгляд Озрика, помотала головой и осторожно, но твердо отвела его руку:

– Пожалуйста, не надо.

– Но я подумал, что, может статься...

Она вновь помотала головой и сделала глубокий вдох:

– Озрик, ты всегда был очень добр ко мне, но... – Доркс спокойно смотрела на него карими глазами. – Я не люблю тебя.

Парень кивнул, ощутив, что тоска застряла в горле удушливым комом.

– Из-за?.. – Он хотел спросить, не из-за лица ли, но не смог.

– Прощу тебя, уйди, – отозвалась девушка. Озрик замялся, и она добавила: – Сейчас же.

Разумеется. Все было понятно. Озрик сошел по ступеням и вернулся к хибарам, где надолго засел в молчании, созерцая соломенное ложе и тихо плача из-за своего уродства.

Он удивился бы, узнав, что скорбь бледной девушки, так и смотревшей вдаль со стены, была сильнее его собственной, ибо дилемма заключалась вовсе не в том, о чем он думал.

Доркс сразу обратила внимание на его обезображенное лицо, но после едва ли о нем вспоминала. Девушка восхищалась отвагой Озрика, ей нравилось его доброе сердце. «Но толку-то?» – спросила она у себя спокойно и горько. У Озрика ничего не было. В деревне даже послед-

ний серв располагал хижинкой и клочком земли, чтобы возделывать для себя. У Озрика имелась лишь соломенная постель. На что ему было рассчитывать? Таскать, пока не сломается, камни для Ральфа Силверсливза, который его ненавидел. А ей? Ухаживать за немощной матерью. Как это делать, если появится мужчина? Озрик был в этом не помощник. Так или иначе, она насмотрелась на нищие семьи с оборванными и полуголодными детьми, возившимися в грязи. «Живут как сброд, – заметила однажды мать. – Не уподобься им».

Единственная ее надежда – понравиться какому-нибудь работнику или серву, присланному из поместья. В противном случае ей предстояло ухаживать за матерью своими силами, как могла. А что потом? Доркс сочла, что тоже не заживется.

Таким образом, она повела себя с Озриком осторожно, стремясь быть доброй к бедолаге, но не внушать ему больших надежд. Этим утром она поступила как должно: отослала его быстро и непреклонно. Теперь же, озирая с протяженных городских стен окрестности и оглядываясь на вздымавшуюся громаду Тауэра, она прокляла судьбу, заточившую ее в этой мрачной темнице.

И Озрик ни в коем случае не должен был догадаться о тайне, с которой она жила все эти недели, – девушка любила его.

В последующие дни Озрик и Доркс при каждой встрече обменивались привычными улыбками, но говорили редко. Оба держали свои чувства при себе. На том, казалось, дело и кончилось. Но не вполне.

Первой заметила перемену в Озрике жена Альфреда. Обычно его еженедельные трапезы в семье оружейника проходили празднично. Альфред построил новый дом впритык к мастерской – прочное бревенчатое строение с большой главной комнатой и верхним этажом, разделенным надвое: для них с женой и для детей, коих было уже шестеро. Подмастерья спали в служебной постройке на задворках.

Жена Альфреда – особа веселая, сдобная. Дочь мясника, она правила домочадцами с легкостью и сноровкой женщины, любимой мужем и имевшей детей ровно на одного больше, чем рассчитывала. Озрик, каким бы жалким ни было его обыденное существование, к порогу их дома обычно приободрялся и часто приносил детям какую-нибудь самодельную игрушку.

– Ты ему прямо как мать, – говаривал Альфред супруге.

– Тем лучше, – отвечала та. – Бог свидетель, она ему не помешает.

А потому она встревожилась, когда на исходе лета заметила, что Озрик сам не свой. Он витал в облаках, ел мало. «Не влюбился ли этот несчастный?» – спросила она у Альфреда. Тот усомнился. Но когда осенью Озрик пришел однажды бледный как смерть, не проронил ни слова, а есть вообще не смог, она забеспокоилась всерьез. Деликатные расспросы ни к чему не привели.

– Не понимаю, в чем дело, но оно скверно, – сказала она мужу. – Поспрашивай в Тауэре. Попробуй узнать.

Через несколько дней Альфред отчитался:

– Сказывают, что он крепко сдружился с девчонкой. Я ее видел. Очаровашка, просто мышонок! Даже поговорил с ней.

– И что?

– Да пустяки. Они друзья, не больше. Сама так сказала.

Жена на это покачала головой и улыбнулась:

– Я потолку с ней.

Тем паче ее удивило поведение Озрика, когда уже следующим вечером тот прибыл на ужин.

Парень все еще был бледен и словно хранил какой-то секрет. Она недоумевала, в чем тут дело, если не в девушке.

Но главное – тот никогда еще не съедал так много. Когда хозяйка подала рагу, он четыре раза спросил добавки, эля же выдул три здоровые кружки. Он умял вдвое больше, чем всякий жадный мастеровой.

– Гляньте на Озрика! – разгалделись дети. – Он сейчас лопнет!

– Силенками запасаешься? – осведомился Альфред.

– Да. Сегодня наверну, сколько сумею, – ответил тот, не объясняя, и когда ушел, все прочие остались в неведении.

Он был доволен и ночью, лежа на соломенном ложе, с улыбкой обдумывал свой план.

На следующее утро, когда Ральф совершал заведенный обход, над берегом висел туман. Люди копошились близ хибар, но представляли лишь смутными силуэтами; их кашель и голоса звучали в липкой сырости приглушенно и бесплотно. Неясными сделались даже грозные очертания Тауэра, напоминавшего огромный корабль-призрак, выброшенный на сушу.

Ральф хрюкнул. Накануне он навестил дам с южного берега, но те, хотя и давали ему физическую разрядку, все меньше удовлетворяли его, и на рассвете он брел по мосту в дурном расположении духа.

Вдобавок его раздражало еще кое-что.

Куда, черт возьми, подевался его хлыст? Тот загадочно исчез двумя днями раньше. Он отложил его всего на пару минут, и после, какие бы чудовищные угрозы Ральф ни изрыгал, никто из работников так и не смог ему сказать, куда тот запропастился. С годами Ральф настолько свыкся с ощущением кнутовища в руке, что испытывал ныне крайнее неудобство и чуть не терял равновесия на ходу.

– Ну, раздобуду новый, если вскорости не найду, – бурчал он в досаде.

Он не потрудился заглянуть в хижины, но по привычке обошел размытый массив Тауэра, время от времени поглядывая на склоны, как будто стремился убедиться, что вóроны, скрывавшиеся в тумане, по-прежнему охраняли его темные, сырые стены.

И только он свернул за угол, как сразу увидел свой хлыст.

Тот валялся на земле у стены, на вид пребывая в целости и сохранности. Вор небось перепугался и вздумал вернуть его таким способом.

Чуть улыбнувшись, Ральф подошел и нагнулся, чтобы поднять хлыст.

Озрик ждал этого целый час.

Парень понимал: его замысел опасен. Однако всю неделю, прокручивая в голове свой план, он задавался вопросом: что ему терять? Доркс он оказался не люб. Стремиться было не к чему, жизнь представляла беспросветной. Что ему сделают сверх того, что успели? Не отрадно ли, пусть хотя бы чуток, прибить надсмотрщика, который столь безжалостно его унизил?

И вот, наблюдая из укрытия, он тщательно вычислил подходящий момент, сделал глубокий вдох, напрягся и тихо процедил:

– Пора.

Вечерние старания Озрика не сгнули втуне. Он так набил желудок, что в самом деле боялся лопнуть. Мягкие, теплые испражнения, хлынувшие из него струей, устремились с северной стороны Тауэра в *garderobe*, где он воссел, – их было намного больше, чем когда-либо ранее. Терпя и крепясь столь долго, парень разродился продуктом замечательной концентрации. Податливый, обильный, но компактный, тот полетел в благословенной тишине к далекой цели.

Мигом позже Озрик, теперь уже мочившийся в лоток, с восторгом узрел, что его посылка приземлилась аккурат на голову надсмотрщика.

Снизу донесся вопль ужаса, затем, когда Ральф вскинул руку, – изумления, и, наконец, едва он увидел и учуял, что на ней такое, – неимоверного отвращения. К моменту, когда он поднял взор на выходное отверстие, там уже никого не было.

Взревев от ярости, нормандец помчался вокруг здания и вверх по лестнице. Он ворвался в *garderobe*, оттуда ринулся через зал в камеру, крипту и даже окунулся во тьму хранилища. Но не нашел никого. Рыча от негодования, он вернулся в главный зал и уже собрался искать дальше, когда был захвачен мыслью внезапной и еще более кошмарной.

Вот-вот на работу пожелают первые каменщики. Они увидят его обляпанным вонючей и неприглядной дрянью. Он станет посмешищем Тауэра, всего Лондона. Поэтому, издав крик отчаяния, Ральф вылетел из здания и вскоре был замечен бегущим к городу сквозь утренний туман.

Озрик ждал. Он сидел на корточках, плотно прижимаясь к стене, футах в десяти выше, в тени огромного камина. Он слышал вопли Ральфа и, улыбаясь, внимал удалявшемуся топоту нормандца.

Затем он спустился.

Через несколько дней Доркс была изумлена: жизнерадостная супруга оружейника пригласила ее пройтись. Они направились к Биллингсгейту; девушка дичилась, но постепенно, сраженная сердечностью и понятливостью этой женщины, немного оттаяла, а потом, хотя сама того не желала, ее и вовсе прорвало.

Однако все это было не столь удивительно, как дальнейшее.

Женщина спокойно и доброжелательно объяснила, что они с мужем дружны с Озриком, поведала, как Альфред пытался выкупить его.

– Может, когда-нибудь и сумеет, – добавила она, а потом сделала предложение: – Мы присмотрим за твоей матушкой. Даже Ральфу не хочется обременяться лишним и бесполезным ртом. И последим, чтобы она не голодала, а если Ральф разрешит, заберем ее к себе.

– Но... – Девушка замялась. – Если у нас с Озриком будут дети...

Женщина dokonчила за нее:

– И Озрик умрет? – Она пожала плечами. – Насколько получится, приглядим и за ними. Не думаю, что им грозит голод. – Женщина помедлила. – Конечно, тебе могут предложить и что-нибудь получше. Если так – соглашайся. Но это хоть что-то. Мой муж – главный оружейник и имеет здесь некоторый вес.

На обратном пути Доркс молчала, ибо не знала, что думать и говорить. Но в итоге, будучи молодой и измученной, ответила:

– Спасибо. Да.

Через несколько вечеров Озрик ошарашенно взглянул на бледную фигурку, приближавшуюся к нему в слабом мерцании жаровни.

Прошел год, прежде чем мать Доркс приняли в дом оружейника. За это время успели доделать первый этаж Тауэра и заготовить для потолка огромные деревянные балки.

Озрик и Доркс, уединившись в своей жалкой обители, как могли жили безмятежно. Не было ни свадебной церемонии, ни официального освящения, но в этих условиях на такое и не приходилось рассчитывать. Местный люд называл Доркс просто: женщина юного Озрика; его же – ее мужчиной. Добавить к этому было нечего.

За исключением того, что вскоре после ухода матери Доркс спокойно сообщила Озрику, что ждет ребенка.

Шли месяцы, и Альфреду-оружейнику с женой казалось, что они сделали доброе дело, а жизнь в Лондоне при нормандцах была, в конце концов, вполне сносной.

Или была бы, не докучай им лихо, которое начало разрастаться и без принятия мер грозило поглотить их всех.

Однажды утром, поздней осенью 1083 года от Рождества Господа нашего, Леофрик-купец, проживавший в Уэст-Чипе, стоял у своего дома под знаком Быка, на миг захваченный нерешительностью.

Два вида, ему открывшиеся, настолько приковали внимание, что он знай вертел головой, пытаясь вобрать сразу оба.

Первый являл наполовину выстроенную церковь.

Вильгельм насадил в Англии не только замки. С материка он прихватил и кое-что еще, важное чрезвычайно: Континентальную церковь. В конце концов, король обещал папе в обмен на благословение реформировать Английскую церковь, а слово свое привык держать. Поэтому при первой же возможности заменил саксонского архиепископа Кентерберийского Ланфранком, очень известным нормандским священником. Осмотрев свою новую обитель, Ланфранк вынес простой вердикт: «Безблагодатно». И начал наводить порядок.

За несколько лет до этого в Уэст-Чипе случился пожар. Дом Леофрика уцелел, но саксонская церковь Сент-Мэри в конце переулочка сгорела дотла. И вот архиепископ Ланфранк лично распорядился восстановить ее в качестве его собственного лондонского храма.

Поэтому на полпути, если идти по Чипу, сразу за лавками торговцев тканями, ныне высилась небольшая, но ладная церковь. Подобно Тауэру на востоке, она была прямоугольной, основательной и выстроенной из камня. Крипту, преимущественно располагавшуюся над землей, почти закончили. Там были неф и два придела. Даже свод был каменным, хотя в данном случае строители воспользовались римским кирпичом, обнаруженным поблизости. Но самой яркой особенностью, что уже произвела впечатление на горожан, были прочные арки, подобные тем, что имелись в Вестминстерском аббатстве, – в романском стиле; изогнутые, как луки. Благодаря этому церковь еще до завершения работы получила имя, сохранившееся в веках: Сент-Мэри ле Боу.

Едва ли был день, когда Леофрик не проводил как минимум часа за созерцанием строительства этого прекрасного здания. Пусть норманнского, пусть у порога его дома – оно ему нравилось.

Другой же вид, однако, казался все более странным.

На северной стороне Чипа, в сотне ярдов от того места, где он стоял, пролежала узкая улица Айронмонгер-лейн. И там, на углу, вот уже пять минут пряталась фигура в высшей степени примечательная. Голову покрывал капюшон. Человек безуспешно пытался скрыть свой рост и, очевидно, личность; из капюшона торчал кончик пышной рыжей бороды.

Но зачем ему там отираться? Дальше по Айронмонгер-лейн находился лишь едва отстроенный квартал, названный еврейским, так как там совсем недавно поселились евреи.

Вильгельм Завоеватель, как и его соратники, привлек в Англию новый люд – нормандских евреев. Они были привилегированным классом, поскольку находились под особым покровительством короля, однако были отстранены от большинства профессий, а потому избрали своим делом выдачу ссуд. Не то чтобы лондонские купцы не знали простейших финансовых операций. Ссуды и неизбежно сопряженные с ними проценты существовали здесь давно, как и везде, где имелись купцы и денежное обращение. Леофрик, Барникель, Силверсливз – все они выдавали ссуды, взимая проценты или их эквивалент. Но это сообщество специалистов явилось для англо-датского города новшеством.

Так что же здесь вынюхивал Барникель? Станным было не только его одеяние, но и действия.

Сначала он шел по улице вперед, затем останавливался, разворачивался и спешил назад, потом вновь разворачивался, устремлялся вперед, в чем-то уверивался и опять шел назад.

Леофрик видел, как старый товарищ проделал это трижды. Испугавшись, что тот, похоже, спятил, Леофрик направился к нему. Однако Барникель явно заметил его, ибо с удивительным проворством снялся с места, заспешил по Полтри и скрылся за лотками, оставив Леофрика гадать: чем же это занимался Датчанин?

Разгадку уже следующим вечером предоставила Хильда, шагавшая с Барникелем мимо Сент-Брайдс к Сент-Клемент Дейнс.

Хильда мало изменилась и вела спокойную жизнь. Родился еще один ребенок. Она стала зрелой и умудренной, насколько это возможно разочарованной женщине. Наверное, самым большим удовольствием для нее оставались невинные свидания с Барникелем на берегах Темзы.

Недавно, впрочем, она заметила перемену в своем приятеле. Тот был не просто погружен в себя, но как бы внезапно состарился. В рыжей бороде стала заметнее седина; легкая дрожь в руках явилась для Хильды знаком того, что вечерами он нет-нет да напивался.

Отец рассказал ей о странной сцене близ еврейского квартала, а потому она, правильно рассчитав момент, деликатно спросила у старого друга, все ли в порядке. Сперва тот отмалчивался. Но когда они достигли Олдвича с его развалинами на месте небольшого мола, Хильда заставила Барникеля присесть на камень, и тот, печально взирая на Темзу, соизволил признаться.

Похоже, что его долги медленно возрастали. Она заподозрила причину в его тайной деятельности, однако не спросила. С момента завоевания многие датские купцы пострадали от конкуренции с нормандцами. Недавно же лондонцев обременили крупным налогом, дабы покрыть строительство замков для короля Вильгельма. Барникель не разорился, однако нуждался в деньгах.

– Вот и придется мне побираться у иудеев, – произнес он тусклым голосом и покачал головой. – Я одалживал, но никогда не занимал.

Его откровенно угнетало это обстоятельство.

– Но разве Силверсливз не должен тебе? – спросила Хильда, вспомнив о старом отцовском долге.

– Он выплачивает проценты, – кивнул Барникель.

– Так почему же не потребовать все? – осведомилась она.

Барникель поднялся:

– И пусть нормандцы узнают, что я в нужде? Пусть видят, как я пресмыкаюсь? – Внезапно он сделался почти прежним и прогремел: – Никогда! Скорее пойду к евреям!

И Хильде, как большинству женщин, осталось лишь подивиться мужскому тщеславию. Но она сочла, что поняла, как действовать.

Поэтому уже позднее в тот же день она навестила отца и предложила:

– Сходи к Силверсливзу. Не говори, что Барникель в беде, и обо мне тоже. Просто скажи, что долг на твоей совести, и попроси заплатить. Ради тебя он сделает это, и, если все пройдет естественно, Барникель никогда не догадается.

Леофрик согласно кивнул. Но не успела она уйти, как он задумчиво взглянул на нее:

– Ты увлеклась им?

– Да, – ответила Хильда просто.

Леофрик продолжал ее рассматривать. Он годами прикидывал, что же такое связывало ее с Барникелем, но не отваживался спросить.

– Прости, что насильно выдал тебя за Анри, – тихо сказал он.

Она выдержала его взгляд.

– Нет, этого не было. – Хильда улыбнулась. – Но сделай, как я прошу. – Затем ушла.

Вскоре после этого отношения между Альфредом и его другом и благодетелем Барникелем начали охлаждаться. Это произошло совершенно незаметно для прочих.

Тихим вечером они стояли у Барникеля в зале. Мало что изменилось. Огромный двуручный боевой топор так и висел на стене. Все было как обычно – вернее, было бы, не повтори сейчас Альфред с нажимом еще большим слова, которые минутой раньше сказал свирепому взирающему на него рыжебородому великану.

– Нет. Я не смею.

Альфред отказывал ему впервые в жизни.

Барникель снова слышал голоса из-за моря. Нет, ему не мерещилось. Они были весьма реальны. И в самом деле, на исходе 1083 года король Вильгельм, как никогда прежде, тревожился за свое новое островное королевство.

Причиной был обширный заговор на севере. За ним стояла Дания, где новый король, очередной Кнут, проникся духом викингов и возжелал авантюры. Дошло до того, что его эмиссары вели переговоры с соперниками нормандца-завоевателя – завистливым королем Франции и задиристым королем Норвегии.

Вильгельм не всегда мог положиться даже на собственных близких. Его сын Роберт, имея поддержку французского короля, уже пытался восстать; недавно же Вильгельму пришлось по подозрению в измене бросить в темницу своего сводного брата Одо, доблестного епископа Байё.

Датские эмиссары поспешили заявить: «Если они объединятся, не справится даже Вильгельм».

Вряд ли достойно удивления то, что подобные слухи привели Барникеля в восторг. Он мог погрязнуть в долгах. Мог стариться.

– Но через год-другой мы вновь обретем Кнута на английском троне! – пылко воскликнул он, обращаясь к Альфреду. – Подумай об этом!

И как же тот мог колебаться?

Между тем Альфреда уже давно тревожили его отношения с Датчанином. С их последней транспортировки оружия прошло пять лет. Пять лет, на протяжении которых в Англии царил мир. Пять лет, за которые Альфред стал доверенным оружейником при Тауэре. Он даже изготовил кольчугу для Ральфа, а меч – для самого Мандевиля. Да и вообще обеспечил семью и жил безмятежно.

Да, Барникель являлся к нему каждый месяц или два, просил сделать оружие. Понемногу зараз. Довольно простое дело, не вызывавшее подозрений; он прятал изделия в нескольких тайниках в мастерской под полом. Не говоря об этом даже жене, Альфред из верности продолжал оказывать Датчанину услуги. «Я все еще в долгу перед ним», – твердил он себе. Но время шло, семейство росло, и он выполнял эти поручения все более неохотно. А месяц назад, окинув взором скопившийся подпольный арсенал, пришел в ужас.

– Тут хватит на сто человек, – прошептал Альфред.

Впервые он испытал нешуточную панику. А ну как нормандцы обыщут мастерскую и найдут этот склад? Он подумал, что никак не отбредется.

– Я боюсь, – признался он Барникелю.

– Тогда ты трус.

На это Альфред только пожал плечами. Он слишком любил Датчанина, чтобы оскорбиться. Вдобавок имелись и другие соображения.

– Я думаю также, что все это становится зря. Истина в том, – изрек он тихо, – что большинство англичан уже приняли Вильгельма. Они могут не выступить за датчан.

Барникель издал яростный рев. И все же он не мог отрицать этого полностью. Лондон, ясное дело, вытребует себе особый статус при любом короле, но в ряде мелких восстаний последних десяти лет английская глубинка фактически сражалась бок о бок с ненавистными

нормандцами, подавляя бунтовщиков по той простой причине, что мятежи были опасны для урожая.

– Предатель ты! – злобно бросил Барникель, и вот на это Альфред закусил удила.

– А дети твои кто, коли так? – парировал он.

Это был острый выпад, попавший в цель. Альфред отлично знал, что взрослые сыновья Датчанина не слишком интересовались тайной отцовской деятельностью. «Если прибудет датский король, мы станем датчанами, – однажды заявил младший. – Но не раньше». Это было разумно, но Альфред видел, что Барникель пребывал в глубоком разочаровании.

Через несколько минут Альфред уступил и согласился выполнить просьбу, возможно, потому, что видел, сколь уязвлен был старик. Но сделал это, имея дурные предчувствия.

В декабре того же года Барникель Биллингсгейтский был чрезвычайно удивлен любезным приглашением нанести визит Силверсливзу.

Спору нет: если Альфред обрел независимость, то носатый нормандец решительно процветал. У ворот его дома стоял вооруженный страж. Два делопроизводителя трудились за столом в его прекрасном каменном особняке. Он был каноником собора Святого Павла. Его призвал к себе сам архиепископ Ланфранк. Хотя суровый реформатор счел купца-клерикала воплощением «безблагодатности», он был слишком мудр, чтобы позволить себе нечто большее, нежели сухо отчитать щедрого каноника и настоятеля церкви Святого Лаврентия Силверсливза. Барникель пытался выглядеть безразличным, но это было трудно.

Нормандец приветствовал его с бесконечной учтивостью, пригласил сесть и обратился серьезно, наставив носище в разделявший их стол:

– Давно уже, Хротгар Барникель, тяготил меня долг, перешедший от Леофрика. Надеюсь, ты признаешь мое неуклонное выполнение обязательств по этому делу.

Барникель кивнул. Нормандец был ему неприятен, но он не мог не согласиться, что все десять лет тот исправно выплачивал оговоренные проценты.

– Я давно мечтал избавиться от этого долга, – продолжил Силверсливз, – но сумма велика.

Барникель подозрительно зыркнул. Он слышал о склонности нормандца принуждать кредиторов брать меньше положенного. К его удивлению, Силверсливз благодушно вещал:

– Однако мне кажется, что, если ты примешь мое предложение, теперь я смогу расплатиться. – Он вскинул голову и улыбнулся.

Барникель на секунду оцепенел и ничего не ответил. Окончательно выплатить долг? Вспомнился позорный осенний визит в еврейский квартал. Даже он, закаленный в боях, не нашел в себе смелости вернуться туда.

– Чего задумал-то? – спросил Барникель грубо.

Силверсливз подобрал с пола пергаментный свиток и расстелил на столе.

– Кое-что. Думаю, тебя это заинтересует, – отозвался он. – Поместье, только что перешедшее в мои руки. Тебе оно, возможно, знакомо. Называется Дипинг.

Это удивило Датчанина еще больше, ибо он действительно знал это место.

Оно находилось на восточном побережье примерно в пятнадцати милях от его собственных угодий, которых он лишился с приходом Вильгельма. Хотя Барникель не бывал там, ему было отлично известно о богатстве земель вдоль этой прибрежной полосы, а лежавшая перед ним саксонская хартия свидетельствовала, что стоимость поместья могла даже превысить размер долга.

– Прошу тебя, обдумай это дело на досуге, – предложил Силверсливз. – Хотя, если ты не против, у меня уже составлен договор.

Барникель взглянул на него, потом на хартию и тяжело вздохнул.

– Беру, – сказал он.

Дела, похоже, налаживались.

И в самом деле, в следующем году мир перед Барникем заиграл новыми красками. Опасными, если на то пошло, но для Датчанина любая далекая смута, каждый сполох на горизонте являлись залогом великой сечи, милой его душе викинга.

Зимой ввели колоссальный налог. Он сильно ударил по Лондону и не пощадил даже последней деревушки в глубинке. Весь 1084 год напряжение росло. На восточном побережье возвели дополнительные укрепления. Приходили известия о датском флоте, готовом выступить следующим летом.

В начале же весны 1085 года по Лондону поползли слухи: «Король Вильгельм переправляет из Нормандии вспомогательную армию наемников». В городе строго соблюдался комендантский час. И вот однажды на прогулке Хильда предупредила Барникеля:

– Ральф наводнил шпионами каждую улицу.

Что только распалило Барникеля.

Ибо Альфред ошибся, заявив, что сопротивление власти норманнов иссякло. Датчанин знал полсотни человек или больше, вполне готовых выступить, если сочтут, что пробил час. Одни были из Кента, где алчность Одо сделала нормандцев непопулярными; другие являлись, как сам он, датскими купцами, терпевшими с момента захвата усиливавшийся натиск континентальных конкурентов; третьи были ограбленными саксонцами, которые надеялись вернуть свои земли.

«Восстание лишь вопрос времени, – с удовольствием говорил себе Барникель. – Когда придет срок, я буду готов».

Удар по этим планам был нанесен в мае с неожиданной стороны.

Для Озрика это было счастливое время. Первый ребенок, здоровая девочка, принес ему великую радость. Благодаря Альфреду и его семье она не испытывала нужды ни в пище, ни в одежде. Озрику казалось, что для полного семейного счастья недоставало одного. «Придет день, – сказал он Доркс, – будет и мальчик».

С другой стороны, его жизнь улучшилась и по причине углублявшегося в Англии политического кризиса. Покуда строительство Тауэра продолжалось своим чередом в стремительном темпе, Мандевиль дал Ральфу новые поручения, и надзор за работой свелся к непродолжительной ежедневной инспекции. Чернорабочие и каменщики облегченно вздохнули, и Озрик, по мере роста высоких стен Тауэра, вошел во вполне приятный и спокойный трудовой ритм.

И получалось на славу. Последний этаж Тауэра обещал стать подлинным чудом. «Я называю этот этаж королевским», – любил повторять Озрик.

Тот же, по сути, был двойным. Хотя дополнительный этаж надстроили много веков спустя, исходная высота достигала почти сорока футов. Наружную стену опоясывала, подобно крытой аркаде, внутренняя галерея для прохождения придворных, которые могли созерцать Темзу через маленькие окна или любоваться просторными хоромами внизу через нормандские арки. Здесь тоже соорудили *garderobes*, а в восточном крыле – еще один камин, хотя огромный главный зал предстояло согревать на старинный манер: большими жаровнями в центре.

Но самым изящным и благородным сооружением в юго-восточном углу оказалась часовня.

Она была очень проста, с округлой апсидой в восточной стене. Помещение разделялось двойным рядом толстых круглых колонн, образующих короткий неф и два боковых придела, с галереей на верхнем уровне. Округлые очертания арок, окна, которых только и хватало для мягкого освещения бледно-серых камней. Часовню называли в честь святого Иоанна. Возможно, именно здесь, в простой и крепкой часовне при великом замке возле реки, особенно ощущалась духовная сущность нормандца Вильгельма, завоевателя Англии.

И главные арки уже были почти готовы, когда одним весенним вечером Озрику неожиданно сообщили, что его хочет видеть Барникель.

Планы Датчанина спутали два человека. Ральф Силверсливз был первым.

Опасаясь вторжения, король Вильгельм не только послал на материк за наемниками, но и приказал Мандевилю готовить лондонцев. Что означало для Ральфа новое задание.

Туповатый нормандец в кои-то веки подошел к делу с умом. Его люди обходили дом за домом, собирая оружие. Брали любое; владельцам же сулили страшные кары, если впоследствии выяснится, что они что-то скрыли. Нормандцы действовали быстро. Пожалуй, единственным вооружением, которого они не тронули, был знаменитый двуручный топор Барникеля – Датчанин, к ужасу домашних, упрямо настоял на его сокрытии.

Поскольку оружие часто оказывалось в плохом состоянии, его доставляли к оружейникам, где ставили охрану. Затем уносили на надежный склад.

– А после и оружейников обыщу – спокойствия ради, чтобы тоже ничего не припрятали, – хвалился однажды вечером перед семейством Ральф.

– Ну и куда же ты в конце концов денешь все это оружие? – спросила Хильда.

– В Тауэр, – ухмыльнулся Ральф.

Это было первое дело, когда понадобился Тауэр. Пока здание строилось, лондонский гарнизон оставался рассредоточенным по фортам Ладгейта и прочим местам, однако под склад можно было использовать огромный подвал, наглухо запертый и отделенный от других помещений Тауэра. Для большей надежности Ральф уже перекрыл низ витой лестницы второй прочной дверью, на которую Альфред также навесил тяжелый замок.

– Мне хватит стражника наверху лестницы, – заметил Ральф.

Королю Вильгельму будет приятно узнать, что его великий замок уже нашел применение.

На следующий день Хильда все рассказала Барникелю.

Если угроза обнаружения оружия заставила Альфреда и Барникеля нервничать, то самый кризис разразился стараниями жены оружейника.

Явившись однажды поздно вечером в мастерскую, она с удивлением застала мужа за укладыванием меча в тайник под полом. Справившись с охватившим ее страхом, женщина заставила его выложить всю правду, после чего выдвинула оружейнику ультиматум:

– Как ты посмел подвергнуть нас такому риску?! Немедленно прекрати помогать Барникелю! Навсегда! Чтoб не было здесь никакого оружия!

Альфред быстро убедился, что в этом смысле его обычно сговорчивая жена оказалась непреклонна.

– Если нет, – заявила она, – я уйду.

Возникло затруднение. Хотя в душе Альфред радовался поводу покончить с опасным занятием, к тому имелось очевидное препятствие.

– Мастерскую охраняют люди Ральфа. Его шпионы повсюду. Куда теперь спрятать оружие? Даже если выбросить в реку – как его вынести?

Ни он, ни Барникель не находили ответа, пока Датчанин, вспомнивший о гениальной выдумке Озрика, не предложил наконец:

– Попросим нашего коротышку-плотника. Может, его осенит.

Озрик же, внимательно выслушав их и немного подумав, выдвинул план, от которого старый великан ахнул и с хохотом, восторженно проревел:

– Это такая наглость, что может и выгореть!

Тук. Тук. Как можно тише. Удары молоточка по зубилу разносились во тьме по огромному подвалу. Тук, тук. Иногда он задерживал дыхание, едва ли веря, что даже толстые стены Тауэра могли заглушить отрывистые звуки.

Приглушенное звяканье – раствор аккуратно выщерблен. Скрежет и стук – камень вынут. Все это в свете маленькой масляной лампы среди крошечного мрака под криптой. И снова позвякивание – подобно трудолюбивому гному, Озрик вторгся в нутро могучей норманнской цитадели.

На мысль его навело хранилище, сооруженное им же три года назад.

– Стены за криптой примерно двадцать футов толщиной, – объяснил он Барникелю. – Если хватило места под хранилище, то столько же должно быть внизу, в подвальной стене.

Произведя тщательные расчеты, Барникель и Альфред сообщили ему, что им нужна полость футов пять на восемь, чтобы сгрузить туда все незаконно изготовленное оружие. Может ли он сделать такую?

– Неделя понадобится, – ответил он.

Ему не составило труда проникнуть в безлюдный Тауэр ночью. Альфред снабдил его ключами к подвальным дверям. Но времени было в обрез. К моменту, когда он начнет переносить оружие, Ральф выставит у двери часовых. Поэтому маленький работяга трудился почти до рассвета, осторожно расшатывая камни ради небольшого пространства, куда мог вползти и вгрызться в кладку более мягкую.

Эту щебенку он тщательно складывал в мешок, который тащил из крипты через восточный отсек, далее – в больший западный и, наконец, к колодезю, куда и опорожнял, после чего возвращался. На исходе каждой ночи он ставил камни обратно в стену и скреплял тонким слоем раствора в надежде, что этого не заметят в подвальной темноте. Тщательно подметал пол и уходил.

Так продолжалось ночь за ночью. Никто ни о чем не догадывался – может, лишь замечали, что иногда он работает сонный.

Его беспокоило только одно.

– Я сброшу в колодец столько щебенки, что как бы совсем не засыпать, – сказал он Датчанину.

Но каждую ночь без труда добывал ведром чистую воду. К концу же недели, как он и рассчитывал, образовалась потайная полость. Ее как раз хватало, чтобы встать в полный рост.

Дело оставалось за малым.

В последнюю ночь он пошел не к стене, а в большой западный подвал. Внушительный водосток в углу был перегороден прочной железной решеткой, изготовленной Альфредом. Для чистки и починки стока ее поворачивали на петлях, а потом вновь закрывали. Озрик отпер ее ключом, который дал ему Альфред, и спустился на веревке на дно. В длинном проходе он согнулся чуть ли не вдвое и прошел пятьдесят ярдов, пока не добрался до отверстия. Через него можно было попасть на речной берег. Лаз тоже забрали толстой металлической решеткой.

Время выбрали удачно. Наступил отлив, и ход был почти сух. Озрику встретилось лишь несколько крыс. Однако эту решетку со здоровенными прутьями было не отпереть ключом, а потому остаток ночи Озрик трудился над каменной кладкой, покуда не расшатал. Затем снова тщательно закрепил ее, но в этот раз – лишь тонким слоем раствора, чтобы прицельными ударами молотка в нужных местах распахнуть решетку с любой стороны. Наконец вернулся в подвал, запер решетку водостока и удалился.

С этого момента он мог проникнуть сюда с реки через сырой и узкий туннель.

– Об этом Ральф не подумает, – сказал он товарищам. – Да и кому захочется соваться в подвалы Тауэра, кроме меня и крыс?

Через три дня они переправили оружие в Тауэр. Все прошло гладко; от нескольких мастерских туда выехало по три повозки под вооруженной охраной.

Но когда очередь дошла до Альфреда, тот оказался не готов, и прибывшие в некоторой досаде уехали, чтобы вернуться позднее. И лишь ближе к вечеру он смог погрузить в повозки весь свой арсенал, завернутый в промасленное тряпье.

Охрана, увидевшая, что оружия намного больше, чем ей сказали, с великой скоростью устремилась к цитадели в сопровождении самого Альфреда.

Для переноса тяжелого груза в Тауэр и вниз по витой лестнице в погреб понадобилось несколько человек. Оружие складывали у стен. Когда Альфред властно призвал стоявшего неподалеку Озрика, чтобы тот помог, никто не обратил на это внимания. Даже у Ральфа, наблюдавшего за доставкой оружия в великую крепость, не возникло никаких подозрений. Да и с чего бы, если оно отправлялось в Тауэр?

Опять же, когда две подвальные двери заперли и выставили караул, никто не заметил исчезновения Озрика.

Мужчина трудился всю ночь. Действовать приходилось осторожно. Тихо, как только мог, с помощью тайно переданных Альфредом инструментов, он расшатывал камни, дабы обрести доступ в потайной отсек. Затем начал переносить оружие.

Альфред уложил все толково. В каждой скатке покоилась вторая с оружием внутри. Поэтому даже по изъятии всего незаконного казалось, что общее количество предметов не изменилось. Один за другим извлекал Озрик мечи, наконечники копий и прочие штуки, переносил их в тайник. Затем поставил камни на место и вновь, как прежде, скрепил их толикой раствора.

Дальше все просто. Ему оставалось лишь отомкнуть решетку над водостоком и вползти. Просунув руку меж прутьев, он бы довольно легко запер ее за собой и выбрался на берег, отомкнув и вторую решетку, а после тоже закрепив.

Озрик, впрочем, медлил. Сначала присыпал свежеработанную стену пылью, чтобы скрыть влажный раствор. Затем, с лампой в руке, еще раз все проверил, дабы не оставить следов своего присутствия. Уже приближался рассвет, когда он наконец удовлетворился и счел возможным уйти. Озрик одолел лишь половину большого западного подвала, но вдруг услышал позади скрип тяжелой дубовой двери в низу лестницы.

Ральф маялся без сна. Он был слишком возбужден. Сам монарх уже выразил удовольствие его действиями с оружием, и вот, едва занялся рассвет, Ральф решил взглянуть на свою работу.

Держа над головой фонарь, он спустился в огромный западный подвал, где сложили оружие. С улыбкой воззрелся на арсенал. Отличное собрание, все под замком.

Затем он увидел Озрика. Малый спал, сидя на полу и привалившись к стене. Какого дьявола ему здесь понадобилось? Ральф подносил фонарь к лицу Озрика, пока тот не распахнул глаза. И тут Озрик улыбнулся.

– Слава богу, сударь, вы пришли, – сказал он.

Похоже, его забыли здесь вечером.

– Я и в дверь колотил, и орал, – объяснил Озрик. – Но никто не пришел. Я просидел тут всю ночь.

Ральф подозрительно огляделся, потом обыскал его.

Все это время Озрик благодарил про себя Господа за то, что догадался швырнуть в колодец ключ от решетки вместе со всем инструментом.

Не найдя ничего особенного, Ральф обдумал ситуацию. Парень, видно, не врал. Иначе как бы он сюда попал? Да и что здесь делать? Пребывая с утра в исключительно добром расположении духа, носатый нормандец сделал нечто немыслимое. Он пошутил.

– Что ж, Озрик! – молвил Ральф. – Ты стал самым первым узником Тауэра!

И выпустил его.

Позднее же, днем, Барникель пробормотал с еще большим удовлетворением:

– Оружие собрано в Лондоне там, где никто не подумает искать. И мы, благодаря водостоку, можем забрать его когда захотим.

Но Датчанин радовался недолго.

К июню Лондон наводнили наемники. Вторжения ждали со дня на день. Такого напряжения в городе не было с 1066 года. Наступил июль. Потом август. Солдаты приходили и уходили. Каждый парус над эстуарием казался угрозой. Ползли слухи.

– Они, однако, так и не идут. Не понимаю, – ворчал Барникель.

Затем правда начала просачиваться.

«Что-то неладно. Вышла задержка. Он не придет».

Англия ждала, но на горизонте так и не показалось ни одного драккара.

Крушение великого датского похода 1085 года, который мог и впрямь положить конец норманнскому правлению в Англии, остается исторической загадкой. Был собран огромный флот. Новый Кнут изготовился и горел желанием отплыть. И далее возникла некая смута. В чем было дело и почему – покрыто тайной до сих пор. Известно, что на следующий год Кнута убили. Нам никогда не узнать, явились ли причиной тому истинно внутренние раздоры или они были грамотно спровоцированы агентами Вильгельма Английского. Но как бы там ни было, флот остался на месте.

Прошла осень, Тауэр рос. Наступило холодное Рождество, и Датчанин, устало сходявший к берегу, различил лишь размытые контуры огромного каменного прямоугольника, черневшего сквозь снег. Его охватили апатия и чувство собственной никчемности.

Но судьба поберегла свой мрачный сюрприз до весны.

Барникель еще с осени подозревал, что его водят за нос. После Михайлова дня, когда он истребовал ренту с нового поместья в Дипинге, тамошний управляющий прислал ему смехотворную сумму. Барникель возжелал объяснений, и гонец вернулся с бессмысленным донесением. «Он либо дурак, либо меня держит за дурака!» – чертыхнулся Барникель и, если бы не сильный снегопад, отправился бы сам вершить суд и расправу. Он выехал ранней весной, едва сошел снег.

Путешествие заняло несколько дней. Сначала пришлось пересечь дремучие леса за Лондоном, затем ехать бескрайними пустошами Восточной Англии. Ветер был влажен, но бодрящ.

Однако в день прибытия он унялся до легкого бриза, а небо отчасти расчистилось. Приятным мартовским утром Барникель въехал в прибрежное селение Дипинг.

Там он не поверил своим глазам.

– Что тут стряслось, черт возьми? – спросил он у подавленного управляющего.

Тот лишь ответил:

– Сами видите.

Ибо селение пребывало не среди широких полей, но в плену свинцового Северного моря, соленые волны которого лизали его с трех сторон.

– В этом году затопило еще на пятьдесят ярдов, – сообщил управляющий. – Еще пара лет – и от деревни, видать, ничего не останется. И так на пять миль вдоль берега. – Затем, со строгим удовлетворением на длинном бледном лице, добавил: – Вот оно, сударь, ваше поместье. – Он указал на восток. – Целиком в море.

Видя, что так и есть, несчастный Барникель взревел:

– Этот чертов Силверсливз обманул меня! – И после добавил: – Я проклят.

Почему, недоумевал он, почему поднималось море?

На самом деле это было не так. Или вряд ли так. Последние ледники ледникового периода тают по сей день, избирательно повышая на севере уровень моря, но истинная причина наводнения заключалась в другом давнем феномене: наклоне Англии. Именно это и наблюдал Барникель – медленный геологический сдвиг, из-за которого побережье Восточной Англии опускается, тем самым повышая уровень воды в эстуарии Темзы. По этой причине и тонули низины вдоль восточного побережья, будучи отвоєванными северными морями.

Датчанин таращился на восток и выкрикивал в море проклятия, все еще большей частью адресованные коварному Силверсливзу, однако знал, что делать нечего.

– Я оттиснул палец, скрепил печатью! – Его объегорили.

Он был бы потрясен еще больше, когда бы знал истинную причину своей беды.

Давным-давно, когда Силверсливз взял на себя долг Леофрика канскому купцу Бекету, он лишь продолжил осуществлять старый замысел, имевший целью тайно прибрать к рукам всю торговлю, которую вел его давний соперник с Лондоном. Лишь в последнее Рождество, когда Бекет задолжал за шесть морских транспортов, хитрый каноник собора Святого Павла вдруг прекратил всякие платежи и отказал во всех поставках.

– И это, – объяснил он Анри, – разорит их к Пасхе.

Из-за глупой выходки двадцатилетней давности под удар попал и Барникель – так архитектор добавляет ради симметрии часовню к строению, в иных отношениях безупречному.

Став мудрее, беднее и внезапно постарев, Барникель вернулся в Лондон с неотступным чувством, что нормандцы победили. Он добрался до своего дома в Биллингсгейте, не сломал ни одной двери, но на три недели слег и выхлестал куда больше эля, чем следовало. Несчастный не приходил в чувство, покуда Хильда после трех безуспешных попыток не добралась наконец до него и не сварила котелок похлебки.

В 1086 году, отчасти по причине издержек во время прошлогодней паники, король Вильгельм Завоеватель начал преобразования, вошедшие в число самых примечательных в истории. Это стало серьезнейшим испытанием не только его дотошности, но и – в большей мере – власти над его собственными феодалами. В средневековой Европе на это не осмелился ни один другой правитель.

То была «Книга Судного дня».²¹ Приказ о ней Вильгельм отдал в Рождество 1085 года. Его чиновникам предстояло обследовать всю глубинку, деревню за деревней, измерить и оценить каждое поле, каждую рощицу, счесть всякого вольного, серва и даже домашний скот. «Свиньи не пропустит», – говорили люди в трепете и отвращении. В итоге король Вильгельм приобретал основу для самого эффективного налогообложения на все времена, вплоть до нынешних.

Вильгельму в этом смысле повезло несказанно. Большинство европейских феодалов повиновались своим монархам с великой неохотой и никогда бы не стерпели такого дознания. Даже сам Вильгельм не пытался проделать того же в своем нормандском герцогстве. Но островная Англия – другое дело. Он не только заявил о своих на нее правах в силу захвата, но и обзавелся своими людьми среди землевладельцев – таких, покорных и привязанных к нему лично, было большинство. Поэтому он мог быть дотошным.

Ясным апрельским утром Альфред-оружейник приехал в селение близ Виндзора, которое покинул мальчишкой. Несколько лет он собирался проведать родных и вконец разволновался, приблизившись к знакомому изгибу реки.

Доходами с этого места он был обязан отцу. Кузнец долго арендовал в поместье несколько наделов, за которые выплачивал денежную ренту. После его кончины часть из них перешла

²¹ Неофициальное название первого земельного кадастра «Земельная опись Англии».

к Альфреду, который продолжил платить, а его брат наладил обработку земли. Это обеспечивало лондонцу скромный дополнительный доход, которому тот радовался. Сохранялась и связь с семьей. Теперь же, зная, что писцы Судного дня скоро явятся в Виндзор, Альфред решил отправиться туда и проверить, правильно ли составлены земельные декларации.

Его встретил приятный, живой пейзаж. Огромное поле уже возделали. Сев только завершился, и почву боронили, пока птицы не склевали зерно. Четыре могучие выючные лошади тащили по жирной земле большой деревянный плуг с зубцами, укрывая посевы. За ними следовала стайка ребятишек, камнями и криками отгонявших жадных птиц.

Вот и старая кузница с деревянной крышей, отцовская наковальня и острый, знакомый запах угля. Ничто не изменилось.

И все-таки что-то было не так. Хотя брат с семьей встретили его достаточно радушно, Альфреда тревожило нечто неуловимое. Напряжение между супругами? Собачий взгляд в его сторону? Он недоумевал, в чем дело, но времени спросить не нашлось, так как оценщики уже прибыли.

Их было трое: два французских писца и переводчик из Лондона. Управляющий помещением водил оценщиков по округе. Их натренированные глаза подмечали все.

До кузницы они добрались едва ли не напоследок. Один чиновник отправился с лондонцем инспектировать луг, другой на пару с управляющим обходил жилые дома, и было видно, что ему не терпится убраться. Писец вопросительно взглянул на управляющего, который указал на брата Альфреда со словами:

– Справный крестьянин. Отрабатывает надел трудовой повинностью.

Альфред вытаращил глаза. Это ошибка!

– Ты платишь ренту, – подсказал он брату, но тот стоял бараном и ничего не сказал, когда писец сделал отметку.

– А этот?

Теперь смотрели на него.

– Я Альфред-оружейник из Лондона, – отвечал он твердо. – Свободный гражданин. Плачу ренту.

Управляющий подтвердил это кивком, и чиновник уж изготовился записать, когда напарник позвал его взглянуть на что-то на лугу. Тот удалился, и Альфред повернулся к брату.

– Что это значит? – спросил он. – Ты что же, серв?

Тут все и выяснилось. Времена были тяжелые, работы в кузнице мало, а ртов слишком много. Брат говорил скупой, без убежденности и закончил пожатием плеч.

Альфред понял. Свободные люди платили ренту, а также королевские налоги. Если вольный крестьянин не справлялся с этим бременем, то для него являлось обычным делом взять трудовую повинность и стать сервом.

– Какая разница? – вяло спросил брат.

Если разобраться, не такая уж и большая. Но Альфред не считал это оправданием. Это означало, что брат сдался. Затем он взглянул на его жену и прочел в ее глазах мысль: нам было бы легче, отдай богатый братец из Лондона свою здешнюю землю, которая ему не нужна.

В этот момент Альфред испытал занятное чувство, нередко свойственное успешным людям при общении с бедными родственниками. Было ли это подлостью, звериным инстинктом выживания, брезгливостью или простым нетерпением, но он ощутил внезапную ярость. И хотя внутренний голос напомнил, что без Барникеля голодать бы и ему заодно, он мигом заткнул его: «Я просто сразу ухватился за шанс». А потому, взирая на них с отвращением, сказал:

– Счастье, что тебя не видит отец.

Французский чиновник, когда вернулся, больше ни о чем не спросил. Мельком взглянув на другие хозяйства, он собрался отбыть. И только тут вспомнил, что обязан что-нибудь написать о малом с белой прядкой. Кем он назвался, дьявол его забери?

– Будь прокляты эти англичане, – пробормотал он. – Вечно запутают!

Ибо французские писцы, невзирая на тщательность описи, нередко бывали поставлены в тупик тем, что находили.

«Кто этот человек – раб, серв или вольный?» – вопрошали дисциплинированные чиновники, обученные латыни. В ответ они часто получали отчет о странных, неопределенных соглашениях, продиктованных временем и обычаями, – клубок, который едва ли могли распутать даже местные. Как поместить англосаксонскую неразбериху в четкие рамки, как требовала документация? Они зачастую сомневались, а потому прибегали к некой общей категории с намеренно расплывчатым официальным статусом. Так появился разряд *villanus* – виллан; определение, не имевшее на тот день никакого конкретного смысла и означавшее ни серва, ни вольного, а просто крестьянина.

Писец нахмурился. Он не помнил слов малого с белой прядкой, зато не забыл, что человек, стоявший рядом и на него похожий, являлся сервом. Поэтому он вздохнул и пометил: виллан. Так Альфред оказался представлен в великой английской книге «Земельная опись Англии» мелкой и анонимной ошибкой. Тогда это, правда, виделось ерундой.

1087 год

В августе 1086 года в замке Сарум, что в восьмидесяти милях к западу от Лондона, состоялось крупное и важное собрание. Король Вильгельм представил огромные тома «Книги Судного дня», и вся его рать присягнула ему. Впору праздновать, но в атмосфере все равно разливалось уныние. Король дряхлел. Он был чрезвычайно тучен, в седло усаживался с неизменным стоном. Врагов у него было много, как никогда; среди них выделялся завистливый французский король. Глядя на своего стареющего и немощного правителя, великие мужи королевства вновь исполнились дурного предчувствия.

Ибо если любили Вильгельма не многие, то боялись все. Он был суров, но сохранял порядок. Что будет с его нормандскими землями и Английским королевством, когда великого Завоевателя не станет?

Все отойдет его сыновьям. Угрюмому и недоброму Роберту. Смышленому и жестокому Вильгельму, прозванному за рыжую шевелюру Руфусом. Он не женат, и говорили, что женщинам в постели он предпочитал юношей. И Генриху, младшему, далекому и неизвестному. Еще был честолюбивый неродной дядя – епископ Одо из Байё, томившийся в темнице, куда заточил его король Вильгельм. И что же будет, когда слетятся все эти личности?

Следующей весной дела ухудшились. На западе начался падеж скота, стремительно распространявшийся. В конце весны пронесли ужасающие бури. Они породили тревогу за урожай. Король Вильгельм опять воевал на материке, а его эмиссары уже пытались ввести новые налоги.

Поэтому не приходилось удивляться тщательным расчетам, которым предались озабоченные будущим лондонские купцы. Шли месяцы, множились тайные совещания. Не стало неожиданностью и то, что в некоторых участвовал Барникель.

Но даже в мрачные времена бывает, что на какой-нибудь закуток прольется луч света. Весной 1087 года Озрик узнал, что Доркс вновь ждет ребенка.

Это была третья беременность. Вторая девочка родилась мертвой. Но этот бутуз пинался так отчаянно, что все выглядело иначе. Озрик заметил, что и вынашивает она его по-другому. И в душе не сомневался: будет сын.

Сын! Озрику перевалило за двадцать, а в те суровые времена чернорабочие жили недолго. Богатый купец действительно мог состариться в стенах уютного дома. Но Озрик рисковал не дотянуть до сорока. Он уже лишился трех зубов.

Сын, который, Бог даст, вырастет до кончины отца. Сын, которому может выпасть лучшая доля.

– Возможно, – сказал жене Озрик, – он станет плотником, если ему повезет больше, чем мне.

– А как ты его, мальчика, назовешь? – спросила Доркс.

Недолго думая, тот ответил:

– Именем величайшего английского короля – Альфредом.

Но самое удивительное стряслось в том году с Ральфом Силверсливзом.

В августе, когда очередная буря уже погубила урожай, он объявил, что женится.

С девушкой Ральф познакомился в мае. Она была созданием дородным и белокурым – дочерью состоятельного германского купца, проживавшего тогда на германской пристани в устье Уолбрука. У девицы было большое плоское лицо, огромные голубые глаза, крупные кисти, здоровенные стопы и, как она любила говаривать всем внимавшим, нешуточный аппетит. Осознав себя неприкаянной в двадцать три года, она положила глаз на Ральфа и решила,

что ей милы его неуклюжие манеры. Ничто не могло доставить Ральфу большего удовольствия, чем восторг на лице отца и потрясенное недоверие в глазах Анри, когда он поделился с ними новостью.

На шее он гордо носил ее подарок: талисман с изображением стоящего на задних лапах льва. Она заявила, что Ральф, по ее мнению, и сам таков. Они собирались пожениться до Рождества.

Звали ее Герта.

Летом в семье Силверсливза случилась еще одна важная перемена, но так тихо, что никакие слухи не пошли.

В июне Хильда поняла, что муж изменяет ей. Она не знала точно, когда это началось. Трещина между ними все ширилась, пока однажды Хильда не открыла, что ни один из них, честно говоря, уже не хочет ее заделать. Она смекнула, что дело в женщине. Затем, одним июньским вечером, он заявил, что должен уйти и может не вернуться ночевать.

Поскольку отец ее, Леофрик, недавно занедужил, она отправилась посидеть с ним в свой старый дом под знаком Быка. Через несколько дней Анри ушел снова. Тогда Хильда уверилась.

Неизбежный кризис разразился довольно неожиданно.

После бурь, уничтоживших урожай, установилась жара и сушь. Зной бесплодного лета затянулся до конца сентября – все иссохло, и многим казалось, что где-то вот-вот полыхнет.

На исходе лета в год 1087-й от Рождества Господа нашего Вильгельм, герцог нормандский и король Англии, был ранен при осаде французского замка, не представлявшего большой важности. Рана загноилась. Очень скоро стало ясно, что он при смерти.

У смертного одра собралась семья. Роберту пожаловали Нормандию; Вильгельму Руфусу – Англию; юному Генриху – деньги. Одо, сводного брата умиравшего короля, выпустили из тюрьмы. Так приуготовилась сцена для века зависти, интриг и убийств. После нескольких дней долгого пути по жаре к нормандской родовой церкви в Кане разложившийся труп короля Вильгельма Завоевателя, разбухший настолько, что не влезал в гроб, лопнул, забрызгав собравшихся внутренностями.

Тем временем Руфус поспешил пересечь пролив, дабы короноваться в Англии.

Спустя две недели, сухим и теплым октябрьским днем, небольшая группа мужчин навестила Барникеля Датчанина в его доме у церкви Всех Святых. Выслушав их, Барникель улыбнулся:

– То, что вам нужно, у меня есть. Все собрано под замком.

И тайно послал за Озриком.

Барникель Датчанин не знал, что везение закончилось.

Ральф Силверсливз едва мог поверить своей удаче. Отличная возможность, если выгорит, произвести впечатление на нового короля!

Он понимал политический расклад, ибо его терпеливо растолковал ему Мандевиль.

– Роберт попытается отнять у Руфуса Англию, ибо хочет владеть не меньшим, чем было у отца. Одо, вероятно, его поддержит. В этом случае он сможет прислать из Кента огромное войско рыцарей. Насколько я знаю, к ним готовы присоединиться многие бароны, не жалующие Руфуса. И будь уверен: в Лондоне есть люди, которые выступят на их стороне, если сочтут это выгодным. Но большинство шерифов, – продолжил придворный муж, – и вся глубинка хотят правления английского короля, а не нормандского герцога. Поэтому мы встанем за Руфуса. – Он холодно посмотрел на Ральфа. – Наша задача – сохранить в Лондоне мир. Найти заговорщиков. Отыскать их оружие. Если что-то найдем, Руфус будет нам благодарен.

На следующий день Ральф тщательно обдумал услышанное, после чего призвал десяток шпионов и объявил:

– Мы приготовим ловушку и захватим всех скопом.

Озрик с улыбкой стоял на берегу. Все будет славно.

За ним возвышалась серая громада Тауэра. Огромный королевский этаж почти достроили. Уже привезли здоровенные дубовые балки, которые перекинут через все здание для будущей крыши. Деревья подходящей величины нашли лишь в пятидесяти милях, их пришлось перевозить по реке. На крышу уйдет еще два года, но даже сейчас при свете дня величественное, мрачное сооружение как будто заявляло, что пусть оно нормандское, однако имеет на эти склоны не меньше прав, чем кельтские вбронь.

Озрик огляделся. Место, где водосток выходил к реке, было надежно скрыто – его заслоняли плотницкие хижины. Лодку Барникеля удастся подвести к самой решетке и разгрузить оружие незаметно. Отомкнуть решетку – дело считанных секунд. Затем предстояло ползти до внутренней.

Пока Барникель будет присматривать за лодкой, он опустошит тайник и вынесет оружие. Еще до того, как забрезжит осенний рассвет, они уже, всех обдулив, уплывут по реке.

Озрик не знал и не спрашивал, кому предназначалось оружие. Если Датчанин сказал, что нужно, этого было достаточно. Риск, по его мнению, был невелик. Еще один удар по нормандскому королю. Вдобавок он заявил Датчанину, что это будет отличный подарок к рождению сына.

Роды ожидались со дня на день. Двое суток назад он решил, что у Доркс начались схватки. Малыш, ясное дело, родится еще до конца недели. Наверняка будет мальчик.

Дело решили провернуть в Тауэре на следующую ночь. Довольный тем, что все идет по плану, Озрик ждал с нетерпением.

Анри тем же вечером ушел, намекнув, что может не вернуться. Хильда же, оставив детей на прислугу, решила провести ночь в отцовском доме. Пробыв там час, она еще до захода солнца выскользнула и пошла по Уэст-Чипу.

У церкви Сент-Мэри ле Боу она увидела девушку-германку, которая не замедлила ее окликнуть. Хильда вздохнула. Будучи саксонкой, она обычно ладила со здешними германскими купцами, добросердечными и работающими. Будущая невестка ей нравилась, но немного утомляла. Герта же нынче сияла.

Хильда спросила о Ральфе.

– Лучше некуда! Он чудесный! Мы только что виделись. – Она, вся лучась, была взволнована воспоминанием. – Он так умен!

И Герта, не замечая озадаченности, которая промелькнула в лице Хильды при этой новости, взяла ее под руку, притиснула к стене церкви Сент-Мэри ле Боу и, неожиданно доверительным тоном, сообщила еще кое-что – намного удивительнее и любопытнее.

– Он просил никому не рассказывать, – шепнула Герта, – но мы же родня. – Она огляделась, убедилась, что никто не подслушивает, и спросила: – Ты умеешь хранить тайны?

Когда Хильда дошла до крепкой, соломой крытой усадьбы Барникеля Датчанина, над церковью Всех Святых проступили первые звезды, а ниже, в котловане, вокруг Тауэра сгустились тени, уподобившиеся рву.

Барникель расхаживал, зажигал лампы, она же задумчиво наблюдала. Его борода стала больше седой, чем рыжей. Хильда, выложив плохие новости, пришла в расстройство – до того он выглядел старым и измученным. Но тот, похоже, вновь обрел силы. Взяв со стола кувшин, Барникель разлил по кубкам вино.

Она смотрела на него, наполовину сочувствуя, наполовину восхищаясь.
– Что будешь делать? – спросила Хильда.

Подсказку Ральфу дал бедный крестьянин из эссекских лесов. Его застали с мечом, при-
тащили в колчестерский замок, где и учинили нешуточный допрос. Он отважно упорствовал
в молчании, однако заговорил, когда ему расплющили суставы пальцев.

Меч был у него давно, еще с той поры, когда он жил в лесу с людьми Херварда Уэйка.
Прошло, однако, уже больше пятнадцати лет.

– Они все мертвы, – заявил он.

Из Колчестера малого отправили в Лондон, и Ральф получил возможность его допро-
сить. Тот добавил немного, за исключением одной вещи. Он признал, что оружие поступало из
Лондона, где жил человек, которому доверяли мятежники. Малый клялся, что не знал о нем
ничего, пока перед самой смертью не вспомнил одну деталь: «У него была рыжая борода».

Скудные сведения. Бог весть, сколько было рыжебородых в старом англо-датском городе.
В конце концов, рыжие бороды носили многие нормандцы. Но постепенно, по мере того как
Ральф обдумывал все известные факты, в голове у него начал складываться образ ненавистника
норманнов, члена старой гильдии защиты, товарища Альфреда-оружейника.

После он узнал и другие вещи. Фрагменты головоломки складывались, пока он в бешен-
стве не заорал:

– Меня обвели вокруг пальца! – Потом, с улыбкой жестокого удовлетворения, добавил:
– Зато теперь я прищучу всех до единого.

И Ральф приготовил ловушку.

– Он явится завтра на рассвете. Обыщет этот дом, а дальше – склад в Биллингсгейте и
мастерскую Альфреда. Если найдет оружие, тебе конец. Если нет, его шпионы будут следить
за тобой повсюду, – встревоженно произнесла Хильда.

Датчанин, слушая, только кивал.

– Им ничего не найти, – заверил ее Барникель. – А что до слежки... – Он пожал пле-
чами. – Немного изменим план, вот и все.

И рассказал ей об Озрике и тайне Тауэра.

Осознав опасность, в которой пребывали старик и его друзья, она разнервничалась.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Хильда.

Барникель объяснил, что все проще некуда. Если Роберт станет королем, ему придется
править огромными территориями.

– А он не похож на отца. – (Нормандская власть ослабеет.) – И тогда...

Наследники старого английского рода еще живы. Как и потомки короля Гарольда. Какое-
то время Барникель втолковывал ей, что может произойти. Наконец она с улыбкой покачала
головой:

– Я понимаю одно: ты все равно не отступишься.

Он ухмыльнулся, почти как мальчишка:

– Я слишком стар, чтобы сдаться. Если старик сдастся, то умирает.

– Неужели ты чувствуешь себя таким старым? – спросила она с искренним любопыт-
ством.

– Иногда, – улыбнулся он. – Но не с тобой.

И она зарделась, зная, что это правда.

Огонь в жаровне посреди комнаты едва горел. Он чуть добавил угля и опустился в боль-
шое дубовое кресло, указав Хильде на скамью, и несколько минут они сидели молча, вполне
довольные. Она заметила, что в неподвижности его лица, хотя то не стало моложе, обознача-

лась мощь, как у величественного старого льва, еще не растерявшего сил. Он сосредоточенно попивал вино.

Что за странный вечер, думалось Хильде. Она сделала все, что могла. Наверное, пора и уйти. Но ей не хотелось уходить. Отец к заходу солнца всегда засыпал. Мужа носило бог знает где. Вскоре, ни слова не говоря, она придвинула скамью и положила голову на грудь Датчанину.

Тот не шелохнулся. Через несколько секунд она почувствовала, как он поглаживает ее волосы огромной заскорузлой лапищей. Хильда принялась играть его бородой и уловила смешок.

– Наверно, я занимаюсь этим далеко не первая, – заметила она мягко.

– Мало кто пробовал, – отозвался он.

– Как жаль... – начала Хильда и умолкла.

– Чего?

Она собралась сказать: «Как жаль, что я не вышла за твоего сына». Вместо этого ответила: «Ничего». Он не настаивал.

Минуты текли, и Хильда поймала себя на обдумывании своей жизни. Перед глазами встало холодное лицо Анри. Выкинув его из головы, она сказала себе: «Лучше бы я вышла за этого старика, даже нынешнего, с его редкой отвагой и большим, горячим сердцем». Внезапно, желая выразить любовь и что-то для него сделать, она извернулась и, мягко улыбаясь и глядя в глаза, поцеловала его в губы.

Датчанин вздрогнул, она повторила.

– Если ты это продолжишь... – прошептал он.

– Да, – отозвалась она счастливо и к собственному удивлению.

У Барникеля давно не было женщины, и он боялся, что дело это окажется для него непростым. Однако едва он встал и заключил в объятия молодую женщину, которую когда-то любил отцовской любовью, как все сомнения исчезли.

Что до Хильды, то она, впервые разомлев от неспешных и бережных ласк зрелого мужа, испытала еще не изведенное тепло.

Они пробыли наедине до раннего утра, когда Хильда прокралась по улицам к отцовскому дому и юркнула в покои, где тот почивал.

Так, по истечении многих лет, восторжествовала последняя любовь Барникеля.

Вскоре после рассвета Хильда, как попросил Датчанин, выскользнула из дома и передала два сообщения. Одно адресовалось Альфреду. Другое – Озрику.

Ей было невдомек, что по пути к Барникелю и обратно за ней, как всегда, следили.

Ральф Силверсливз, сопровождаемый дюжиной вооруженных людей, лишь поздним утром навестил Барникеля на его биллинггейтском складе. Нормандец учтиво уведомил Датчанина о надобности произвести обыск, и Барникель, хоть и пожал раздраженно плечами, не стал препятствовать. Затем трое отправились в его дом у церкви Всех Святых.

Искали тщательно. Потратили два часа, но на исходе утра сдались. Тем временем прибыл человек из мастерской Альфреда. Там тоже ничего не нашли.

– Надеюсь, на этом ты успокоишься, – сухо заметил Датчанин Ральфу и расценил ответную гримасу как знак согласия.

Ральф, однако, едва завершился обыск, испытал настолько невыносимое чувство обманутости, что заявил своим людям уже на причале:

– Оружие где-то здесь. Мы не отступим.

И он постарался на славу. К ярости лодочников, затеял проверять их груз. Осмотрели еще четыре маленьких склада. Затем процессия двинулась по Ист-Чипу, заглядывая в повозки и лавки – сначала к ужасу, потом к глумливой радости торговцев. Но если Ральф и боялся

когда-то прослыть болваном, сейчас ему было все равно. Раскрасневшийся и решительный, он пер на восток, к Тауэру.

Незадолго же до полудня семейство Озрика-чернорабочего умножилось. Коротышка покинул хижину и взирал на возносившийся к небесам Тауэр. Он был до того рад, что на несколько минут лишился дара речи.

Ибо оказался прав. Родился сын.

Барникель был на взводе. Он провел дома весь день. События последних суток навалились тяжким грузом, и он изрядно устал. Теперь же, не в силах больше вынести одиночества, он все же отважился пройти к Ист-Чипу, дабы развеяться.

Было еще тепло, хотя на западе небо уже окрасилось в пурпур. Лавочники убирали свой товар. Он шагал по Ист-Чипу в сторону Кэндлвик-стрит. И уже почти в конце рынка наткнулся на Альфреда.

Обоим пришлось соображать быстро. Если есть слежка, то разумнее будет не возбуждать подозрений. Поэтому они собрались разминуться, ограничившись любезным кивком, и так бы и поступили, не поспеши к ним в ту же секунду фигурка, принявшаяся настойчиво дергать за рукава.

Это был Озрик. Одурев от счастья, он бродил здесь уже битый час. На рассвете Хильда велела ему избегать Барникеля, но тот при виде обоих друзей настолько разволновался, что обо всем забыл и устремился к ним с сияющим лицом.

– Ох, сударь! – воскликнул он. – О, Альфред! Ну и новости! – Альфред замедлил шаг, Барникель глянул, и Озрик выпалил: – У меня родился сын!

И вновь просиял, как будто они стояли у райских врат.

А те, в своих хлопотах позабывшие о семейных заботах Озрика, обрадовались, разразились смехом и принялись его обнимать.

Та ночь оказалась безлунной, а тонкая пелена облаков, принесенная крепнувшим ветром с запада, скрыла и звезды. Лодка скользила по реке, и единственным источником света был костерок, занявшийся где-то на западной городской стене.

Лодка глухо ударилась в топкую грязь у выходного отверстия башенного водостока.

Озрик был один. Его ответ на утреннее сообщение Датчанина был прост. Коль скоро за Барникелем следили, он останется дома. «Я и сам управлюсь», – сказал Озрик.

И вот он хорошенько привязал лодку к колышку и принялся ослаблять решетку. Наконец Озрик проник в водосток. Он осторожно пополз по темному туннелю, тревожимый лишь крысами, к черной пещеристой утробе лондонского Тауэра. Подтянулся на веревке и добрался до верхней решетки, отомкнул ее и двинулся через подвал.

Хильда сидела с вышивкой, но ей было трудно сосредоточиться. Анри явился рано утром, но говорили они мало – он только учтиво справился о здоровье ее отца. Весь день она прождала в неизвестности. Сейчас пыталась вышивать; Анри же играл в шахматы с младшим сыном и время от времени бросал на нее холодный и отрешенный взгляд.

Вечер проходил тихо. Немного дальше, у Уэст-Чипа, сумерки озарились пожаром, который охватил несколько зданий. Однако такое не было редкостью в Лондоне, и Хильда забыла об этом.

Но сердце екнуло, когда через два часа к ним наведалься Ральф.

О его утренних подвигах в Ист-Чипе знал уже весь Лондон, однако никто ничего не сказал, хотя Анри как будто развеселился, а Хильда встревожилась. Да и сам этот чурбан теперь не столько злился, сколько пребывал в задумчивости. Кивнув им и прихватив кувшин с вином,

Ральф сел против брата и некоторое время угрюмо смотрел на огонь. Когда же наконец заговорил, Хильда похолодела.

– Анри, у меня затруднение.

– Какое же?

Ральф отпил вина и медленно поднял взор.

– Шпион, – молвил он негромко. – Где-то рядом.

У Хильды затряслись руки.

– Смотри, – продолжил он, – сегодня я чуть не словил крупную рыбу. Оружие. Я уверен, что искал в правильном месте.

– Наверно, ты просто ошибся.

– Возможно, – согласился Ральф. – Но у меня, знаешь, чутье. По-моему, заговорщиков предупредили.

– Кто?

Ральф помолчал.

– Кто-то, знавший о моих планах. – Он посмотрел прямо на Хильду. – Кто, по-твоему, это мог быть?

Хильда знала, что покрылась смертельной бледностью. Она положила руки на колени и выдержала его взгляд. Знал ли он или то был невинный вопрос? Не блефовал ли, чтобы изобличить ее? Но с чего ему заподозрить? Она прикинула вероятность.

– Понятия не имею, – ответила Хильда.

Но ей самой показалось, что голос ее все-таки дрогнул.

Теперь на нее смотрели оба – Ральф и Анри. Она изнывала от желания встать и уйти, но не смела. Неизвестно, сколько продлилась бы эта пытка, когда бы не внезапное вторжение.

Это была Герта, раздумавшаяся от вечерней прогулки и просиявшая от радости при виде всего общества в сборе. Не замечая напряженности, она устремилась к Ральфу, поцеловала его, громко рассмеялась, когда тот неуклюже покраснел, взяла в свои ручки его талисман и чуть побаюкала.

– Пожар-то разгорается, – заметила она, и Хильда взмолилась, чтобы ее реплика сменила тему беседы.

Но ее молитва осталась без ответа. Герта повернулась к Ральфу со словами:

– Ну что, так и не сцапал рыжебородого?

– Что-то не задалось, – буркнул Ральф.

И Хильда вновь обнаружила, что все уставились на нее. Она же безмолвно смотрела на тевтонку. Неужели это какая-то страшная западня? Может быть, Герта уже сказала Ральфу, что еще вчера знала о его рейде? Или скажет сейчас? Но Герта, к ее меньшему ужасу, продолжила:

– Нынче вечером я видела его в Ист-Чипе – стоял с друзьями, обнимался и гоготал.

У Ральфа отвисла челюсть.

– С какими друзьями?

– Человек, который делает доспехи. Альфред или как его? И еще коротышка с круглой башкой. Без носа. – Она рассмеялась. – Они, может, и думают, что тебе их не словить, но ты поймаешь. – После чего чмокнула его в голову и ушла, объявив, что пойдет к отцу.

В повисшей тишине никто не произнес ни слова. У Хильды, взиравшей на свое шитье, смешались все мысли. Она не понимала, как удалось Герте увидеть обоих в обществе Озрика. О последствиях она не смела и думать. Наконец она взглянула на Ральфа.

Тот сидел словно аршин проглотив и смотрел на огонь. Казалось, что о ней он забыл, но лицо кривилось, как бы в страдании. Как же он проглядел эту связь? Она очевидна! Барникель был дружен с Альфредом. Тот – с Озриком. Озрика, увечного карлика-серва, он обнаружил в

подвалах Тауэра. Значит, там и спрятано оружие. В тех самых, для которых Альфред изготовил замки.

И вдруг он все понял. Нет, Ральф не представлял, как они это сделали. Зачем – тоже нет. Однако вскочил и проревел:

– Вот дьяволы! Я знаю, что они затеяли! Знаю, где спрятано оружие!

– Где? – спокойно осведомился Анри.

– В самом Тауэре! – заорал Ральф. И к ужасу Хильды, добавил: – Туда-то я сейчас и пойду.

И он вылетел из дома в сопровождении Анри.

Хильда мчалась стрелой. Во тьме ей казалось, что и вовсе летела. Она миновала длинную тень собора Святого Павла, затем побежала по склону западного холма к Уолбруку.

Нужно спешить. Возможно, уже слишком поздно. Но, невзирая на риск, пусть даже за его домом следят шпионы, она знала, куда бежать.

Нужно предупредить Барникеля. Он знает, что делать.

Хильда так торопилась, что едва ли заметила пожар, который с ветром успел перекинуться на Уэст-Чип и подбирался к домам на восточном холме.

А также не обратила внимания на нечто еще более странное. Когда она сбегала с холма, невдалеке за спиной бежал еще кто-то.

Она пересекла мостик через Уолбрук и устремилась по Кэндлвик-стрит. Та была пустынна. Хильда так запыхалась, что слышала только себя. Грудь разболелась. Достигнув Лондонского камня, она чуть помедлила, переводя дух. Преодолевая колющую боль в боку, Хильда подалась вперед.

Сильные руки схватили ее, застигнув врасплох, скрутили, набросили на голову капюшон. Не успела она крикнуть, как ее уже быстро поволокли в переулок.

Дело оказалось легче, чем мнилось Озрику. Он уже вошел в ритм. Сначала вынул из тайника все оружие и перенес к решетке. Переправить его в водосток оказалось не так трудно, как он воображал, и заняло всего полчаса. Затем он потащил его в скатках по черному туннелю, пока не достиг смутно видневшейся у берега решетки.

Через два часа после входа в подвал он был готов грузить оружие в лодку.

Его удивляло только одно. Всякий раз, когда он спускался к выходной решетке, ему чудилось, будто небо становится все светлее. Хотя в трудах он потерял счет времени, ему было ясно, что шла еще первая половина ночи. Значит, то был не рассвет. Озрик испытал потрясение, когда наконец выбрался в прибрежную грязь.

Пожар, гонимый ветром и начавшийся на западном холме, зажил своей жизнью, жуткой и яростной. Дело было не только в сухих и горючих деревянных зданиях Лондона, не сводилось оно и к ветру, подгонявшему неистовое пламя, – беда в том, что крупный пожар в определенный момент порождает собственный вихрь. Так и случилось той ночью в осень 1087 года: огонь разгулялся. Он с ревом и треском продвигался через восточный холм – вдоль отрога за Тауэром и кругом, к церкви Всех Святых.

Выйдя из туннеля, Озрик перво-наперво уловил шум. От города несли глухой и протяжный рев. Причину он увидел, только когда дошел до лодки и оглянулся.

Зрелище поражало. Огонь, свистя и рассыпая гроздь искр в вышине, единым языком тянулся по кольцу окрестных склонов. Там и тут он внезапно вздымался, как если бы за холмом притаился огнедышащий дракон, пожиравший город. И над пламенеющим кругом нависала исполинская черная тень Тауэра.

Картина, конечно, захватывающая, но Озрику было некогда глазеть.

Не обращая внимания на сполохи, он снова нырнул во мрак туннеля.

Ральф спешно спускался с холма к освещенной заревом громаде Тауэра.

Он столкнулся с препятствиями. Дважды, пока пересекал западный холм, ему пришлось задерживаться и руководить людьми, которые пытались сдержать огонь. Несмотря на все недостатки, Ральф был человеком действия. Выстроив цепь из воинов ладгейтского гарнизона, он даже попробовал потушить дом посредством доставки ведер от колодца. «Лейте на крыши!» – кричал он жителям Полтри. Близ Уолбрука Ральф предпринял еще одну слаженную попытку унять пожар. Но все увидели, как огромное красное чудище с шипением, брызжа искрами, переметнулось с одной соломенной крыши на другую, преодолев стофутовый зазор. Осознав наконец, что все бесполезно, он, преследуемый ревущим огнем, поспешил по охваченным паникой улицам к угрюмой тишине Тауэра.

В несколько прыжков Ральф одолел деревянную лестницу. Едва взглянув на бушующее вокруг пламя, он бросился в главный зал, зовя часового.

Ни звука в ответ. Он пересек помещение, направившись к ступеням, сходящим в подвал. В железном держателе пылал факел, но часового не было. Ральф выругался. Малый, конечно, ушел поглазеть на пожар. Схватив факел, Ральф отпер дверь и спустился по витой лестнице.

Сперва, оглядев помещение и главный западный подвал, ничего не увидел.

Затем углядел открытый водосток. Вот оно что! Вскинув меч, он замер в ожидании. Никто не появился. Выждал еще, напряженно вслушиваясь. Чуть позже, боясь, что заговорщики бежали, Ральф осторожно пробрался в туннель. Держа в одной руке факел, в другой меч, он двинулся по проходу.

Озрик погрузил уже половину оружия. Еще немного – и делу конец. Затем предстояло вернуться и проверить, не обронил ли чего. Начинался прилив. Тем лучше. Проще будет вытолкнуть тяжелую лодку из грязи.

Парень только сунулся в лодку уложить копья, как услышал позади звук. Когда же обернулся, то увидел, как из прохода показалась знакомая носатая физиономия Ральфа Силверсливза.

Нормандец выпрямился и улыбнулся.

– Озрик, ты один? – Оглядевшись, Ральф кивнул. – Думаю, да. – И, видя удивление Озрика, он спокойно продолжил: – Ты арестован именем короля. – Ступая по грязи, Ральф нацелил меч ему в диафрагму и прошипел: – Решил, что можешь со своими приятелями меня обмануть? Но ничего, очень скоро, возможно и там, – он мотнул головой в сторону Тауэра, – ты выложишь мне все.

Пламя над склонами разгорелось пуще прежнего. Откуда-то сзади, от церкви Всех Святых, донесся оглушительный треск, огонь взметнулся столбом. На лице нормандца, наполовину скрытом тенью, плясали красные отблески.

Тут несчастный Озрик сваял дурака. Перевалившись в лодку, он схватился за оружие. Мигом позже, смертельно бледный и с глазами большими и мрачными, как никогда, он вновь очутился лицом к лицу с нормандцем. В руке Озрик сжимал копье.

Ральф наблюдал. Он не боялся. Озрик сделал яростный выпад, но Ральф отступил. Он позволил Озрику карабкаться и надвигаться; сам же осторожно отходил по берегу вверх, уводя коротышку все дальше от лодки.

До чего же убог был Озрик! Ральф видел ненависть в его глазах; тот излучал ее всем существом – прорвалась злоба человека, страдавшего в кабале два десятка лет. Ральф даже и не винил его, просто не спускал глаз с кончика копья. Еще шагок назад. Теперь он был на полпути вверх, имея явное преимущество. Благодаря багровому зареву, столь яростно мерцавшему над Тауэром, копье было отлично видно, тогда как Озрик моргал – свет слепил ему глаза.

Озрик сделал выпад.

Дело оказалось проще некуда. Одним быстрым ударом меча Ральф отсек наконечник, оставив Озрика с древком.

– Что скажешь, малыш? – осведомился он мягко. – Убьешь меня этой палкой?

Большое круглое лицо Озрика помрачнело, взор сделался отчаянным и серьезным – рваная клякса на месте носа, обломок древка на месте острия. Без всякого смысла, но неспособный сдаться, он сделал еще шаг вперед, тыча в нормандца своим искалеченным оружием.

Ральф ослабился.

– Хочешь, чтобы я убил тебя, и таким образом надеешься избежать пыток? – спросил он. – Неплохо было бы, согласишься? – И он издал смешок.

Серв был нужен ему живым, но Ральфа забавлял его страх.

Он поднял меч.

Как же опешил Озрик! Как смешался! Клинок ли сверкнул? Или приблизилась смерть? А может, то был огромный огненный вал, взмывший за Тауэром? Как знать! Ральф начал опускать меч.

Но Озрик потрясенно ахнул не от огня и меча – его захватило другое зрелище. Из тени, заслонив даже Тауэр, появилась громадная фигура – рыжая борода и пара сверкающих глаз; руки, осиянные пожаром, поднялись, как у некоего мстительного божества из пантеона викингов. Могучий двуручный боевой топор рассек полыхавшее небо и опустился на голову нормандца, сокрушив череп и надвое разрубив торс до основания грудной клетки.

Барникель пришел.

Спустя полчаса они погребли тело Ральфа.

Идею подал Озрик, и она показалась дельной: завернули труп в промасленное тряпье и перенесли по туннелю в тайник, где прежде хранилось оружие. После парень тщательно заделал стену, и они удалились, не оставив следа, заперев и закрепив за собой решетки. Озрику было отрадно думать, что нормандец замурован навеки.

Вскоре он уже правил лодку к месту, где иные руки выгрузят оружие.

Барникель тем временем шагал через город обратно. Его дом у церкви Всех Святых был объят пламенем. Но он остался безразличен. Помочь беде было нечем. Пожар теперь бушевал повсюду – от торговых рядов на Кэндлвик-стрит до самого Корнхилла. Однако главным событием ночи был вопль, донесшийся до Барникеля, когда тот переходил Уолбрук: «Святой Павел горит! Здание рушится!» Барникель улыбнулся. Ибо держал талисман и цепочку, снятые с изувеченного тела Ральфа. Теперь он знал, как ими распорядиться.

Одно событие того вечера осталось загадкой.

Когда Датчанин с Озриком переносили тело, рабочий обратился к старику:

– Да, кстати, как тебе удалось подоспеть так вовремя?

Барникель улыбнулся:

– Мне сообщили. Я поспешил. Коль скоро я не встретил Ральфа по пути к Тауэру, пришел сюда. – Он ухмыльнулся: – Управился в самый раз!

– Но кто сообщил? – не унимался коротышка.

– Ах да! Действительно, большая удача! Прибыл гонец. От Хильды.

В том и была загвоздка.

1097 год

Загадка разрешилась летним вечером спустя десять лет, когда Хильда сидела в столовой своего дома у собора Святого Павла.

Оглядываясь на прожитую жизнь, она неизменно оставалась довольной. В последние годы дела, бесспорно, пошли на лад. Озрик скончался. Иногда она даже видела его сынишку, жившего ныне в семействе Альфреда. Не стало и Барникеля. Но она была рада этому. Через месяц после большого пожара 1087 года его сразил на биллинггейтской пристани удар, и он переселился в лучший мир. Годом позже в Кенте и Лондоне вспыхнуло ожидаемое восстание, которое потерпело сокрушительное поражение. «Слава богу, что он не дожил и не стал посмешищем», – часто повторяла себе Хильда.

Почил в бозе и старый Силверсливз. Двумя месяцами раньше, дождливой апрельской ночью, гонец доставил в его каменный особняк послание. Через час слуга нашел господина застывшим в кресле за чтением этого письма. Он был мертв.

Каноника собора Святого Павла со всеми почестями похоронили в церкви Святого Лаврентия Силверсливза. Через три дня Хильда и Анри переехали в его дом, и в последующие недели она дивилась богатству, которое он им оставил.

Воцарился мир. Ныне Руфус правил беспрепятственно. Недавно он отстроил в Вестминстере собственный замок, вполне под стать аббатству Исповедника. Король достраивал крепость близ Ладгейта. И Хильда, когда поднимала глаза, стоя во дворе своего дома, видела на месте сгоревшего той роковой ночью саксонского собора Святого Павла величественные очертания собора нормандского – массивного каменного строения, которому было суждено вскоре господствовать на горизонте подобно тому, как Тауэр властвовал на реке.

И все же при каждом взгляде на него и воспоминании о большом пожаре Хильда неизменно задумывалась над некоторыми странностями.

На пепелище был найден талисман Ральфа. Как он туда попал? И в чьем загадочном плену она провела два часа той ночью до того, как ее так же внезапно отпустили возле Уолбрука лишь с тем, чтобы она узрела, как полыхает половина Лондона? Хильда так и не нашла ответов на эти вопросы, да и не надеялась.

Теперь, когда дети выросли, Хильда с мужем часто оставались одни, давно взяв в обычай учтиво игнорировать друг друга, и благодаря этому вполне уживались.

Хильда спокойно вышивала, Анри играл в шахматы сам с собой за отцовской доской.

Однако этим вечером Хильда пребывала в раздражении. Причина, по ее мнению, крылась в доме. В суровом каменном здании ей всегда было не по себе. Хотелось выйти или поискать место более родное, уютное. Кляня за все это мужа, она то и дело неприязненно поглядывала на него.

Анри сделал ходов двадцать, пока наконец не заметил ее гневных взглядов. Он хладнокровно обратил к ней взор и произнес:

– Не выставляй свои мысли напоказ.

– Ты понятия не имеешь, о чем я думаю, – огрызнулась она, вновь берясь за иглу, и после нескольких стежков добавила: – Ты вообще ничего не знаешь обо мне.

Анри, улыбаясь, возобновил партию.

– Я знаю о тебе так много, что ты пришла бы в сильное удивление.

– И что же? – парировала она.

Какое-то время он молчал. Затем очень тихо проговорил:

– То, например, что ты была любовницей Барникеля. И помогла ему совершить измену.

Полминуты в каменном особняке царил безмолвие, нарушавшееся лишь слабым перестуком шахматных фигур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.